

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ
ДОЛГИЙ ВОСХОД
НА ЭННЕ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ

ДОЛГИЙ
ВОСХОД
НА ЭННЕ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1985

84Р7
Г 94

Художник И. Айдаров

Гуляковский Е. Я.

Г 94 Долгий восход на Энне: Научно-фантастический роман. — М. : Мол. гвардия, 1985. — 336 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

В пер. 1 р. 10 к. 100 000 экз.

Роман писателя-фантаста, в котором читатель вновь встретится с героями его романа «Сезон туманов», отправившимися в экспедицию на планету Энна и открывшими там необычные формы жизни. Издание рассчитано на массового читателя.

Г 4702010200—322
078(02)—85 — 142—85

ББК 84Р7
Р2

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

ГОСТИ ИЗ БЕЗДНЫ

1

День начался с обычной рутины. При загрузке перепутали судовые документы, и на Пирену вместо холодильников прибыли ванны для электролизов. Один автоматический транспорт затерялся где-то между Эланою и Торгосом. Патруль запрашивал, нужно ли начинать поиск. На Серпасе председатель Совета требовал отставки из-за того, что не удовлетворили его просьбу о внеочередном отпуске...

Ротанов вздохнул и отодвинул пачку радиограмм. Он не был в отпуске уже два года. Можно найти для этого время, но, оставаясь здесь, на Регосе, он все равно не отключится от повседневной текучки, и отпуск превратится в пустую формальность.

А если лететь на Землю... Месяц разгона, месяц торможения... Внепространственный переход в любой конец занимал не меньше двух месяцев. Слишком долгий срок для пассажирской каюты.

«Тяжеловат я стал на подъем», — устало подумал Ротанов. За последние год-два его не тянуло на Землю. Возможно, причина было в том, что Олег женился. Это событие заставило Ротанова острее почувствовать собственное одиночество. Его личная жизнь так и не сложилась.

В коллективе сотрудников управления внеземных поселений он чувствовал себя отчужденно, изолированно. Кто был в этом виноват? Наверно, он сам.

Пост руководителя управления, который он занимал, являясь, по существу, верховным администратором как самого Регоса, так и многочисленных земных колоний, разраставшихся за последние годы с неудержимой быст-

ротой, невольно заставлял его выдерживать некую дистанцию в отношениях с сотрудниками. Почему-то раньше, в дальних экспедициях, он не испытывал подобной необходимости.

Подчиняясь не совсем понятным закономерностям, его мысль снова вернулась к Земле, к Олегу... Так ли уж он счастлив в своей семейной жизни? Жены его Ротанов не знал; самого Олега не видел больше двух лет, с тех пор как тот перешел в службу дальней разведки.

Дальнюю разведку Ротанов недолюбливал. Возможно, потому, что с каждым новым открытием очередной годной для заселения планеты множилось количество проблем, лавиной обрушивавшихся на Регос, на его управление и на него самого... Но скорее всего причина была в другом. Не мог он спокойно слышать слов: «дальняя разведка». И зависть в них была, и тоска по отшумевшим походам его юности, и горечь. Только в этом он, пожалуй, не смог бы признаться даже самому себе. И потому недоуменно пожал плечами и проворчал, имея в виду Олега: «Как можно жениться, если появляешься дома только во время отпуска?..» Вот и сейчас исследовательский крейсер «Ленинград» под командой Олега седьмой месяц находился в свободном поиске, и не было от него никаких известий... Впрочем, их и не могло быть до истечения срока похода. И хотя Ротанов хорошо понимал физическую невозможность любой связи на сверхдальних расстояниях, он невольно подумал: каково незнакомой ему женщине — жене Олега — жить каждый год в этой звенящей неизвестности... Случалось, и не так уж редко, из далеких неисследованных областей Галактики корабли не возвращались. Бесполезны были тогда любые спасательные экспедиции. Слишком необъятным оказывался район поиска. Особенно если маршрут состоял из нескольких сверхпространственных бросков.

Потянувшись к пульту, Ротанов включил видеоокно. Экран в полстены замерцал и почти сразу растаял, от-

крыв взгляду унылую песчаную равнину, без единого холмика, поросшую редкими синими кустиками регосской колючки. Планета-космодром. Идеальное место для пересылочной и сортировочной базы. Совет решил, что управляющий центр внешних поселений должен находиться именно здесь, поближе к крупным колониям, подальше от Земли... «Но ведь ты же не возражал?» — спросил он себя, все еще стараясь найти в открывшемся пейзаже некую точку, пятно, место, на котором мог бы остановить взгляд. Но его не нашлось. Пустыня казалась совершенно одинаковой, совершенно однородной. Ежедневные старты космических транспортов не могли нарушить экологическое равновесие этой планеты.

«Разве я мог возражать доводам Совета? Все было продумано, логично, безусловно правильно». Ротанов щелкнул еще одним тумблером. Он любил в свободные минуты путешествовать с этажа на этаж своей базы, оставаясь невидимым и неслышимым. Вот и сейчас электронное чрево машины послушно создало полную иллюзию движения в лифте. В объемном экране мелькали многометровые перекрытия этажей. Стальные балки пролетов, кабели энергосвязи. Появилась надпись: «Минус четвертый».

Ротанов остановил падение и направил движение невидимой камеры в глубь этажа. Длинные и узкие проходы складских помещений, забитые контейнерами, не интересовали его.

Шесть минут подряд на экране не прекращалось мелькание глухих, без единого просвета штабелей ящиков, однообразных унифицированных контейнеров, заполненных запасными частями и различным оборудованием для земных поселений на дальних звездах.

С каждым годом возрастал объем перевозок. База постепенно превращалась в гигантский склад. Этого он не мог предвидеть, когда отстаивал на Совете ее проект. «Для чего вы зарываетесь в грунт? — спросили его тогда. — Зачем вообще нужны все эти укрепления,

орбитальные станции прикрытия, силовая защита? Что вы там собираетесь строить? Базу или крепость?» И он ответил: «Нам нужен форпост. Защищенная от любых случайностей база для заселения дальних звездных систем. Мы еще юнцы в космосе. Всего лишь несколько десятилетий летаем к звездам и уже натолкнулись на остатки иных могучих цивилизаций. Мы пока не встречали врагов. Но это не значит, что так будет всегда. Мы создаем открытые, ничем не защищенные поселения на чужих планетах. До сих пор это было оправдано. Но по крайней мере у этих поселений должна быть база, защищенная от любых случайностей, чтобы в случае необходимости нам было куда отступить».

Доводы показались достаточно убедительными. Совет его поддержал, и вот теперь они имеют этот мощный, укрепленный склад.

Почти шестьдесят процентов территории базы занимают различные перевалочные грузы, ремонтные мастерские... Ангары забиты транспортниками. На поверхности планеты приходится создавать временные легкие бараки для наименее важных грузов. А ведь он хотел построить базу так, чтобы с воздуха ничто не выдавало могучее, уходящее глубоко под скальное основание планеты сооружение... Оправдали ли прошедшие годы немалые средства и усилия, затраченные на создание этой космической крепости?

Кто знает. Сейчас еще рано судить. Время в космосе измеряется иными мерками. И хотя его опасения встречи с грозным внешним противником как будто уменьшились, появились новые проблемы.

Чем дальше уходят земные форпосты, чем больше осваивается планет и чем больше проходит времени, тем слабее становятся связи с родной планетой, тем независимей чувствуют себя земные колонии, развивающие собственную могучую промышленность, все меньше и меньше нуждающуюся в постоянной поддержке Земли. Как далеко зайдут эти изменения? Какие новые конфлик-

ты и проблемы породит раздробленность земной федерации?

Незаметно, исподволь идет процесс изменения самих колонистов. Их физической структуры, их психики. Тех, кто родился на Регосе, не спутаешь с теми, кто провел всю жизнь на Ароне... Как далеко зайдет этот процесс, во что, в конце концов, превратится рассеянное по дальним звездам человечество? Сохранит ли единство, верность своей далекой родине?

Наконец многокилометровые складские коридоры кончились. Камера перенесла Ротанова в рубку управления четвертого этажа.

Дежурил Османов, и, конечно, вместо того, чтобы следить за автоматикой и контролировать проходы между перекрытиями, он читал в микропроекторе какой-то роман.

Впрочем, автоматика не нуждалась в контроле. А дежурства лишь дань уставу. Слишком многое у них на базе постепенно становилось пустой формальностью. В конце концов, никто не считал Регос военной базой.

«Пункт управления, пересыльный ракетодром для грузов. Хорошо оснащенный ангарный склад — вот что мы теперь такое...»

Где-то под потолком раздался густой басовитый звук гонга. Время обеда. Секунду Ротанов размышлял, не пойти ли в общую столовую, но, представив себе интерес, который вызовет там его неожиданное появление, решил не изменять давним привычкам.

Набрав на пульте команду кухонным роботам доставить обед в свой кабинет, он услышал за стеной легкое гудение лифта. Кабинет наполнили запахи восточных пряностей и баранины. Очевидно, обед сегодня приготовлен по старинным тибетским рецептам, а баранина скорей всего синтетическая.

Ротанов не помнил, заказывал ли он вчера это блюдо, но предпочел не выяснять. За последние дни автоповар все чаще проявлял собственную инициативу в со-

ставлении меню и вносил коррективы в сделанные заказы.

Чем сложнее система, тем трудней удерживать ее в рамках первоначальных параметров. Что-то постоянно ломалось, выходило из строя, капризничало, и не было ни времени, ни сил заниматься второстепенными мелочами.

С каждым годом все трудней и трудней становилось выбивать новые ресурсы. В Совете прекрасно понимали, что Регос превратился в слишком дорогую затею, так и не выполнившую своей основной функции — защиты землян от внешних враждебных сил космоса.

Ротанов совсем было собрался открыть дверцу кухонного лифта, когда на контрольном дисплее у пульта замерцал сигнал.

— Не дадут пообедать, — сердито проворчал он, однако экран включил и даже не подал вида, что недоволен неурочным вызовом.

— Простите, шеф, но поступила срочная депеша с Алкола. — Дежурный остановился, заметив взгляд, брошенный Ротановым на дверцу кухонного лифта.

— Я слушаю тебя, Антон. Что там у них стряслось? Может быть, подал в отставку председатель Совета колонистов? Этот Сизов испортил нам немало крови.

— Они сообщают, что в этом году не смогут выполнить план поставок иргона. Посылают нам последний транспорт. В результате мы недополучим более четырехсот тонн.

— А наши резервы?

— После срыва в прошлом квартале у нас осталось не более двухсот тонн.

— Хорошо. Я подумаю, что можно сделать.

Ротанов отключился, встал и прошелся по кабинету. В некотором смысле он превратил базу на Регосе в своеобразный буфер между Землей и ее колониями.

Создав здесь огромные склады, накопив запчасти и механизмы, поступающие с Земли, и продукцию коло-

ний, до поры до времени ему удавалось корректировать планы поставок, обходить и сглаживать наиболее острые углы. Смягчать возникающие противоречия. Но все чаще появлялись дыры, которые не удавалось заткнуть. Все жестче проявлялась излишне централизованная политика внешнего Совета Земли. Все чаще отдел Ротанова оказывался под двойным прессом. Колонисты жаловались непосредственно в Совет, минуя базу, на урезанные поставки оборудования.

Сизову удалось однажды раскопать для Совета даже дело с исчезнувшим транспортом. На этот автоматический транспорт с отказавшим двигателем случайно наткнулись патрульные корабли базы и вместо того, чтобы переправить адресату, отбуксировали его на Регос. Весь груз пошел на пополнение резервного фонда базы. Используя свой авторитет и старые знакомства, Ротанову удалось в конце концов замять дело с транспортом. Но становилось все очевидней, что на Землю просачиваются сведения о его «складской» деятельности на Регосе, о его самоличных коррективах в планах взаимных поставок.

Со дня на день можно было ждать ревизора... Ну, может быть, не совсем ревизора. Наверное, придумают для инспекции какую-нибудь вполне невинную вывеску. Его вес в Совете все еще достаточен. Противники не пойдут против него в открытую, не имея на руках неопровержимые доказательства. Тем более они постараются сделать все, чтобы получить эти доказательства. Слишком уж независимую самостоятельную политику вело управление внеземных поселений.

Основная причина сегодняшних бед Регоса — в разобщенности отдельных частей Земной Федерации. Полностью с этой проблемой не смогли справиться даже сверхпространственные корабли. На разгон и торможение уходило что-то около двух месяцев, срок вроде бы и не очень большой, но подводила связь. Между колониями не существовало иной связи, кроме почтовой.

Радиоволны шли от звезды к звезде долгие годы. Свежие новости приходили лишь с очередным кораблем, с опозданием на два месяца. Дело даже не в этом. Как-то так получалось, что, оторвавшись от Земли, освоив новую планету, люди переставали чувствовать себя гражданами далекой Земли. Они становились патриотами своей новой родины. Ее интересы считали важнее всего. И с этими настроениями, с этой разрывающей Федерацию центробежной силой с каждым годом становилось все труднее бороться. Пока на освоенных планетах родилось только первое поколение землян. Память о далекой для них родине была все еще сильна. Но что будет дальше?

«Может, так и должно быть? Чего, собственно, я опасюсь? Почему так упорно стараюсь удержать развал этого многоликого организма? Если космос и дальше не окажет сопротивления вторжению — тогда все в порядке. Тогда людям не обязательно держаться всем вместе. Однако, разобщившись, мы станем легко уязвимы. Космос велик, велико время, в течение которого под светом далеких звезд могли родиться неизвестные нам цивилизации. Ничего не значит, что сегодня мы еще не столкнулись с ними. Нам просто везло. Ведь были уже рэинты. Были и куда-то бесследно исчезли, оставив после себя условия для зарождения новой цивилизации сигнлитов. Никто из нас не знает, во что она превратится в будущем. И неизвестно, какие сюрпризы ждут нас на еще не открытых звездах. Мы постоянно должны быть готовы к любым неожиданностям. Слишком дорого давался каждый наш шаг вперед. Наверняка это многие понимают. Только потому Совет и смотрит сквозь пальцы на манипуляции Регоса с поставками. Но это не может продолжаться слишком долго. Еще две-три истории, подобные пропавшему транспорту, и на его месте вполне может оказаться человек, хорошо владеющий инструкциями и недостаточно знающий космос. Тогда все пойдет прахом. Ничего не стоит доказать, что огромные резервы

труда и энергии, сконцентрированные на базе, лежат мертвым бесполезным грузом, ржавеют и постепенно теряют ценность. И это будет почти верно... Почти».

Ротанов обошел стол, задумчиво перевернул папку с целой кипой перфокарт. Последняя почта с Земли. Рекомендации, резолюции, инструкции, уточнения, запросы и протесты. Разбираться в этой груде ему не хотелось. Может быть, оттого, что с каждым разом требования Земли становились все нереальней, все дальше от действительных проблем, которыми они здесь жили... Вдруг он подумал, что рассуждает сейчас как заправский колонист. «А я и есть колонист, потому и вижу отсюда всю проблему иначе — отчетливей, острее». Зуммер над дверью пискнул, и Ротанов нажал клавишу, открывавшую входную дверь.

Вошел незнакомый молодой человек. Щелкнув каблуками, он представился по всей форме.

Ну, конечно, он не мог ждать. Конечно, спешил представиться, считал это очень важным. Ротанов вздохнул и взял из рук юноши пластиковую карточку. Естественно, отличник, и хватит его года на два. Два года он будет ждать событий, которые так и не произойдут. Схваток, которые не состоятся. Приключений, которых здесь не бывает. Потом ему надоест. В лучшем случае его охватит тоска по Земле и он начнет искать юридические лазейки в законе, обязывающем его четыре года отработать на выбранном объекте. А в худшем... в худшем он замкнется, упрячет свою тоску поглубже... Постепенно из всего этого родится равнодушие.

Если бы ему дали право сразу же отправлять обратно этих неоперившихся мальчишек! Интересно, что их сюда привлекает? Его личная слава или базу на Регосе все еще считают форпостом человечества, неким космическим бастионом?

— Вы, очевидно, будете настаивать, чтобы я поставил вас оператором защитных блоков, или, на худой конец, собираетесь пострелять из лазерных пушек?

— По специальности я энтропист. В карточке написано...

— Возможно. Я предпочитаю о каждом из сотрудников базы составлять собственное мнение и поэтому редко читаю карточки. Так что же такое энтропистика? Что-то я не слышал о такой науке.

— Это новая отрасль философии. Наука, изучающая особенности энтропии в больших замкнутых системах.

— Да? И что же, на Земле для вас не нашлось подходящих систем?

— На Земле они все находятся во взаимодействии, законы энтропии проявляются не так отчетливо, как здесь. На Земле нет достаточно больших и в то же время полностью изолированных систем, таких, как ваша.

— Не такие уж мы изолированные, — слегка обиделся Ротанов. — Ежемесячно сюда приходят до десятка транспортов.

Юноша молчал, и Ротанов подумал, что он не так прост, как показалось с первого взгляда. Лицо умное, но, пожалуй, чересчур худое. Наверняка увлекается новомодными нынче сверхсенсорными тренировками. Беседа слишком уж затянулась для первой встречи с молодым специалистом. Неожиданно Ротанов почувствовал тревогу. Только контролера ему сейчас не хватало! Сизов в Совете вполне мог устроить для него такой сюрприз, ему давно не нравилась слишком большая и явная автономия Регоса.

— Чем вы конкретно собираетесь у нас заниматься?

— Я буду собирать факты, обдумывать их, делать выводы. Энтропистика сегодня скорее теоретическая наука. Она редко находит конкретные прикладные задачи, но, может, мне повезет.

Ротанов чувствовал, что его необоснованная неприязнь к этому юноше крепнет.

— Иными словами, у вас не будет никакого определенного участка работы?

— Мне придется собирать самый разнородный мате-

риал. И пока я еще не знаю, в каком именно месте, на каком участке обнаружится что-нибудь действительно интересное...

— Так дело не пойдет. Здесь не испытательный полигон, а космическая база... — Ротанов чуть было не сказал «военизированная», но вовремя изменил формулировку. — Во всяком случае, у нас действует соответствующий устав, порядок, который никто не нарушает. У каждого человека есть свое конкретное место. Будет оно и у вас.

С минуту он молчал, ожидая возражений. Самое время энтрописту козырнуть своими особыми полномочиями, если они у него были, или хотя бы знакомствами, связями. Но паренек не так прост. Он вытянулся и ел теперь Ротанова глазами, демонстрируя полную готовность выполнять любое распоряжение начальства. Одно из двух: или он ошибся на его счет, или ему попался достойный противник. Так или иначе, беседу давно следовало бы закончить.

— Насколько я помню, энтропистика главным образом занимается изучением баланса энергии между двумя пространственными средами?

Он заметил мелькнувшее в глазах юноши удивление и усмехнулся про себя: «Не такие уж мы тут серые».

— Это один из разделов...

— Ну вот и прекрасно. Займитесь пока этим. Я посылаю вас в отдел главного энергетика.

«По крайней мере, оттуда труднее всего добраться до управляющих центров и до всей нашей документации». Ротанов все еще ожидал возражений, и только когда за юношей закрылась дверь, почувствовал приступ глухого недовольства собой. «Неужели я становлюсь старым брюзгой?» — подумал он и постарался как можно скорее прогнать эту мысль. Обед был окончательно испорчен, и, вместо того чтобы дать команду разогреть его, он с тайным удовольствием вывалил кулинарные шедевры восточной кухни в мусоросборник. Еще раз подошел

к столу и прежде, чем отправить в архив папку с текущей документацией, выудил из нее синюю карточку диспетчерской службы.

Рядовая информация шла не по каналам связи, а на таких вот карточках. Он сам установил этот порядок и теперь с удивлением узнал, что к базе идет неопознанный корабль, не отвечающий на запросы.

Впрочем, такое случалось не так уж редко. После больших переходов машинам часто не хватало мощности для дальней связи. Корабль слишком рано вышел в обычное пространство и находился пока еще далеко. Однако, сверившись с реестром, Ротанов установил, что в этом секторе пространства не было никаких запланированных рейсов. Диспетчерская служба совершенно справедливо обратила особое внимание на этот корабль. Что же он собой представлял? Еще один заблудившийся транспорт? Такие удачи бывают не часто... Ротанов взглянул на часы. Пожалуй, сейчас уже можно узнать о нем побольше... Он не стал включать связь и решил сам посмотреть на странного гостя.

В диспетчерской дежурил Клестов. По центральному экрану Ротанов понял, что тот ведет гостя на предельном увеличении. Корабль все еще был слишком далеко и выглядел на экране расплывчатым светлым пятном.

Ротанов грузно опустился в свободное кресло и молча стал ждать. Работа диспетчера достаточно сложна. На боковых табло то и дело вспыхивали индексы кораблей, запрашивавших разрешения на посадку. Клестову одновременно с наведением следящих устройств приходилось то и дело корректировать ответы космодромного компьютера, не понимавшего, почему этому далекому и незначительному кораблю отдается такое предпочтение.

— Двадцатый, двадцатый! Посадку запрещаю. Уйдите из сектора.

— У меня срочный груз! Срочный груз! Неисправен насос в левом рефрижераторе, на второй круг выйти не могу!

Ротанов потянулся к микрофону и проговорил в него медленно, растягивая слова:

— База — кораблям. Объявляю шестой сектор полностью закрытым. Всем кораблям ждать на внешних орбитах. Старты отменяю.

Почти сразу же в эфире установилась полная тишина. Только теперь радисты и пилоты многочисленных кораблей поняли, что на базе происходит нечто из ряда вон выходящее.

— Все еще молчит? — Ротанов отложил микрофон и повернулся к Клестову.

— Пока да. Хотя он уже в зоне уверенной радиосвязи.

— Вижу. Не удалось установить тип корабля?

— Сейчас еще трудно судить. Похож на крейсер дальнего поиска.

— Если поисковик идет вне реестра, от него можно ждать любых неожиданностей. Их корабли нарушают график полета и маршрут только в случае крайней необходимости...

Нехорошее предчувствие, пока еще туманное, как это пятно на экране, овладело Ротановым.

— Запросите у компьютера массу корабля. Возможно, удастся установить ее по косвенным данным. Подключите, если нужно все наши станции внешнего наблюдения. Есть же у них детекторы массы!

Не прошло и минуты, как он уже знал массу неизвестного корабля. К Регосу, несомненно, приближался тяжелый поисковик. Только один корабль такого класса мог оказаться в этом секторе Галактики. Должно было случиться что-то очень серьезное, чтобы Олег изменил маршрут.

Предчувствие перешло в уверенность, когда пятнышко корабля на экране выстрелило целой цепочкой светлых черточек и точек.

— Телеграфная связь! Он отвечает, видите?! — Шевеля губами, Ротанов уже читал сообщение:

— Я — «Ленинград». Серьезные поломки в навига-

ционном и управляющем секторе. На корабле карантин третьей степени...

— Третья степень... — Ротанов почувствовал, как кожа на скулах у него натянулась. Он видел, как побледнел диспетчер.

— У нас нет карантинных спутников третьей степени защиты! Мы не сможем его принять!

— Отдайте приказ срочно переоборудовать для карантина внешнюю наблюдательную станцию. Кораблю лечь в дрейф и ждать нашего катера.

— Кто его поведет?

— Я поведу!

— Вы не имеете права, есть инструкции, запрещающие...

— Перестаньте, Клестов, готовьте лучше катер и станцию.

— Но ведь это третья степень! В такой момент вы не можете покинуть базу! Мы вообще не имеем права принимать этот корабль!

— Что же нам, на Землю его отправить? Нас для того и строили. Для таких вот случаев. Останетесь за меня, и чтобы через два часа станция была готова к приему экипажа «Ленинграда»!

Ракетный катер оторвался от ангара и крошечной серебряной точкой понесся вверх навстречу разраставшемуся корпусу звездолета. Вблизи борт корабля выглядел обшарпанным и помятым. Стойки крепления двигателя казались искривленными, но Ротанов знал, что это всего лишь иллюзия, создаваемая слишком большим углом зрения. Если бы у двигателя нарушилась центровка, при выходе из подпространства от корабля ничего бы не осталось.

Катер подошел на расстояние, с которого уже можно было включать стыковочные устройства, и резко затормозил.

Ротанов все еще медлил, все еще ждал дополнительного сообщения. Но корабль молчал.

Третья степень... Это могло означать лишь одно — корабль столкнулся в космосе с чем-то неизвестным, представляющим угрозу не только для самого корабля, но и для любого устройства или человека, входящего с ним в контакт...

На памяти Ротанова карантин третьей степени объявлялся всего два раза. Первый раз это было излучение, разрушавшее психику. Каким-то образом болезнь психики передавалась от одного человека к другому. Земная медицина оказалась бессильной. Погибли все врачи, принимавшие участие в спасательной экспедиции.

Во второй раз экипаж удалось снять буквально в последний момент с разваливающегося в космосе корабля... Неведомая космическая проказа разъела весь его корпус. Это была не ржавчина, не окисление — ослабли межмолекулярные связи, и металл превращался в порошок.

Тогда спасателям тоже пришлось несладко. Их корабль подвергся заражению и развалился на подходе к базе. Людей удалось подобрать уже в космосе. Пластик скафандров не поддался неизвестной болезни, поразившей металл...

Что ждет их на этот раз? Почему Олег не сообщает подробностей? Может быть, на корабле уже нет капитана?

Ротанов резко развернул катер и послал его к стыковочному шлюзу.

2

Это был долгий бесконечный день. Восемь рейсов карантинного катера от внешнего спутника до «Ленинграда». Восемь утомительных часов полной неизвестности. Инструкция запрещала пользоваться внутренней

связью при карантине третьей степени. Кабина пилота отделялась от карантинного отсека глухой броневой плитой, намертво вваренной в обшивку, и Ротанов не видел даже лиц спасенных им людей. Можно было, нарушив инструкцию, включить дисплей, можно было, наконец, связаться с карантинным спутником. Но он сдерживал нетерпение. И твердо решил дожидаться последнего, девятого рейса.

И вот стыковочные замки с грохотом сомкнулись в девятый раз. Ротанов слышал, как чавкают топливные насосы, подготавливая катер к последнему броску от корабля к спутнику, как поскрипывают шлюзовые сочленения. В космосе все звуки, наложенные на глубокую, звенящую в ушах тишину, отчетливы и громки.

Шаги капитана он услышал задолго до того, как Олег покинул корабль. Он шел медленно, тяжело, и ничего нельзя было понять по звуку его шагов. И когда с чмоканьем сомкнулись створки шлюза, когда заработала автоматика расстыковки, Ротанов впервые за этот день нарушил инструкцию и включил дисплей внутренней связи.

Лицо Олега, слегка искаженное и подсиненное электроникой, выглядело на экране странно спокойным.

— Ну, здравствуй, дружище. Говорят, ты придумал этот карантин, чтобы оттянуть встречу с любимой женой.

Олег усмехнулся одними губами. Сел в кресло, глубоко вздохнул и закрыл глаза, лишь теперь позволяя себе расслабиться и снять с плеч тяжесть похода. Он долго молчал, словно не понимал, как велико нетерпение Ротанова, а когда заговорил, то не повернул головы, будто рассказывал все самому себе, точно все взвешивал еще раз и оценивал теперь глазами друга...

Звезду они увидели, когда «Ленинград» вышел из последнего броска. Экспедиция собиралась установить принципиальную возможность прокладки галактических трасс за пределами звездных скоплений.

Галактика распласталась над ними огромной туманной спиралью, пропитанной светом неразличимых с такого расстояния звезд. А внизу, под этим светящимся пятном, простиралась беспредельная черная пропасть пустого пространства. Лишь в приборы можно было различить в ее глубине пятнышки далеких чужих галактик.

И именно здесь, совсем недалеко от «Ленинграда», сверкал голубой гигант первого класса.

Звезда, которой никак не могло быть в этом районе. Ее место в звездных скоплениях центра галактики.

Уже установление самого факта существования такой звезды-скитальца, выпавшей из галактической системы, было крупным научным открытием. И конечно, они решили ее исследовать.

У звезды оказалась планета, столь же необычная, как и само светило. Орбита звезды проходила перпендикулярно плоскости эклиптики нашей Галактики, и из всего этого следовало, что звездная система пришла к нам из каких-то невообразимо далеких миров.

Олег замолчал, пошевелился в своем кресле и отвернулся. Его взгляд был устремлен куда-то в потолок бронированного отсека. Словно он снова видел там это ослепительное феерическое видение, свою удачу и свою беду...

Чтобы не торопить его, не мешать, Ротанов чуть потянул на себя рукоятку штурвала. Катер плавно и незаметно пошел вверх, удлиняя траекторию полета, увеличивая время короткого и странного свидания двух людей, побывавших вместе в десятках экспедиций, близко знакомых со школы второй ступени и вот теперь вынужденных разговаривать друг с другом через броневую плиту...

Голос Олега звучал в шлемофоне отчужденно и ненатурально. Казалось, говорил совершенно чужой, незнакомый Ротанову человек.

— Большая часть того, что я тебе сейчас рассказы-

ваю, — предупредил Олег — не будет подтверждена официальным отчетом. У нас не сохранилось почти никаких материалов. Большинство пленок размагничено. Даже судовой журнал...

— Ладно. Продолжай. Ты не Совету докладываешь, мне твои пленки ни к чему. Хотя жаль, конечно...

— Жаль — не то слово! Это надо было видеть! Словами я не передам и десятой доли... Так вот. Когда мы приблизились, показалось, что планета окутана плотным туманом. Но потом мы начали в этом сомневаться. Создавалось впечатление, что у нее вообще не было поверхности.

— Что-нибудь вроде Юпитера? Сжиженный газ?

— Если бы. Планета не отражала света. Ни в какой части спектра. Повторяю, это надо было видеть. Под туманным покровом скрывалась темная бездна. У нас работала вся съемочная аппаратура, и потом я десятки раз просматривал пленки. Поверхности планеты на них вроде бы не существовало. Луч локатора уходил вниз, как в масло, и не возвращался обратно. Там бесследно исчезал любой свет, любое излучение.

— И ты, конечно, решил садиться...

— Я бы так и сделал, не оставляя же эту черную загадку. Но мне помешали. Ты когда-нибудь видел шаровую молнию?

— Только в лаборатории.

— Ну так представь себе несколько таких светящихся колючих шаров, увеличенных раз в пятьдесят. Шесть таких штукovin вдруг вынырнули из тумана над планетой и пошли нам наперерез по прямой, словно для них не существовало ни законов притяжения, ни законов баллистики. А может быть они вообще не обладали массой — не знаю. На экране локатора они не появились. Только в оптике были видны их радужные оболочки. Если бы не разность электрических потенциалов на их поверхности, их, очевидно, вообще не было бы видно. Вначале я их всерьез не принял. Они про-

шли в стороне от корабля. Точнее, разошлись кольцом, и в центре оказался наш корабль.

Но ничего не случилось, мы прошли сквозь их строй как ни в чем не бывало. Потом они вдруг остановились и повисли у нас на хвосте. Это мне не понравилось, и я начал притормаживать, чтобы сбросить скорость и пропустить их вперед. Тут между ними вспыхнули ленты электрических разрядов. Довольно длительные. Получился как бы круг из огненной сети, и через секунду наша защита вошла в соприкосновение с этой сетью.

— А обойти ты их не мог? Уйти от них пробовал?

— Особой свободы маневра у меня не было. К тому времени «Ленинград» подошел слишком близко к планете. Масса ее оказалась неожиданно большой, а тут нас еще зацепила эта сеть и потащила вниз. Тормозные двигатели захлебывались от перегрузок. У меня не хватало мощности, чтобы противостоять одновременно притяжению планеты и давлению сети. Я бросил корабль вперед, на полной мощности оторвался от шаров и по касательной прошел почти над самой поверхностью планеты, рассчитывая, что нас завернет по параболе. Это так и произошло, только разворот оказался гораздо круче, чем должен был бы быть, при той планетной массе, которую рассчитал мой штурман. Мы обогнули планету и стали от нее удаляться. И тут я снова увидел впереди те шарики...

Инструкции по контактам и по неопознанным объектам в космосе запрещают решительные действия в таких ситуациях. Но я не люблю, когда меня насильно куда-нибудь тащат.

— Ты всегда был большим знатоком и поклонником инструкций. Скажи честно, Олег, ты по ним стрелял?

— Только один раз. Да и то скорее не по ним, а по своему собственному катеру. Вот как это было... Корабль снова начал терять скорость в их энергетическом поле. Переборки стонали от перегрузок. Скорость

медленно падала. На носовом экране то и дело мелькали ветвистые сполохи разрядов. По сторонам, чуть приотстав, висели шесть голубоватых шаров, светящихся мертвенным электрическим светом.

Казалось, невидимая энергетическая сеть под напором «Ленинграда» слегка прогнулась, но уже становилось ясным — поединок мощностей складывался не в пользу корабля.

— Что будем делать? — спросил штурман.

— Ничего не будем делать. Это не мишени. Неизвестно, что они собой представляют.

— Это могут быть механизмы, животные или еще что-нибудь...

— Ну, насчет животных мы сейчас проверим, зададим им небольшую задачку...

Олег повернул несколько тумблеров на пульте, резко толкнул рычаг старта. Автоматический разведчик оторвался от корабля и, обогнув его, по крутой дуге быстро стал уходить в свободный космос. Было видно, как ровный строй шаров дрогнул и заколебался.

Казалось, несколько секунд их одолевали сомнения, потом два шара, оторвавшись от общей группы, бросились в погоню. Олег немедленно сбросил мощность двигателей наполовину и выпустил второго разведчика в противоположную сторону.

Видимо, решив, что жертва слабеет, еще один шар оторвался от общей группы и бросился за автоматическим катером.

Позволив им отойти достаточно далеко, Олег выпустил третий и последний катер вперед по курсу. Как только он уперся в энергетическую преграду и стал терять скорость перед самым носом корабля, Олег выстрелил по нему из противометеорной пушки...

— Будь уверен, я не поскупился. Заряд был дан на полную мощность. Я боялся, что расплавится обшивка,

так перед нами полыхнуло. Потом по кораблю ударила взрывная волна, но и шарам тоже досталось. Их разметало в разные стороны, и тогда я рванул вперед на форсаже всех генераторов. Энергетическую сеть взрыв полностью уничтожил. Перед нами был свободный космос.

— Это ты здорово придумал с катером... А знаешь, в этой ситуации они вели себя скорей как животные. Если бы у тебя оказался разумный противник, он не стал бы распылять силы из-за таких ничтожных целей, как разведочные катера.

— Не спеши с выводами. Это еще не конец.

Убедившись, что они нас выпустили, шары немедленно и, заметь, одновременно прекратили преследование наших катеров и бросились в погоню. Но в скорости они нам уступали, да и время было упущено. Пока они спохватились, мы уже набрали солидную скорость. Вот тогда-то и началось самое интересное...

Словно по команде, все шесть шаров неожиданно изменили направление движения и понеслись навстречу друг другу. Казалось, они должны столкнуться, но этого не произошло. Эти предметы обладали завидной способностью гасить энергию своего движения. Если, конечно, она у них вообще была. В какие-то доли секунды они остановились друг возле друга, а еще через мгновения, соприкоснувшись своими оболочками и слились воедино.

Теперь это был не шар, а светящийся вытянутый эллипсоид. Сполохи разрядов, до этого беспорядочно метавшиеся по поверхности каждого шара, неведомая сила закрутила в тугую спираль, опоясавшую весь этот странный предмет. Он вытянулся еще больше, мне даже показалось, что с планеты к нему тянулся какой-то луч. Но в этом я не уверен. Впоследствии на пленках мне так и не удалось найти никакого луча. В общем, закончив преобразование, эта штука с места в карьер бросилась за нами. И должен тебе признаться, ее вид мне очень не нравился. Не нравилось и то, что почти без разгона она набрала скорость больше нашей и доволь-

но быстро стала нас догонять. И еще одно я тебе скажу, до этих пор я признавал за ними какое-то право на враждебные действия. В конце концов, корабль без спросу подошел вплотную к их планете. Но теперь мы на полной мощности уходили прочь. Нас разделяло расстояние уже почти в целый парсек, и мне надоело играть роль пассивной жертвы. Я развернул корабль и начал тормозить.

— Этого не следовало делать.

— Они бы нас все равно догнали. Понимаешь, Игорь, я не знаю, что они такое, но убежден, это не последняя наша встреча. Мне хотелось дать им понять, что с нами стоит считаться...

— Считаться или бояться?

— Преследовали меня, я только защищался. И потом неизвестно, кто кого должен бояться... Это электрическое веретено тоже затормозило, однако продолжало с нами сближаться. Я еще больше снизил скорость и решил первым не применять оружия, чего бы это ни стоило. Согласись, в возникшей ситуации от меня нельзя было требовать большего.

Я уже знал, как разрушить энергетическую сеть, если нас снова попытаются в нее поймать. Но видимо, они не собирались повторять прежней неудавшейся тактики.

Примерно в сорока милях от нас эта штука остановилась. К тому времени мы полностью прекратили разгон, но я намеренно продолжал удаляться от планеты, желая показать, что собираюсь уйти.

Всю мощность генераторов мы переключили на защиту и надеялись теперь только на нее. Что-то должно было произойти — не зря же нас преследовали.

— И в конце концов в тебя выстрелили.

Олег мрачно кивнул.

— Ты прямо-таки напросился на этот выстрел. Что называется, подставив под него корабль, ты лишился маневра и слишком понадеялся на защиту.

— В импульсе она должна была выдержать не меньше сорока гигаватт.

— В мощности ты им проигрывал. Помнишь сеть, которую ты так и не смог разорвать одними двигателями?

— Об этом я не подумал... Да и не в мощности дело. Вот ведь какая штука... Кроме меня, никто не видел самого выстрела...

— Как это?

— Не знаю даже, можно ли это назвать выстрелом. От веретена отделился некий сгусток... Но на любое материальное тело аппаратура защиты отреагировала бы однозначно. Точно так же не мог бесследно пройти через нее и энергетический заряд.

— Что значит «бесследно»?

— А так и значит. Не было ни вспышки, ни всплеска мощности на расходомерах защитного поля. Одним словом, ничего не было.

— Так, может, тебе померещился и сам выстрел?

— Если бы... Когда я стал проверять структуру защитного поля после выстрела, то просто-напросто обнаружил в нем дыру величиной с футбольный мяч.

— Этого не может быть!

— Может, Игорь, может... На одной из пленок мне удалось увидеть и сам выстрел. Ракурс камеры позволил снять веретено на фоне Галактики. На этом светящемся фоне совершенно отчетливо обозначился темный след. Что-то похожее на черную молнию прошло через нашу защиту и ударило в нос корабля.

— Но удар, толчок, хоть что-то было?

Олег отрицательно покачал головой.

— Ничего не было. После выстрела наш преследователь дал задний ход и, не разворачиваясь, стал удаляться в сторону планеты. Очень скоро мы остались совершенно одни. И, как ты сам понимаешь, состояние у меня было не из лучших. Я приказал аварийной группе облазить всю обшивку, не доверяя это дело роботам.

Ни малейшего следа. Ни вмятины, ни царапины, словно эта штука растворилась в защитном поле...

— Может быть, так и случилось?

— Я тоже так вначале подумал. След на пленке был не очень уж ясным. В конце концов пришлось прекратить поиски. Энергии мы к тому времени сожрали чертову уйму. Я даже сомневался, хватит ли ее на обратную дорогу. Соваться к этой планетке без специальной подготовки мне больше не хотелось.

Короче, мы рассчитали кратчайший путь на базу и беспрепятственно вошли в первый бросок.

Только после выхода из второго штурман заявил, что у него барахлят все навигационные приборы разом. Признаться, я ему не поверил. Но потом неприятности начались с управлением, с центральным компьютером, вообще со всеми механизмами, размещенными в носовом отсеке.

К счастью, после третьего броска мы вышли хоть и в стороне от расчетной точки, но зато достаточно близко к вашей базе на Регосе и решили добираться до нее обычным ходом. С таким состоянием навигационного оборудования о пространственном переходе нечего было и думать. К этому времени у нас начали пошаливать генераторы...

— Что значит «пошаливать»?

— Совершенно необъяснимая потеря мощности... Накопители перестали держать энергию. Словно она проваливалась в преисподнюю.

Сам понимаешь, ползти на досвете — занятие не веселое. До Регоса нам предстояло тянуть почти четыре месяца. Но уже через месяц у тех, кто нес вахту в управляющей рубке, непосредственно примыкающей к носовому отсеку, обнаружили необъяснимые болезни.

Словом, люди начали разлаживаться, подобно механизмам. Вначале это напоминало простуду, грипп, вирусную инфекцию. Врач сбился с ног. Не помогали никакие антибиотики. Непонятно было и то, что люди, по-

кинув рубку, излечивались словно по волшебству. В конце концов, вахт в носовой рубке стали бояться. Пришлось все, что возможно, переключить на кормовой отсек. Но это не решило проблемы, потому что разладка механизмов катастрофически прогрессировала, постепенно расползаясь по всему кораблю.

Корабль без навигации, без управляющих систем, с ненадежными генераторами, да еще эпидемия гриппа в придачу, если, конечно, это грипп... Вот такие дела...

— Ты правильно сделал, объявив карантин.

— Самое неприятное в этой истории ее неопределенность. Все факты, которые можно установить и доказать, находятся на грани естественных поломок, разладок, невезения, наконец. Связной картины, которую я тебе изложил, в отчете, увы, не получится. Карантин тоже могут отменить. Я уверен, его опротестует большая часть команды. Представляешь, что это такое, после годового похода провести взаперти на станции еще не менее шести месяцев. Их можно понять.

— Что случилось с пленками?

— Размагнитились. И здесь, как и во всем, может быть две причины. Случайно попали под переменное магнитное поле, при наших неполадках в аппаратуре оно вполне могло возникнуть в самых неожиданных местах. В длительных походах в корабельных системах всегда накапливаются неполадки. Чем система сложнее, тем чаще отказы. Мы к этому привыкли, стали дублировать наиболее ответственные узлы. Все дело в количестве таких отказов. Вряд ли мне удастся что-нибудь доказать. Мне скажут: виновато магнитное поле планеты. Оно действительно оказалось необычно сильным. У меня нет доказательств. Нет неопровержимых фактов...

Они надолго замолчали. Только теперь Ротанов взглянул на курсовой экран и увидел, как далеко они отклонились от спутника.

Пришлось доворачивать катер, включать импульсные

двигатели. Неожиданно быстро стал приближаться мигающий маячок спутника. Оба поняли, что все уже сказано. Кроме, может быть, самого важного... Сейчас наступит конец их встречи, и всякое общение будет прервано карантинном на долгие месяцы. Потом начнутся комиссии, расследования. Ротанова вновь засосет непролазная рутина повседневных дел. То, что сейчас кажется самым главным, постепенно забудется, отойдет на второй план, заслоненное мелкими сиюминутными делами, проблемами... И тогда Олег решил.

— Ты должен мне помочь. Нужна специальная экспедиция к «Черной», так мы называли планету. Мой отчет наверняка покажется в Совете недостаточным. Понадобится весь твой авторитет...

— Я этого не сделаю, Олег.

— Ты мне не веришь? Тебе тоже нужны доказательства?

— Конечно, нет. Именно потому, что не сомневаюсь, я не стану поддерживать тебя в Совете. Пока ученые не разберутся в том, что произошло, нечего даже думать соваться к твоей «Черной».

— А как они разберутся с нашими куцыми данными без пленок, без экспериментов? Никто даже не знает, какими законами можно объяснить происшедшее. Мы не знаем этих законов. Вот увидишь — большинство ученых вообще будут все отрицать. Мы столкнулись с чем-то принципиально новым, и учти, эта звезда не стоит на месте. Она движется к нашему звездному рукаву. Двигается гораздо быстрее, чем ты можешь предположить. У нас, возможно, нет уже времени, чтобы ждать, пока ученые возведут свою теоретическую базу. Защиту придется искать на ходу, возможно, с риском. Тут уж ничего не поделаешь. У нас нет выбора. Мы должны принять вызов, иначе можно опоздать.

— Никто не бросал нам вызова. Все, что с тобой произошло, всего лишь единичный случай. Не стоит поднимать из-за этого шум на всю Федерацию. Нам не поз-

волят рисковать человеческими жизнями. Сегодня мы еще не готовы к исследованию твоей планеты. Ты, видишь, даже не понял, как тебе повезло!

— Да в чем повезло?

— В том, что ты вернулся! В том, что Регос оказался поблизости! В том, что мы сегодня имеем карантин третьей степени вместо еще одного без вести пропавшего корабля! Теперь хоть подходы появились к проблеме участвовавших за последние годы исчезновений наших кораблей!

Олег долго молчал. Огни спутника поползли вверх. Стал виден его шершавый, заслонивший Регос борт с пастью стыковочного шлюза. Двигатель рывкнул в последний раз, катер резко затормозил и стал разворачиваться.

— Ты стал очень осторожным, Игорь, — донес до него шлемофон уставший и какой-то погасший голос Олега. — Может быть, это признак старости? — Он словно читал его мысли. — Может быть, ты ищешь оправдания своему нежеланию лететь со мной?

— Можно подумать, ты меня приглашал, — буркнул Ротанов, стараясь не промазать кормой катера мимо шлюза.

— Ты скажи прямо. Я не обижусь. — Олег нарочно старался вывести его из себя, заставить высказаться до конца. Но Ротанов лишь провел рукой по лицу, постарался голосом не выдать своего волнения.

— Мудрым я стал, Олег. Мудрым, а не осторожным. Придется тебе подождать с этой планетой.

Поздно ночью, добравшись до своего жилого отсека на одиннадцатом горизонте базы, Ротанов повалился на раздвижную койку не раздеваясь. Давно у него не было такого паршивого настроения.

Жизнь проходит, сжатая в цепочку незначительных дел. В прошлом остались походы на далекие звезды,

инные цивилизации, открытия, потрясавшие всю Федерацию. Теперь он стал администратором. Одним из многих, может быть, даже не очень хорошим администратором. Правда, он научился ставить интересы дела выше всего. Научился отказывать друзьям и не принимать отчаянных решений, так часто в сложных ситуациях оказывавшихся единственно верными.

Ротанов лежал лицом вверх, невидящим взглядом уставившись в потолок. Ему казалось, что десять бронированных верхних горизонтов базы-крепости физически давят ему на грудь. Что из этой глубокой стальной пещеры ему уже никогда не вырваться на простор к звездам и кораблям... Ему казалось, что сквозь бесчисленные потолки, отгородившие его от неба, он видит мертвый, с погашенными иллюминаторами, оставленный людьми корабль. Видит примелькавшийся за день обшарпанный борт с оплавленными ромбами броневых плит, с задраенными наглухо люками. С обесточенными цепями и навсегда погашенными реакторами. Корабль, который никогда уже не будет летать, скрывший в себе тайну, так глубоко запрятанную под ворохом мнимых причин, незначительных фактов и еще менее значительных последствий, что ее не удастся извлечь оттуда, как бы они ни старались; годами будет ржаветь эта тайна вместе с законсервированным кораблем, окончательно погребенная под грудами ненужных отчетов, бесполезных комиссий, экспертиз и расследований...

В чем-то он был прав, старый его дружище... В чем-то он был бесспорно прав. Время уходит безвозвратно и исподволь незаметно изменяет нас самих, наши решения и мысли. Нужно нечто уж совсем необычное, нечто выходящее за рамки, потрясающее основы, чтобы прервать рутину, засасывающую человека с возрастом. Но такие события случаются редко. Крайне редко.

Мысли стали путаться. Он был уже на грани сна и яви. И сквозь этот странный полусон на секунду ему показалось, что он увидел молнию...

Черную молнию, отделившуюся от борта звездолета и устремившуюся вниз, к ничего не подозревающей планете...

3

На следующий день, едва добравшись до центра управления базы, Ротанов вызвал обоих своих заместителей по научной и технической части, а также заведующих некоторыми отделами. Вообще-то он не баловал их совещаниями, полагая, что на военизированной базе руководство должно быть упрощено до предела и каждый сам должен знать круг своих обязанностей. Если этого не случалось, он быстро подыскивал замену и постепенно создал на базе достаточно квалифицированный отряд руководителей различных подразделений, добившись в конце концов того, что в чрезвычайных обстоятельствах отделы вполне могли бы функционировать самостоятельно.

Однако сегодня ему нужны были не только люди, до конца понимающие поставленную перед ними задачу. Ему нужны были соратники, готовые разделить с ним нелегкий груз ответственности, поскольку задуманное им дело не знало прецедентов в практике федеративного космического флота.

Пока он ожидал вызванных сотрудников, ему пришлось дать повторную команду роботу на уборку помещения. Кругом лежал толстый слой пыли, а в углу даже валялись черепки разбитой вазы.

«Закончу с «Ленинградом», сразу вплотную займусь отделом внутренней кибернетики», — твердо решил он, с раздражением наблюдая, как неповоротливый глупый робот высыпает собранную пыль в тот самый угол, где уже лежали осколки разбитой вазы.

Но как только закрылась дверь за последним из приглашенных, как только он положил перед собой чистый листок бумаги и вынул из нагрудного кармана изрядно

потрепанный блокнот с серебряным карандашом, который так и не удосужился заменить на магнитное перо, все посторонние мысли тут же улетучились у него из головы.

— Я хотел бы осмотреть «Ленинград».

Он видел, как поразила их эта фраза, и сразу, не ожидая возражений, продолжил:

— Я понимаю всю беспрецедентность этого решения, а также ту степень ответственности, которую мы на себя берем.

Он говорил так, словно они уже согласились с ним, словно возражений не могло быть в принципе. Некоторое время они молчали, огорошенные услышанным. Первым опомнился Стрехов — заведующий отделом грузоперевозок.

— Рано или поздно Совет об этом узнает... и тогда...

— Я не собираюсь скрывать от Совета свои действия, — резко прервал его Ротанов. — Положение слишком серьезное, а специальная комиссия, затребованная нами с Земли, прибудет не раньше чем через полгода. У меня есть основания предполагать, что через такой длительный срок «Ленинград» поздно будет исследовать.

— Но киберы осматривали корабли!

— Знаю. Придется осмотреть еще раз с людьми.

— И что же, потом на полгода сажать всю бригаду в карантин?

— Если потребуется — посадим. Это будет зависеть от того, что мы обнаружим на корабле.

— Но у нас нет высококвалифицированных специалистов-микробиологов, нет вообще ни одного пространственного биолога.

— Мы не будем искать там следы чужой микрофлоры.

— Что же тогда?

«Если бы я знал...» — подумал он, а вслух сказал:

— Поиск будем вести в скафандрах высокой защиты.

Подготовьте необходимую аппаратуру для составления структурных карт магнитных и электрических полей корабля. Постараемся также замерить в пределах возможного, как влияет корабль на поле тяготения Регоса,

— Слишком мала масса...

— Знаю, все-таки попробуем. После инспекции вся задействованная аппаратура, а также скафандры и механизмы, побывавшие на корабле, будут уничтожены. Подготовьте соответствующий акт...

«Семь бед, один ответ, — подумал он про себя. — В конце концов Совет, конечно, до меня доберется и взгреет за все сразу. Но в течение ближайших шести месяцев им это не удастся, и я один буду отвечать за свои действия».

Элсону казалось, что лифт несет его куда-то в преисподнюю. Мелькали светящиеся цифры этажей: «минус девяносто шестой», «минус девяносто седьмой»... Далеко вверху над его головой нависала многокилометровой тяжестью планетная кора. Даже сам воздух казался здесь гуще, пахло горелой резиной, новым пластиком и еще чем-то прогорклым и острым.

Итак, он не сможет всерьез заниматься на Регосе своей работой. По крайней мере два года будут потеряны. Элсон не мог понять, почему Ротанов поступил с ним так несправедливо. «Он просто отмахнулся от меня, как от щенка, и пристроил к первому подвернувшемуся делу. Ему было безразлично даже то, что я совершенно не разбираюсь в энергетике и реакторах! Ему хотелось загнать меня подальше, чтобы я не болтался под ногами, не попадался ему на глаза...» Кое-какие расчеты, наблюдения можно будет, наверно, вести и в этом энергетическом подземелье, постепенно он накопит факты... Тогда они снова встретятся с Ротановым, и он докажет ему, что энтропистика не такая уж теоретическая наука...

«Ленинград» встретил их той особой тишной мертвых механизмов, какая бывает только на полностью законсервированных кораблях.

Потрескивали панели переборок, уже тронутые космическим холодом. На стенах в лучах наשלемых фонарей сверкали, словно брильянтовые украшения, огромные неправдоподобные кристаллы инея. Кое-где у дверей переборок их образовалось уже так много, что, когда неуклюжие стальные ноги скафандров высокой защиты попадали в иней, раздавался давно забытый скрип, словно они шли по сугробам своей далекой родины.

Бряд ли Ротанов мог объяснить, почему лично принял участие в осмотре «Ленинграда». В этом не было ни малейшей необходимости, и он прекрасно понимал: если им даже удастся найти здесь что-нибудь необычное, то это обнаружится позже, на лентах и картах многочисленных приборов, которыми были обвешаны их скафандры.

Что же он здесь искал? Почему показалась ему необходимой повторная инспекция законсервированного и опечатанного корабля? Он представил, сколько шума вызовут их действия в штабе флота дальней разведки, который ревниво охранял свои владения от вторжения посторонних, и впервые пожалел о том, что ввязался во всю эту историю.

Первый сюрприз ждал их у дверей капитанской рубки. Автомат никак не прореагировал на команду открыть дверь. Голубоватая пластиковая панель, скрывавшая под собой броневую плиту, преграждала им путь в святая святых корабля. Ротанов попытался набрать на замке капитанский код. Тяжелая клешня скафандра с трудом справилась с такой ювелирной задачей, но результат был тот же — дверь не открылась. Пришлось вызвать ремонтного робота и вырезать кусок переборки плазменным резакон. Позже выяснилось, что за дверью, в которую они так иступленно ломились, не

оказалось ничего интересного. Разладилась и намертво заклинилась автоматика замка... При дальнейшем осмотре у Ротанова появилась наглядная возможность оценить правоту Олега. Каждая в отдельности из встретившихся им на корабле незначительных неполадок могла быть легко объяснена. Но все вместе... Их накопилось уж слишком много для стандартных объяснений.

Как только начались чисто технические работы по замеру напряженности полей в различных точках корабля, Ротанов решил осмотреть жилые помещения, не надеясь, впрочем, обнаружить там что-нибудь интересное.

Первые три каюты, тщательно убранные и подготовленные к консервации, показались ему совершенно одинаковыми. Здесь не осталось личных вещей экипажа. Помещения выглядели безликими и холодными. В них не за что было зацепиться взглядом.

Распахнув дверь четвертой каюты, Ротанов остановился как вкопанный. На полу, на диване — повсюду валялись вещи.

Внешний порядок для звездолетчика постепенно становился частью его натуры. За любую небрежность, даже простую неряшливость в полете иногда приходилось расплачиваться слишком дорогой ценой. Должны были произойти глубокие внутренние сдвиги в психике, чтобы привычки, укоренившиеся с детства, привитые еще в спецшколах, вдруг забылись.

Таких кают оказалось немного — всего шесть из сорока семи. Переписав их номера, Ротанов вновь присоединился к группе, уже закончившей замеры и осмотр корабля.

Еще одна странность встретила их в энергетическом отсеке. В части резервных накопителей, не использовавшихся во время полета, совершенно не осталось энергии. На их пластинах не было даже остаточных статистических зарядов — тех самых зарядов, избавиться от которых при наладке и монтаже энергетических блоков не мог ни один инженер.

Ротанов искал хоть какую-то ясность, какой-то про-свет в загадке, с которой столкнулся Олег, но новые факты лишь больше сгущали туман. Он не сомневался, что подробный анализ энергетических карт и структур-ных полей заведет их в новые дебри. Оставалось ждать прибытия комиссии со специалистами и особым обо-рудованием, но Ротанову почему-то казалось, что ни ко-личеством, ни качеством новых исследований они ниче-го не добьются. Если Олег верно описал ситуацию, тог-да то, с чем он столкнулся в космосе, могло не иметь материального выражения в нашем мире. Если это так, если они встретились с каким-то особым состоянием са-мого пространства, непосредственно не связанным с ма-терией нашего мира, то земная наука столкнется с про-блемой, которую вряд ли удастся решить традиционны-ми методами. Возможно, именно поэтому так трудноуло-вимы последствия, атаки на корабль...

Впрочем, только ли на корабль? А внезапные болез-ни, поразившие экипаж? А эти захваченные хаосом ка-юты? Ротанов чувствовал, что взялся за дело не с то-го конца. Пусть ученые разбираются в структуре полей и в физической природе феномена, поразившего земной корабль. Его дело — выяснить, есть ли здесь действия враждебного разума.

Что, если это только первая ласточка, первый шаг не-ведомого и могущественного врага, способного поло-жить конец стремлениям человечества к звездам?

Если это так — тогда прав Олег. Тогда, отбросив осторожность, которую он так отстаивал, нужно немед-ленно исследовать планету. Но нужны доказательства — хотя бы косвенные. Не их ли искал он на «Ленингра-де»? Искал и не находил...

А в это время человек, который мог бы ответить на многие вопросы Ротанова, от которого по меньшей мере зависела сама возможность получения таких ответов,

опускался на лифте в энергетический подземный центр базы, подальше с глаз, как решил для себя Ротанов.

Наконец лифт с грохотом остановился, и створка двери ушла в сторону, открыв перед Элсоном сверкающий чистотой овальный коридор. Мягко горели панели рассеянного освещения, зеленые усики растений спускались вниз из потолочных ниш. И лишь могучее басовитое гудение время от времени напоминало о том, что здесь находится энергетический центр базы.

Машинный зал потряс воображение Элсона. В его многокилометровом пространстве, заполненном колоннами, поддерживающими перекрытия верхних этажей, да однообразными кубами нейтронных генераторов, свободно мог бы разместиться целый город. Зал поражал своим простором и мощью. Казалось, в этом царстве машин, способных накопить в своих чревах энергию целой звезды, не оставалось места для человека.

Ожидавший удушливой жары, Элсон был приятно удивлен свежему прохладному воздуху. Над кожухами генераторов дрожало радужное марево, но, очевидно, энергетическая реакция, превращавшая внутри этих машин материю в холодное нейтронное пламя, не выделяла много тепла.

Под самым потолком, над фантастическим переплетением труб и черных кабельных шин, плавала прозрачная тарелка.

Элсон не сразу понял, что это такое, и, лишь присмотревшись, решил, что там, должно быть, пульт управления энергозала. Совершенно непонятно было, на чем держится эта шестиметровая стеклянная «чечевица». Не было видно ни тросов, ни опор, поддерживавших ее. Зал настолько подавил Элсона, что он совершенно растерялся, не зная, что делать дальше, куда идти.

Стеклянная кабина дрогнула и, медленно снижаясь двинулась в его сторону.

— Эй, парень, ты долго собираешься тут стоять? — раздался сверху насмешливый голос.

Только через неделю, после длительных медицинских процедур, прививок и осмотров, Элсон наконец смог приступить к работе.

Главный энергетик Гришин оказался тучным человеком с пронзительными, ярко-голубыми глазами, казавшимися совершенно чужими на его шелушащемся от радиационных ожогов лице. Он сидел в просторном салоне, заменявшем ему кабинет, и вертел в руках личную карточку Элсона.

Так и не заглянув в нее ни разу, Гришин задумчиво смотрел на юношу, словно решая, чего тот стоит.

— Вы, очевидно, не рассчитывали на это назначение? — спросил он наконец, и его взгляд, оторвавшись от Элсона, устремился куда-то в сторону, словно внезапно он потерял к нему всякий интерес.

И тут Элсона прорвало. Он говорил о своей науке, о годах, потраченных на учебу. О том, как он мечтал работать по специальности. О том, что значения энтропистики не понимают лишь люди, не следящие за научной информацией.

Гришин слушал его внимательно и согласно кивал головой, чем еще больше раззадоривал юношу. Элсону казалось, что он наконец-то нашел в его лице понимающего слушателя. Не сумев сдержаться, он выложил ему всю накопившуюся на Ротанова обиду. А когда кончил, Гришин в ответ неопределенно хмыкнул и сказал:

— Ротанов здесь ни при чем. Это я просил срочно прислать в мой отдел энтрописта.

Элсон почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Вам нужен энтропист? В машинном отделении?

Гришин кивнул, растер свою могучую шею, потом вдруг достал из стола грубо сделанный от руки чертеж и протянул Элсону.

— Вот посмотрите-ка на это.

Недоумевая, Элсон развернул схему, испещренную непонятными значками и линиями.

— Это план машинного зала, это генераторы. — Толстый палец Гришина медленно прошелся по чертежу. — Вот здесь отметки мощностей всех генераторов при одинаковой нагрузке. Видите, они разные. А должны быть одинаковыми.

— Но механизмы не могут быть совершенно одинаковыми, незначительные отклонения в технологии, разная сборка, разные условия эксплуатации.

Гришин кивнул.

— Верно. Но в таком случае неизбежен случайный разброс. У нас же есть определенная закономерность. Машины отчего-то хуже всего работают только в одном участке зала. И началось это совсем недавно, несколько дней назад. Такие вещи у нас замечают сразу. Ну как, не хотите в этом разобраться? — Гришин скептически рассматривал Элсона, словно хотел сказать — пользы от тебя особой не будет, но и вреда, пожалуй, тоже. Вдруг да и отыщешь что-нибудь путное? — Если вам удастся разработать приемлемые рекомендации, позволяющие сэкономить хотя бы десятую часть процента мощности наших машин, можете считать, что вас не зря учили в земных школах.

Элсон потянулся к схемам. Он не ожидал, что этот суховатый, скептически настроенный человек может подсказать ему путь практического применения его науки, но, во всяком случае, то, что он предлагал, было интересно. Чтобы скрыть волнение, он развернул схему и быстро спросил:

— Что находится над этим местом в верхних этажах? Нет ли здесь наводок, магнитных или других полей, идущих сверху?

Гришин вздохнул.

— Ничего нет. Мы проверяли. А вверху накопители. Туда не войти даже в скафандре полной защиты.

— Но делают же там ремонт, профилактику?

— Конечно. Раз в год для этого нам приходится останавливать машины и почти всю энергию перекачи-

вать в резервные конденсаторы. Это сложная операция, и обходится она недешево. Под нами внизу скальное основание, там тоже ничего не увидеть, а на следующем этаже все вроде нормально, да и трудно что-нибудь установить без специальной аппаратуры. Наши техники не знают толком, какие приборы могут помочь разобраться в этой чертовщине. Вот я и попросил прислать к нам энтрописта. Ну так как, беретесь за этот орешек?

— Разумеется, я попробую. Хотя обещать вот так сразу ничего не могу. Буду разбираться.

Жилой отсек, выделенный Элсону на этаже энергетиков, состоял из спальни, крохотной гостиной и маленького чуланчика с кухонным автоматом, заменявшего столовую. В любой момент кухонный лифт готов был предоставить в его распоряжение яства, о которых не смели и мечтать древние бароны. Среди этой немислимой роскоши он чувствовал себя несколько одиноко и надеялся, что вынужденное одиночество не продлится слишком уж долго. Поэтому, едва приняв душ и переодевшись, Элсон поспешил в центральную гостиную энергоблока.

Это был большой зал-столовая с игральными автоматами и непременно спортзалом. Однако, к его удивлению, и в этом роскошном заведении народу было не так уж много. И что его особенно огорчило — почти совсем не встречались женские лица. Элсон дал себе слово при первой возможности обследовать все вышележащие этажи. Но сегодня после утомительных медицинских процедур и не менее утомительной беседы с Гришиным он не чувствовал себя готовым к исследовательским экспедициям. После некоторого раздумья он решил лечь спать пораньше.

К своему величайшему удивлению, вернувшись, Элсон застал в своих апартаментах рыжеволосого незнакомца, нахально развалившегося на его диване у окна-визора.

— А, новичок... — неопределенно проговорил рыжеволосый, не отрываясь от увлекательного фильма, в котором индейцы на старинных авиетках преследовали по пустыне героя в космическом скафандре.

— Что вам здесь нужно? — холодно осведомился Элсон. Его вопрос настолько удивил рыжеволосого, что тот даже выключил окновизор.

— Тебе, что же, не сказали, что мы будем жить вместе?

— Нет.

— Ну, дела... Наш шеф любит поражать воображение новичков приятными неожиданностями. До сих пор он встречал их байкой о блуждающем генераторе, но теперь, видимо, сменил репертуар.

— О чем, о чем? — с подозрением спросил Элсон. — Что это еще за блуждающий генератор?

— Это такой генератор, который неизвестно от чего теряет мощность. Гришин эту байку всем новичкам подкидывает. Своеобразный тест на сообразительность и предприимчивость. Новички, как правило, начинают сушить ногами, суетиться, проверять мощности, составлять таблицы, ну а Гришин делает вывод, что со временем из них выйдет толк.

— Значит, с генераторами все липа? — спросил Элсон, едва сдерживая гнев.

— Я этого не говорил. Генераторы — вещь сложная и не совсем понятная — «черный ящик». И в этом «ящике» всегда что-нибудь барахлит, что-то не совпадает с расчетными параметрами. Вот только никому еще не удавалось найти в этом никакой закономерности.

— Ничего. Я найду.

— Правильно. Дерзай. Гришин это оценит. Ну а мне пора на дежурство. И в следующий раз, маэстро, не забывайте выключать воду в душевой, на нее здесь лимит, между прочим...

Прошел почти месяц, прежде чем Элсону поручили самостоятельное дежурство в энергетическом блоке.

К этому времени он закончил сложные теоретические расчеты предполагаемой энтропийной аномалии. Полной картины ее пространственного положения с теми куцыми данными, которыми он располагал, не получилось. Ему не терпелось остаться в энергоблоке одному и основательно все проверить. Провести новые, более подробные замеры. Для этого надо было лишь дать соответствующее задание кибернетическим машинам, обслуживающим энергетический центр. Он мог это сделать и раньше, не дожидаясь дежурства, но после насмешек своего рыжего соседа Рузаева решил все предварительные расчеты делать самостоятельно и по возможности не афишировать их до получения результата.

Наконец долгожданный день настал. После месячной подготовки, теоретических заданий, разборов различных ситуаций, после шести дежурств с напарником в качестве дублера Рузаев наконец проводил Элсона в зал на самостоятельное дежурство.

— Главное, что от тебя требуется, — заканчивал свои наставления Рузаев, — в случае чего повернуть вот эту красную ручку. Больше ничего не трогай.

Элсон усмехнулся. Он прекрасно разобрался за этот месяц в аппаратуре центра, и Рузаев его явно недооценивал, иначе бы он вряд ли так спокойно оставил его на самостоятельное дежурство.

Чтобы окончательно убедить Рузаева в своей полной некомпетентности, Элсон наивно спросил:

— А, собственно, в каком именно случае я должен повернуть красную ручку?

— В любом необычном случае. Сбой, например, перегрузка или сигнал на пульте. Этим ты перебросишь управление в центральный пост и дашь знать о случившемся Гришину. Большого от тебя не требуется. Старайся не вмешиваться в работу машин.

— Слушаюсь, шеф!

— Тебе еще рановато дежурить одному, но Гришин решил, что ты созрел. Так что действуй.

Оставшись наконец один, Элсон расстелил на рабочем столе перед пультом схему машинного зала с пометками Гришина и стал набирать команды центральному компьютеру. Он не был до конца уверен, что к неполадкам в энергетическом отсеке имеет отношение энтропийная аномалия, но по характеру сбоев, по их регулярности и интенсивности надеялся это выяснить.

Элсон прекрасно знал, что энтропия — понятие теоретическое, что под этим термином подразумевается общее стремление материи нашего мира переходить из сложных форм в более простые, безвозвратно утрачивая при этом часть энергии.

Именно поэтому сами собой разряжались аккумуляторы, старели и разрушались сложные молекулярные соединения, и в мире неживой материи распад преобладал над синтезом.

Только жизнь не подчинялась этому всеобщему мировому закону. Только она одна могла преобразовывать простые формы материи в более сложные, увеличивая при этом свой энергетический потенциал.

Закон энтропии одинаков во всех известных человечеству частях Вселенной. Никаких отклонений не бывает. И все-таки, заканчивая набор программ, вопреки всякой логике Элсон представил себе в очередной сводке новостей примерно такие строчки:

«Молодой ученый Элсон открыл на Регосе энтропийную аномалию. Опасность для базы предотвращена смелыми действиями талантливое ученого». На самом деле в глубине души он в это не верил. Энтропия — вещь серьезная, и всякие там шуточки — дыры, аномалии — это не для нее... Но что же тогда происходит в машинном зале? Если бы можно было обследовать верхний этаж... Возможно, там возникает некое силовое поле, наводки в цепях или утечка из накопителей. При такой концентрации энергии, как здесь, всего можно ожидать... Этот эффект, очевидно, проявляется только при очень большой нагрузке. Элсон закончил ввод данных,

набор программ и нажал кнопку «Пуск». Теперь оставалось только ждать результата.

В зале стояла удивительная тишина, прерываемая лишь шорохом и треском статических разрядов, образующихся на кожухах генераторов. Они превращали материю в нейтронную плазму, а затем во втором этаже, в накопителях, она преобразовывалась непосредственно в электрическую энергию.

На пульте компьютера вспыхнул сигнал «Готово». Он щелкнул, выплюнул карточку с результатом расчетов, и одновременно на объемном дисплее появилось странное скелетное образование, похожее на чечевицу и рассеченное надвое горизонтальной плоскостью. Столбцы цифр с обеих сторон этой конструкции Элсону почти ничего не говорили. Его это не устраивало, и он тут же набрал следующее задание компьютеру, сводившееся всего к одной фразе: «Упростить результат». Чечевица на экране дрогнула, заколебалась, но форму в общих чертах сохранила, хотя у нее значительно поубавилось ребер и колонки цифр по краям поределели.

В конце концов он уяснил, что в такой форме на экране высвечивалась объемная структурная карта электрических полей энергозала, которую он и хотел получить. Оставалось непонятным главное — неравномерность напряженности этих полей. Получалось, что в центре чечевицы напряжения отсутствовали вовсе, а по краям постепенно нарастали до обычного уровня фона...

Различия в напряженности были едва уловимы, на грани чувствительности приборов, а центр чечевицы, как теперь уяснил Элсон, находился на верхнем этаже. Не зря ему так хотелось туда добраться...

Элсон решил пройти по залу и обдумать полученные данные.

Сообщить результат Гришину? Но ведь надо его как-то объяснить... Картина напоминала замкнутое на себя электрическое поле конденсатора, только с обрат-

ным отрицательным знаком. Если в конденсаторе накапливались заряды, то здесь они уничтожались. Там и тут был некий геометрический центр, полюс... Необходимо посмотреть, что находится внутри полюса, и сделать это надо сейчас, немедленно, потому что уже через полчаса картина при таких ничтожных напряжениях может измениться. Тогда искать наверху будет нечего... Элсон прекрасно понимал, что просить об этом Гришина совершенно бесполезно. Никто не согласится ради проверки его теоретических исследований рисковать жизнью тех, кого придется послать в энергетический отсек. Кажется, Гришин говорил, что это вообще невозможно. «Но ведь и у меня есть право риска... Оно есть у каждого человека!» Интуитивно он чувствовал, что наткнулся на что-то очень важное, едва уловимое, и понимал, что, если сейчас немедленно не найдет способа проверить, что там такое, не простит себе этого никогда. Центр таинственной чечевицы притягивал его как магнит.

У входа, вдоль овальной стены энергозала, виднелись дверцы каких-то шкафов. Из чистого любопытства он дернул одну, другую... Третья неожиданно открылась. Перед ним, аккуратно сложенный, лежал скафандр высокой радиационной защиты...

«Значит, в случае необходимости, существует способ проникновения в «горячий» радиационный отсек! Не зря здесь лежат эти скафандры».

Тонкая металлизированная пленка, запаянная в двух слоях прозрачного пластика, оказалась мягкой и легкой. Шлем, слегка чмокнув, встал на место, и сразу же включились регенерационные устройства. Потянуло чуть сладковатым, насыщенным кислородом воздухом.

Шнур, болтавшийся на поясе, он обмотал вокруг талии и завязал узлом. Взгляд Элсона упал на заднюю стену шкафа... Ее скрывала шторка из темной материи, но, вынимая скафандр, он слегка сдвинул эту шторку, и теперь там проглядывали какие-то крупные буквы.

Элсон отдернул шторку в сторону. Через всю стену шкафа полыхнула красная надпись: «Аварийный шлюз».

4

Ротанов проснулся в пятом часу утра от тихого зудящего звука зуммера. Проснулся, как всегда, мгновенно, но несколько секунд лежал неподвижно, не спеша включить видеофон.

В особо серьезных случаях автоматика включит тревогу, но и ему никто, конечно, не станет звонить в пять утра без серьезного повода. И все же он не спешил. Недоброе предчувствие на какое-то мгновение сковало его волю. Ротанову казалось, что если он отмолчится, не включит аппарат, не даст плохим новостям в ранний час просочиться в свою комнату, то тем самым он отдалит и как бы ослабит их. Но то была лишь минутная слабость, отголосок давно прошедших времен, когда холодок опасности за несколько секунд до ее действительного появления не раз спасал ему жизнь.

Главный энергетик выглядел на экране видеофона всклокоченным и угрюмым. Он долго молчал, даже не пытаясь извиниться за неурочный вызов, и это окончательно утвердило Ротанова в его худших предположениях.

— Так что там у вас стряслось? Опять упала мощность? — спросил Ротанов, все еще надеясь отвести беду.

— Элсон, молодой специалист, которого вы нам направили месяц назад... — Гришин остановился, отвел взгляд.

— Ну! Не тяни!

— Парень полез в «горячий» отсек...

— В скафандре?

— В скафандре. Но защита скафандра не включена... — И только сейчас, словно автоматы ждали этих

слов, с опозданием взвыла сирена и на всех экранах вспыхнула яркая мигающая надпись: «Человек в опасности».

Нужное Элсону место находилось около седьмой батареи накопителей.

Каждый накопитель представлял собой десятиметровый, облицованный титановой броней куб. Свет редких фонарей терялся в узких проходах. Кубы стояли друг за другом ровными рядами, и все же пространство между ними напоминало лабиринт, поскольку каждый накопитель был окружен целой системой вспомогательных устройств.

В верхнем зале в отличие от нижнего было довольно жарко. Скафандр почему-то не защищал от тепловой радиации.

«Странно, — подумал Элсон, — этого как будто не должно быть, может, не в порядке защита?» Отмахнувшись от этой мысли, он втиснулся в особенно узкий проход и пошел дальше. Номера на блоках были выведены хорошо заметной светящейся краской, и это помогало ему ориентироваться.

Он недооценил сложности своего предприятия. На каждом шагу зал словно напоминал, что людям не место в этом царстве сконцентрированной звездной плазмы. Со всех сторон до него доносились непонятные странные звуки. Что-то жужжало, потрескивало, посвистывало, скрипело. То и дело щелкали какие-то реле.

Над восьмым блоком вдруг вспыхнуло холодное голубоватое пламя, и оглушительный грохот разряда пригвоздил Элсона к месту. Он подумал, что, если окажется в зоне действия статического разряда такой мощности, его не спасет никакая защита. В этот момент ему очень захотелось вернуться, понадобилось значительное усилие воли для того, чтобы сдвинуть с места непослушные ноги. Проходя мимо пятого блока, он остановился, что-

бы перевести дыхание. Пот катился с него градом. Идти становилось все трудней. «Тоже мне герой, — выругал он себя. — Иди, раз полез!» И в этот момент сквозь броню соседнего блока донеслось прерывистое басовитое гудение. словно это был огромный улей, наполненный пчелами. Почти сразу же ослепительная голубая лента сверкнула прямо перед Элсоном, соединив сверкающим плазменным мостом два соседних блока. «Здесь все насквозь пропитано электричеством. Но ничего, гляну и обратно», — сказал он вслух и удивился, как жалко прозвучал его голос, стиснутый воздушной подушкой шлема.

Еще пятнадцать шагов, еще двадцать. В неверном свете наשלемого фонаря перед ним прыгали изломанные резкие тени. Он то и дело попадал в переплетение кабелей, отводных труб. Дышать становилось все труднее, хотя в скафандр бесперебойно поступал свежий воздух. Сердце стучало неровно и часто. Пот, который он не мог стереть под шлемом, заливал лицо.

Сверившись с планом, он наконец убедился, что стоит перед седьмым блоком, на том самом месте, к которому так стремился. Перед ним открывался еще один узкий проход. То же нагромождение незнакомых механизмов, то же переплетение магистральных линий. «А на что ты надеялся? — спросил он себя. — Ты что, специалист-энергетик? Что ты понимаешь во всем этом? Откуда знаешь, что здесь правильно, а что нет? Это была бессмысленная, глупейшая затея...»

Он представил, как ему придется рассказывать об этой экспедиции Гришину, и жгучая краска стыда выступила на его лице. Бетонный пол покрывал слой пыли. Видимо, роботы-уборщики нечасто появлялись в этом помещении. Поверхность соседнего кожуха слегка вибрировала, как, впрочем, и у всех остальных...

«Если я здесь останусь, меня найдут не скоро», — подумалось ему.

По тому, как засосало под ложечкой и обруч боли

стиснул голову, Элсон понял, что очередной разряд вот-вот ударит где-то рядом. Элсон пошатнулся, и в это время откуда-то сверху раздался спокойный, усиленный металлическими тарелками громкоговорителей голос Ротанова.

— Элсон! Слушайте меня внимательно. Медленно сделайте два шага назад и остановитесь.

Он сразу же узнал этот спокойный голос и подчинился ему без сопротивления.

— Так. Молодец. Не шевелись теперь... — И почти в ту же секунду, нанюсось через то место, где он только что стоял, хлестнул разряд.

Элсон не успел закрыть глаза. И вспышка, длившаяся долю мгновения, застыла в его сузившихся зрачках.

— Что ты видишь? — спросил голос Ротанова.

— Река...

— Какого цвета?

— Красная...

— Так и должно быть. На какое-то время ты ослеп. Зрение скоро восстановится, стой пока не шевелясь. Еще что-нибудь заметил?

— Черные берега...

— Я думал, мне показалось! — Как сквозь сон услышал Элсон голос Гришина.

— Нет. Все правильно. Это необычный разряд. Сейчас его ослепленная сетчатка видит негатив вспышки. Там не было сердцевины. Только края, они-то и показались ему берегами...

Гул накопителей заметно стих, видимо, в центральной рубке делали все возможное, чтобы снизить напряжение в зале.

«Слишком мало у них времени...» — вяло подумал Элсон.

Зрение постепенно возвращалось.

Сквозь радужные плывущие картины он вдруг совершенно отчетливо различил небольшой теннисный

мяч, бесшумно и медленно катящийся к нему по воздуху. Мяч возник примерно в середине того места, где только что полыхнул разряд.

— Ты видишь эту штуку? — спросил голос Ротанова.

— Да! — ответил Гришин.

— Что будем делать?

— Нужно стрелять, нет другого выхода!

— У него не включена защита...

Элсону казалось, что он находится в каком-то пустом и страшном царстве снов, где среди голых каменных стен метались мертвые голоса людей. Людей, которых он знал когда-то давно, в другой, уже почти забытой жизни.

«Наверно, я умер», — подумал он совершенно безразлично.

— Элсон! Элсон! — требовательно звали голоса. Они отражались от стен, как упругие мячики, и подбирались к нему все ближе.

— Ты должен включить защиту! Шнур у тебя на поясе! На груди скафандра есть гнездо! Воткни в него вилку шнура! Ты слышишь меня? Элсон!

Только чтобы избавиться от этих назойливых голосов, мешавших ему сосредоточиться на чем-то действительно важном, он сделал то, что они требовали. В то же мгновение с потолка зала, от центрального энерговода протянулся вниз ослепительный луч голубой плазмы. Он обежал вокруг Элсона, нащупал убегающий черный мячик и вдруг взорвался фиолетовой вспышкой.

Врачей вокруг реанимационной капсулы было не так уж много, двое или трое... Ротанов на ходу все никак не мог их сосчитать, так быстро они сновали у пультов и аппаратов реанимации.

Он подумал, что дела, должно быть, обстоят неважно, раз они так спешат.

Некоторое время Ротанов молча рассматривал неестественно обтянутое сухой, как пергамент кожей, лицо юноши.

— Выдержит? — спросил Ротанов.

— Элсон упорный парень. Он выдержит, — произнес за спиной Ротанова Гришин.

— Ты бы лучше не оставлял на дежурстве человека, не проинструктировав его, как пользоваться скафандром!

— Кто мог предвидеть, что ему понадобится лезть в самое пекло... В компьютере энергоблока остались его записи. Он решал какую-то задачу, искал на втором этаже некий непонятный центр. Центр чего именно — не знаю.

По приказу Ротанова в работу включился весь научный отдел. Математики базы подробно анализировали записи Элсона. Ротанов потребовал обследовать все помещение базы по методу, использованному Элсоном, и убедиться в том, что на Регосе не осталось новых центров воздействия.

Поединок с черным шаром зафиксировали многочисленные приборы и датчики энергетического отсека. Хотя непосредственно сам шар нельзя было рассмотреть ни на одной пленке, был наконец найден способ сделать видимой корону окружавших его электрических зарядов. Удалось даже подсчитать объем шара и количество энергии, понадобившейся для его уничтожения.

Хотя никто толком не знал, что, собственно, они уничтожили, не осталось сомнений в одном: черный шар перестал существовать после выстрела мощностью в десять мегаватт. Только сопоставив цифры объема шара — сто пятьдесят кубических сантиметров и мощность, потребовавшуюся на его уничтожение, Ротанов понял, какой ценой досталась им эта победа. Энергетический отсек — сердце базы. Ротанов не верил в случайное появление шара именно в этом месте. Хотя теоретики из научного отдела предложили гипотезу «чер-

ной шаровой молнии», которую притянуло в нижний отсек обилие накопленной там энергии, Ротанов, сопоставив все, что ему было известно о нападении на «Ленинград», сделал для себя неутешительный вывод: происшествие на базе не было случайностью, связанной с неизвестным науке природным феноменом. Слишком последовательно выстраивались события... И тогда он первый раз пожалел, что сразу не поддержал Олега, потерял столько времени. Утвердил карантин и отправил его со всей командой «Ленинграда» на Землю в специально оборудованном карантинном корабле. Теперь нужно было как можно скорее заканчивать дела на Регосе и лететь вдогонку...

Он понимал, что центр главных событий неизбежно сместится к Земле. Туда сходилась вся информация, от туда нужно было готовить новую экспедицию к Черной. Прав был Олег, тысячу раз прав!

Оставалась еще проблема «Ленинграда». Он не мог оставлять над базой постоянную угрозу. Поскольку почти не сомневался, что черный шар — гостинец, привезенный «Ленинградом». Надо было что-то немедленно делать с кораблем...

К вечеру следующего дня, когда, наконец, закончена была обработка данных по инспекции базы, Ротанов вызвал заведующего научным отделом доктора Рестона.

Рестон, известный на Земле физик, на базе фактически был поставлен в положение заурядного инженера. Ротанов не делал никаких различий между своими ответственными сотрудниками.

— Удалось вам установить, что собой представлял гость, посетивший базу?

Рестон задумчиво покачал головой.

— Я мог бы предложить вам несколько названий, но вас ведь не название интересует? — Ротанов кив-

нул. — Тогда довольствуйтесь таким определением: «Земная наука с этим явлением не встречалась». Это сгусток некой субстанции, противоположной по своим свойствам энергии. Антиэнергия, если хотите. Элсон, очевидно, считал ее энтропийным зарядом. Возможно, он был прав. Обнаружить шар можно только при слабом нейтронном облучении. Именно тогда на его поверхности появляется корона электрических разрядов.

— Но мы же его видели!

— Потому и видели, что Элсон дал команду автоматам энергетического отсека вести поиск, используя нейтронное облучение. Он, видимо, предполагал, что это явление связано с энтропией. Как его самочувствие?

— Мне сообщили, что кризис позади. Сейчас он спит. Врачи вовремя успели сделать пересадку спинного мозга. Возможно, все обойдется, у него молодой крепкий организм.

— Нужно сделать все возможное. На вашем месте я бы немедленно отправил его на Землю. В радиационном институте опыта больше, чем у нас. Вы обязаны сохранить для Земли эту голову.

— Хорошо бы сохранить и еще что-нибудь, кроме головы, — проворчал Ротанов. — Вы познакомились с результатами обследования помещений базы?

— Да. По-видимому, этот гость был единственным. Мы проверили параметры электрических полей во всех помещениях базы, применяя метод Элсона. Если исходить из известных нам данных, на базе больше нет никаких посторонних образований.

— А «Ленинград»?

— Здесь дело сложнее. В момент обследования мы еще не были знакомы с новой методикой. Там не применялось нейтронное облучение, и сделать какие-то однозначные выводы я затрудняюсь. Косвенные данные говорят о том, что с кораблем не все в порядке. Видимо, придется все повторить, используя методику Элсона.

— И рискуя при этом вызвать новое нападение на

базу. Или поражение людей и механизмов. Благодаря покорно. Кораблем придется пожертвовать.

— Неужели вы решитесь уничтожить крейсер?

— Похоже, у нас нет иного выхода. И ждать нельзя. Корабль слишком опасен. Рискованно лезть туда снова. Распорядитесь поставить силовой экран, нужно немедленно прикрыть от него Регос.

— Это бессмысленно. Никакие наши поля не могут задержать энтропийный заряд.

— Да, вы правы... Никак не могу к этому привыкнуть... Тем более нужно немедленно избавиться от корабля.

Оставшись один, Ротанов потянулся к пульту связи, но рука остановилась на полпути, словно в пальцах не осталось силы для такого простого и окончательного жеста, как поворот рычажка...

Слишком хорошо он знал, что последует за словами команды, которую собирался произнести. Не ответственности он боялся. Сам был звездолетчиком и понимал, что это значит — уничтожить собственный корабль.

Совершенно бессознательно он убрал руку с пульта, взял папку с только что полученной почтой, прибывшей с рейсовым кораблем. Возможно, надеялся, что сведения, доставленные с Земли, подскажут иное решение. А скорее всего лишь оттягивал неизбежную развязку.

Бегло просмотрев пакет пластиковых карт, он выбрал одну, с красной полосой Координационного Совета Федерации, и вставил ее в компьютер. На экране загорелись строчки сообщения:

«Всем кораблям флота, всем поселениям Федерации. Совершено нападение неизвестным противником на колонию Дзеты. Есть человеческие жертвы. Колония срочно эвакуируется. Следует обращать особое внимание на черные объекты, видимые только в нейтронном облучении. Нельзя подпускать их близко к кораблям и поселениям. Немедленно уничтожить энергетическими зарядами максимальной мощности...».

Совершилось наконец то, чего он опасался все эти годы, к чему готовился, ради чего строил эту базу. Человечество встретило на просторах Галактики неведомого грозного противника. Если это не гуманоидная цивилизация, если это вообще не цивилизация — а он не исключал существование разума, не поддающегося даже самым общим человеческим определениям, — переговоры могут оказаться невозможными, и тогда нам придется принять бой. У нас просто не останется иного выхода, нам могут навязать войну. А если бы ее начинал я сам, для первого удара я выбрал бы именно базу на Регосе. Ведь она, в сущности, единственное место, где может укрыться наш пока еще не созданный боевой флот. Отсюда он мог бы совершать рейды, не подвергая опасности ответных ударов противника незащищенные планеты. Правда, противник должен был бы хорошо разбираться в наших силах. Но кто знает, сколько лет они наблюдали за нами, готовились, пока, наконец, решились нанести свои первые удары. Время, оставшееся у нас на подготовку для встречи с врагом, от оружия которого земная техника не знала защиты, измерялось теперь, возможно, месяцами, если не днями...

После того как смолк вой сирен общей тревоги, объявленной во второй раз за эти несколько дней, метроном методично стал отсчитывать секунды, оставшиеся до залпа антипротонных пушек. Люди, сидевшие с двух сторон от Ротанова за главным управляющим пультом, закончили набор команд и выжидающе уставились на него.

До сих пор они не задавали ему вопросы, скованные регламентом и уставом боевой тревоги. Но сейчас Протасов первым разорвал эти тягостные, заполненные щелканьем метронома мгновения:

— Мы готовились к этой операции так, как будто над базой висит вражеский крейсер!

— Считайте, что это так и есть.

Ротанов не повернул головы, не отвел взгляда от таймера. Все в его лице застыло, и в глазах появился несвойственный ему жестокий, холодноватый блеск.

Сорок секунд... Еще можно было отменить приказ, остановить операцию. Даже так, уставившись в панель отсчета, он видел угловым зрением на боковых экранах четкий силуэт корабля, верой и правдой прослужившего людям не один год, преодолевшего бездну пространства, защитившего и принесшего обратно доверившихся ему людей. Он был красив, этот могучий корабль, сконцентрировавший в себе человеческий труд, знания, чаяния. Через тридцать секунд он должен будет погибнуть.

Ротанов приказал рассчитать залп с двух сторон, так чтобы звездное пламя аннигиляции охватило сразу всю обшивку, не оставив ни малейшей щели для притаившейся в недрах корабля черной пакости. Он не пожалел энергии на этот залп... И он никогда не забудет этих секунд ожидания, он еще спросит за них с тех, кто прислал людям свои черные гостинцы...

Ноль один, ноль-ноль... Защитные поля, прикрывавшие планету, должны были прогнуться от этого удара. Клестов боялся, что они не сумеют сдержать волну радиации. Слишком близко висел корабль. Слишком велика его масса для полной аннигиляции. Но Ротанов верил, что защитные системы базы справятся с такой задачей. Он хорошо знал земных инженеров, построивших эту звездную крепость...

И все же, когда на всех экранах полыхнуло фиолетовое пламя, они невольно пригнули головы, ожидая того грозного гула и колебания почвы планеты, которые всегда сопровождали даже учебные стрельбы, а сейчас...

Но ничего не произошло. Вспышка на экранах погасла удивительно быстро, и лишь силуэт корабля расстворился, исчез, словно его никогда не было.

Ротанов бросил взгляд на расходомер антипротонов,

потом на измеритель радиоактивного и волнового ударов. Их стрелки едва качнулись.

— Что произошло? — спросил он, повернувшись к Рестону.

Тот, пожав плечами, ответил:

— Вы оказались правы. Энергия взрыва в восемьсот раз меньше расчетной. Может быть лишь одно объяснение. Черные заряды на корабле нейтрализовали почти всю энергию нашего удара.

— Они не могли уцелеть?

— Исключено. В этом случае взрыва не было бы вообще. Вспышка, которую мы видели, остаток того, что им не удалось поглотить.

Лайнер «Итель», закончив промежуточный бросок у Регоса, разворачивался для нового разгона. Корабли этого класса не нуждались в подзаправке и не заходили на базы.

На «Ителе» свято чтили старинные традиции, и капитан Громов торжественно прошествовал за свой стол, где в обществе пассажиров класса «экстра» собирался пообедать. Не успел Громов сесть за стол, как в его нагрудном кармане пискнул фонарь. Он нажал кнопку.

— Капитан, Регос просит принять одного пассажира и санитарную капсулу...

Проводив капсулу с Элсоном в медицинский отсек и убедившись, что с ним все в порядке, Ротанов спустился в пассажирский салон.

Элсон будет спать до самой Земли, врачи обещали, что он проснется практически здоровым.

— Хорошо, если так...—Ротанов все никак не мог простить себе, что не разобрался в этом юноше, не сумел оценить ни его способностей, ни мужества.

Не так уж часто случалось ему ошибаться в людях,

и если это все же происходило, он старался сделать все от него зависящее, чтобы исправить ошибку.

Если Элсона вовремя поставят на ноги, он обязательно представит его Совету и поможет принять участие во всех делах, связанных с Черной планетой.

«Итель» уже начал разгон, и пассажиров в салоне оставалось немного. Хотя ускорение лайнера было невелико, все же непривычная добавочная тяжесть разогнала людей по каютам. Собираясь в дорогу, Ротанов не рассчитывал, что подвернется попутный пассажирский рейс, не захватил с собой нужных вещей и подходящей одежды. Сейчас он чувствовал себя неловко в своей старенькой элановой куртке в этом мире давно забытого комфорта.

Тихо играла музыка, свет люстр каскадами падал на резные панели стен, на дубовые стойки бара, где вместо привычного автомата стоял самый настоящий живой бармен в форменной синей куртке.

Встретив его остановившийся, невыразительный взгляд, Ротанов почему-то так и не решился подойти к стойке, хотя ему хотелось выпить чего-нибудь покрепче.

Хорошо, что он отказался от спецрейса, воспользовался этим попутным пассажирским лайнером и впервые за долгие годы почувствовал себя простым наблюдателем, а не участником событий.

Ему хотелось отвлечься от всего, расслабиться, побыть одному. Он знал, что события начали разворачиваться стремительно, как отпущенная пружина, и, возможно, это последний представившийся ему случай для такого вот бездумного отдыха.

Ротанов подошел к большому, затянутому белесой пленкой экрану, вделанному в круглую бронзовую раму, изображавшую иллюминатор корабля, и нажал выключатель.

Пленка растаяла. Теперь это и в самом деле был иллюминатор.

Среди яркой россыпи знакомых созвездий Регоса он

легко различил красноватый мячик планеты. Ей он отдал большой кусок жизни и знал, что покидает ее надолго, может быть, навсегда.

5

Бывают планеты, где неохватное небо опускается ближе к людям, где человек перестает ощущать себя центром Вселенной и растворяется в окружающем мире, впитывает его в себя, становится его частицей. Единым целым со звездами, соловьями, огнем костра, лицами друзей...

На одной из таких счастливых планет, позволивших людям построить здесь свой новый дом, в тихом и прозрачном лесу сидела у костра земная женщина.

На минуту она осталась совсем одна, потому что друзья, затеяв игру, убежали в глубь леса по тропинке, освещенной зеленой луной.

Воспоминания долго ждали этой минуты. Они выступили из-за деревьев неслышной толпой, подошли вплотную...

Был в ее жизни случай, когда один человек пообещал ей подарить целый мир. Добрый и ласковый мир под голубым небом, не знающим страха. Он сдержал свое слово.

Отчего же тогда ей так горько? Впрочем, зачем спрашивать... Она слишком хорошо знала ответ...

Анна думала об этом, глядя на огонь костра, веселыми языками лизавший сосновые поленья и бросавший в темноту пригоршни искр. Она вспоминала другой костер. Костер Синего леса. Тогда смерть стояла рядом, за светлым кругом огня, стоило лишь протянуть руку. Но вместо чудовищ Синего леса к костру вдруг вышел веселый обыкновенный человек. Немного поцарапанный, немного сердитый и совершенно невозможный там, в Синем лесу...

Впрочем, он навсегда остался для нее невозможным.

Далеким, недоступным миражем. Она знала каждый его шаг. Хранила кристаллы с записями всех его выступлений, отчетов, речей... И только его самого никогда не было рядом. Где уж ей угнаться за ним — слабой земной женщине. Он сражался с чудовищами, покорял чужие миры, возводил звездные крепости. А она любила его, училась. И строила свой собственный мир здесь, на Дзете, таким, каким видела его лишь в снах своей юности, на жестокой и страшной Гидре...

Окончив школу второй ступени на Земле, она вместе с другими колонистами прилетела на Дзету. Это была тихая ласковая планета с кротким и добрым нравом. С ручьями, текущими среди низкорослых сиреневых кустиков, с синими закатами и бирюзовыми восходами.

Они посадили земные сосны и березы. Биологические стимуляторы в десятки раз ускорили рост деревьев, и уже через пару лет на Дзете шумели настоящие земные леса. На планете не было своего животного мира, и скоро здесь поселились олени и лани, зайцы и великаны лоси, привезенные с Земли. На глазах у Анны вырос красивый белый город, утопающий в зелени садов, парков и скверов. На земле города постепенно исчезли, растворились в лесных массивах, распались на мелкие поселения или отдельные коттеджи, оборудованные всем необходимым для жизни двух-трех семей...

В колониях люди стремились жить ближе друг к другу, может быть, потому, что острее ощущали потребность во взаимной поддержке перед лицом чужого мира.

Анне нравились города земных колоний. После пещер Гидры она отогревалась в них всем своим существом. И не чувство полной безопасности, которой она так долго была лишена, согревало ее, нет. Самым ценным в этом небольшом белом городе была удивительная общность людей. Милая ее сердцу провинциальность, позволяющая без особых церемоний войти в любой дом, знать все о своем соседе и так же открыто, на виду у всех, жить самой в едином коллективе, увлеченном одной

целью — освоить новый мир. Сделать его удобным и радостным.

Был у них и рудник, в котором автоматы добывали цезий — раз в полгода обогащенную руду забирал транспорт с Земли и взамен привозил им автолеты, одежду, сложные бытовые автоматы, видеокристаллы. Автоматы убирали улицы, города, жилища, готовили пищу, вырабатывали необходимую городу энергию. Практически они избавили людей от всей тяжелой работы.

И теперь, когда монтаж и основные работы по освоению территории были закончены, у них появилось много свободного времени, которое каждый мог использовать по своему вкусу.

Занятия искусством не очень увлекали колонистов. Возможно, виной тому были все те же видеокристаллы, позволявшие с помощью подвижных голограмм знакомиться с работами лучших актеров, живописцев и скульпторов Земли.

Анна все свое свободное время посвящала лесу. Она окончила биологическую школу на Земле, и лес на Дзете был ее детищем. Сейчас она испытывала чувство удовлетворения и радости, слыша доносящиеся из-за деревьев людские голоса, шорох шагов и тихий смех. Вечернее небо озаряли отблески далеких костров. Кое-где виднелись светлые пятна надувных палаток. Колонисты любили свой лес. Она знала, что вопреки ее запретам многие молодые люди жили в надувных палатках все лето.

Ничто не предвещало несчастья в эту теплую летнюю ночь. А между тем высоко в небе Дзеты уже появилась хищная черная тень. Не обнаруженная диспетчерским постом, она тихо кралась к планете перпендикулярно плоскости эклиптики, нарушая законы баллистики и притяжения.

Ее заметили лишь утром в виде размытого грязного пятна на фоне светлого неба. С этой минуты наблюдение за ней продолжалось весь день.

После полудня с севера появилось второе пятно.

Пятна пошли навстречу друг другу и соединились в пятнадцать часов сорок восемь минут по абсолютному земному времени. Дежурный оператор зафиксировал это событие по всей форме в журнале, не придав ему должного значения, поскольку столкновение пятен не имело видимого результата — после соединения оба они попросту исчезли с небосклона Дзеты.

Дежурный приписал в конце страницы несколько строк своей собственной версии происшедшего.

«Это могли быть пылевые облака или какие-то уплотнения в атмосфере. Возможно, повышенная концентрация влаги в верхних слоях привела к явлению, напоминающему земной мираж».

Это не были ни пылевые облака, ни миражи. Темные тела, подошедшие к Дзете, после столкновения не разрушились и не исчезли. Они лишь распались на десятки более мелких тел, незаметных на большой высоте, и начали свое медленное неотвратимое падение на Дзету.

Отдельные капли, соприкоснувшись с атмосферой планеты, съежились и с легким хлопком исчезли. Но наиболее крупные, хоть и уменьшились в размерах, к ночи все же достигли поверхности планеты.

Утро началось как обычно. Операторы заняли свои места у пультов автоматических комплексов на руднике и энергетическом центре. Целые стаи стреколетов поднялись в воздух, развозя колонистов по рабочим местам.

Анна опустила стреколет на площадке у корпуса городской больницы. Привычно обойдя палаты и убедившись, что у немногих больных все идет как надо, а медицинские автоматы не отклоняются от заданных режимов, она прошла в свой кабинет, находившийся под самой крышей пятиэтажного здания.

Огромные окна делали комнату похожей на большую оранжерею. Сходство увеличивали многочисленные растения, заполнявшие почти все свободное пространство.

И здесь она продолжала эксперименты по приживлению земных растений на чужой почве в новых условиях.

Анна прошла с лейкой по рядам своих питомцев, не доверяя столь ответственное дело автоматам. Обобрала несколько пожелтевших листочков, проверила, не завезли ли вместе с новой партией растений земных паразитов.

Карантинный контроль знал свое дело. Растения выглядели совершенно здоровыми. Анна прошла к столу, достала медицинские карты, просмотрела их и, убедившись, что ее вмешательство в заданные программы лечения не требуется, открыла другой ящик.

На самом дне лежала маленькая, потемневшая от времени, отполированная вручную шкатулка, сделанная из твердой, как железо, древесины кустарников далекой Гидры.

В шкатулке были фотографии, голограммы, листочки бумаги с нацарапанными на них буквами.

Анна вспомнила школу первой ступени на Гидре. Там ее учили защищаться и нападать. Стрелять из бластера и выбирать место для засады.

Сейчас все это походило на далекий и уже нестрашный сон. Под грудой фотографий она нашла сухую ключую ветку. Единственный подарок человека, образ которого с тех пор навсегда остался с ней. Настойчиво запищал вызов видеофона. «Анна Петровна, мы только что получили тревожный сигнал. Автомат четвертого сектора сообщает, что с медифора Гая Рудина вот уже полчаса не поступает сигнала. Последний пришел из леса. Видимо, Рудин ночевал там». Голос дежурного был спокоен. Не так уж часто, но все же случалось, что молодые ребята из озорства отключали свои медифоры и служба здоровья получала ложные сигналы тревоги.

— Вам, видимо, понадобится помощь?

— Справлюсь сама, — ответила Анна. — Лес я знаю хорошо и все их места стоянок тоже. Пришлите только санитарный стреколет с сиреной. Надо, наконец, проучить этих шалопаев.

Автопилот стреколета сделал над городом пологий круг и направил машину в сторону леса. Анна, используя время полета, вставила в информатор стреколета личную карточку Рудина. К ее удивлению, это был не мальчишка, а молодой парень двадцати семи лет, электронщик. Она встречалась с ним раза два в бассейне и сразу же узнала лицо, появившееся на экране.

Кажется, он неплохо плавал... Взрослый колонист не станет из озорства отключать медифор. Только теперь она ощутила легкую тревогу. Стреколет уже снижался над местом, из которого автоматы зафиксировали последний сигнал Рудина. Прозрачные крылья сзади приподнялись и мягко посадили машину на поляну.

Палатку она нашла минут через десять. Рядом в траве валялся раздавленный медифор. Но даже после этого она не слишком серьезно отнеслась к происшедшему. На Дзете не было диких животных, кроме безобидных оленей. Лось не подойдет к палатке. Что еще могло здесь случиться?

Она растерянно подбирала в беспорядке разбросанные по поляне вещи, когда заметила на коре дерева странные царапины, словно кто-то голыми руками пытался сорвать с него кору.

Нижние ветви дерева, варварски обломанные, валялись на траве. Только теперь она ощутила наконец настоящую тревогу. Но было уже поздно. С треском обломился огромный сук, и какое-то существо прыгнуло с дерева вниз.

Оно упало на все четыре лапы, приподнялось на задних ногах, и только теперь Анна поняла, что это был человек, едва прикрытый клочьями одежды. По всему его телу шли длинные красные царапины.

Их разделяло не больше трех метров. И прежде чем Анна успела понять, что происходит, человек бросился к ней, выставив вперед кровоточащие руки с содранными ногтями.

Совершенно инстинктивно она уклонилась. Сами со-

бой сработали моторные рефлексy, привитые ей в школе первой ступени на Гидре, где от них зависела жизнь каждого колониста.

Нападавший промахнулся, упал, но тут же вскочил и с удивительным проворством снова бросился на Анну. Она не успела испугаться... Мышцы сами знали, что нужно делать.

Глаза у нее сузились, движения стали резкими, скупыми и абсолютно точными.

Человек снова промахнулся. Он зарычал от бешенства, повернулся и, загородив ей дорогу к стреколету, теперь уже медленно, крадучись, стал вновь приближаться. Только сейчас она узнала его и, отступая так же медленно, как подходил он, не позволяя ему ни на шаг сократить дистанцию, ласково окликнула его:

— Гай! Что с тобой, Гай?

В глазах человека мелькнуло что-то осмысленное, он застонал, сжал голову руками и вдруг тихо и внятно произнес:

— Уходите отсюда!

— Хорошо, Гай, я уйду, но сначала ты скажи, что с тобой случилось.

— Не знаю. Ночью в лесу шел дождь...

— Ты что-то путаешь, Гай. У нас не бывает дождей.

— Это был не простой дождь. Черный. Я помню большие капли, одна из них упала вот сюда. — Он прикоснулся к затылку и поморщился. — Холод. Везде холод! — Его тело била мелкая дрожь, а глаза вновь уже заволакивались дымкой безумной ярости... — Слушай! Ты! Ты не знаешь, не знаешь, какой холод! Согрей меня!

Он снова прыгнул к ней, опять промахнулся, запутался на минуту в кустарнике. Это позволило ей наконец дотянуться до медицинского пояса, достать шприц-пистолет и вставить в него снотворную капсулу.

Для верного выстрела ствол пистолета должен был коснуться кожи больного, и проделать эту штуку нужно так, чтобы Гай не мог до нее дотронуться... Слишком

хорошо она знала, какие сюрпризы иногда таят в себе внешне вполне благополучные чужие миры. Если это заражение инопланетным вирусом — дело плохо...

Едва Гай выбрался из кустов, как Анна побежала, увлекая его за собой в погоню. Еще раз увернувшись и оказавшись на секунду позади бегущего, она успела приставить шприц-пистолет к его лопатке и нажать спуск.

Гай зашатался и мягко опустился в траву. Снотворное действовало почти мгновенно.

Вызвав еще один санитарный стреколет и коротко доложив дежурному о происшедшем, она вывела из своей машины робота первой помощи, обвешанного шлангами, зажимами и датчиками. Нужно было немедленно, не теряя ни минуты, определить, что происходит с Гаем.

Едва робот оплел спящего человека паутиной проводов от датчиков и индикаторов, как на диагностическом табло появились первые цифры.

Давление в норме... Пульс слабый, биоритмы мозга заметно понижены... но это все мелочи, это не может быть причиной... Ага, вот, наконец! Температура тела тридцать два по Цельсию... Неудивительно, что ему было холодно. В случае инфекции температура должна бы повыситься. Ее нужно немедленно поднимать, хотя бы градуса на три, иначе не выдержит мозг... Так, теперь пробы крови, анализы во всем диапазоне: на вирусы, на микрофлору, на инородные белки... Ничего нет, странно... Только остатки собственных... Идет интенсивный процесс разрушения белков, но отчего, в чем причина?!

Через несколько минут она поняла, что ничего не сможет сделать. Процесс распада нервной системы и наиболее сложных структур организма с каждой минутой ускорялся, и, когда на поляну опустился второй санитарный вертолет, ничто уже не могло спасти Рудина.

Первым черные кратеры заметил пилот транспортного стреколета. Он вел тяжело нагруженную машину от

космодрома к заводскому комплексу, расположенному далеко в стороне от города. Десятки раз в день, пролетая над одним и тем же местом, человек постепенно перестает замечать особенности пейзажа. Зато любые изменения сразу же бросаются в глаза.

Впечатление было такое, словно зеленую шкуру леса изуродовали воронки от мощных взрывов. Здесь не велось никаких работ, и вообще взрывные работы применялись на Дзете лишь в самом начале, несколько лет назад, когда колонисты пробивали скальное основание для фундаментов и складов...

Удивленный пилот развернул машину и еще раз прошелся над лесом, максимально уменьшив высоту. Тяжелая машина не позволяла снизить скорость и детально рассмотреть землю. Но и того, что он увидел, оказалось достаточно. Через пять минут над лесом появились вертопланы карантинной службы.

Руководитель экспедиции запретил садиться. Вертопланы могли неподвижно зависать в любом месте и на любой высоте.

Поверхность планеты словно поразила проказа. Гигантские язвы зияли в десятках мест. На глазах у потрясенных поселенцев в эти провалы рушились деревья и массы земли. Казалось, какая-то огромная мешалка работает внутри каждой такой ямы, все время перемалывая породу и увеличивая размеры кратера.

В некоторых местах кратеры уже достигали десятков метров в поперечнике и все время увеличивали свои размеры.

Они пытались бороться. В воронки полетели цилиндры с антибиотиками, способными подавить любую инопланетную фауну, но это никак не повлияло на процесс разрушения. Облучение жесткими нейтронами лишь ускорило его.

Наконец, и это уже было актом отчаяния, в одну из наиболее удаленных и самых крупных воронок была сброшена нейтринная бомба. Воронка, увеличенная

взрывом раз в десять, тем не менее потеряла активность.

Но это ничего не меняло. Кратеров насчитали уже более двухсот, а зарядов такой мощности на Дзете больше не было.

В семь часов вечера собрался Совет колонии. Измученные, мрачные колонисты сидели молча. Один и тот же вопрос читался на всех лицах: что происходит? как остановить распад? Грязные, в разорванной одежде, они походили на бойцов, только что покинувших поле боя. Да так оно, в сущности, и было. Петров, собираясь с мыслями, долго растирал обожженную кислотой ладонь правой руки. Остановившимся взглядом он уставился на пустую поверхность стола, где не было ни клочка бумаги, ни пластиковых карт — ничего. Этот голый стол лишний раз подчеркивал всю невероятность и неотвратимость обрушившегося на них несчастья.

— Мы испробовали все доступные нам способы воздействия, — начал Петров непривычно тихим голосом. — Реакция с каждой минутой ускоряет свое течение, в нее втягиваются все новые и новые массы породы, этот процесс разрастается в арифметической прогрессии. Мы не в силах его остановить...

— Реакция чего? — спросил математик Бромов.

— Если бы я знал! — откликнулся Петров. — Единственное, что нам известно, — причину надо искать не на Дзете. Это очень походит на бомбардировку из космоса. Диспетчерский пост засек посторонние тела, вторгшиеся в атмосферу планеты, и хотя на фотографиях видны лишь размытые пятна, скорее всего это те самые «черные корабли», о которых нас не так давно предупреждала Земля. Если это так, последствия катастрофы трудно предвидеть.

— Их и не надо предвидеть. Нужно что-то делать! Пока мы тут разглагольствуем, площадь поражения увеличивается с каждой секундой. Часа через два ею будет захвачена территория города!

— Спокойней, друзья, спокойней! Сейчас, как никог-

да раньше, нам понадобится все наше мужество, весь опыт. Нельзя допускать даже малейшей паники. У нас женщины, дети. Любой контакт с черным веществом приводит к гибели людей. Уже есть первая жертва...

Все повернулись к Анне. Она печально покачала головой.

— Когда Рудина нашли, у него начался распад центральной нервной системы и частично белков. Мы делали все возможное. Слишком поздно... И слишком большая доза, организм не справился. Рудин ни разу не приходил в себя. Была только одна короткая вспышка в самом начале. Он говорил что-то о дожде, психика, видимо, уже отказала. Современная медицина не знает такой болезни.

— Вы уверены, что причина в контакте с черной материей? Может быть, это неизвестная нам инфекция?

— Это не инфекция. В организме нет инородных белков.

Тягостное молчание повисло в зале. Наконец Петров откашлялся и, глядя в сторону, твердо сказал:

— Необходимо начинать экстренную эвакуацию. Дальнейшая борьба нашими средствами бессмысленна и опасна.

— Бросить город на произвол судьбы?

— У тебя есть другие предложения?

— Нет, нет у меня других предложений! Трудно с этим смириться, здесь наш дом, и вдруг бегство, да и куда? У нас даже нет кораблей!

— Корабли придут. Нашу радиограмму по аварийному бую приняли на Зидре, самое позднее через три месяца спасатели будут здесь.

— Три месяца! Если развал коры будет прогрессировать с той же скоростью, мы не продержимся столько!

— В таком случае придется временно переселить людей на спутники на карантинную станцию. Продержимся. Надо будет — продержимся. — Угрюмое молчание повисло в зале. Каждый из присутствующих неволь-

но представил себе, что сейчас творится на том месте, где совсем недавно зеленел лес...

Словно подчеркивая всю серьезность положения, донесся гул далекого обвала и в зале мигнул свет.

— Кажется, подземной энергоцентрали больше не существует.

— Сейчас главное — люди, — напомнил Петров. — Мы будем спасать людей. Считайте нашу эвакуацию временным отступлением. Сегодня мы еще не знаем, что собой представляет наш враг. Но мы это выясним, не сомневайтесь. Человечество — упрямая раса. Рано или поздно мы вернемся и найдем способ восстановить нашу изуродованную планету.

— Будем считать митинг законченным, — зло проговорил кто-то в зале, и Анна поняла, что люди не примирились, не простили руководству колонии этого вынужденного отступления. Каждую минуту можно было ждать каких-то неожиданностей, срывов, а возможно, и новых жертв...

Прежде всего решили вывезти из города людей и весь имеющийся наземный и воздушный транспорт. Для временного лагеря место выбрали на берегу моря, вдали от зон поражения.

Одновременно с вывозом людей из города началась переброска первых партий на спутники. Колония располагала всего двумя ракетными катерами, способными выйти на планетарные орбиты. Из-за этого процесс переброски обещал затянуться на долгие месяцы.

Прежде всего отправили самых маленьких детей с двумя воспитателями. Анна вздохнула несколько спокойней. Теперь ей хотелось как можно скорей переправить в безопасное место подростков. Уже дважды карантинным патрулям приходилось вылавливать их самостоятельные группы, отправлявшиеся на борьбу с «черными дырами».

Анна не спала третьи сутки, держалась только на стимуляторах и чувствовала, что ее силы на исходе. После

отправки четвертого транспорта на спутники у нее впервые выдалось несколько свободных минут. На сон времени все равно не оставалось, и она решила хотя бы искупаться, благо лагерь стоял на самом берегу.

Не сразу нашла она подходящее для спуска к воде место. Они собирались устроить здесь хороший пляж, с песком и галькой, да все не хватало времени, не доходили руки. «Теперь мы его уже не сделаем. Не сделаем ничего из того, что планировалось на ближайшие годы».

Она села на камень, обхватив колени руками, и смотрела в морскую даль, каждой клеточкой впитывая дыхание этого чужого моря, ставшего своим. Прощаясь с ним навсегда.

«Что бы там ни говорил Петров, мы сюда уже не вернемся, — прошептала она. — Планета слишком изуродована. Скорей всего для них подыщут другое подходящее место. Но меня там уже не будет», — вдруг совершенно отчетливо поняла она. Этот поворот судьбы, ветер перемен, неожиданно ворвавшийся в ее тихую устоявшуюся жизнь, не мог кончиться так просто. Вспомнились строчки из старой книги: «В юности или в старости, рано или поздно — приходит время, когда нас позовет несбывшееся» — ее время пришло.

Сердце ударило неровно, и, наверно, от ветра защищало глаза.

Она вскочила, одним движением сбросила платье и прыгнула со скалы в море.

Вода охладила разгоряченное тело, смыла усталость, вернула ей утраченное самообладание.

День начался для Крымова удачно. Он подписал все необходимые бумаги в регистрационном отделе карантинного комплекса и получил наконец на руки карточку 0-1-0, означавшую примерно следующее: «Карантин про-

шел полностью. Ограничений в контактах нет. Противопоказаний нет».

Олег успел еще застать десятичасовой паром, и в толпе галдящих пассажиров втиснулся в тесный, без сидений, отсек маленькой ракетки.

Лететь предстояло всего минут двадцать, но все равно полное отсутствие комфорта в единственной каюте ракетки, узкие бронзовые поручни вместо сидений — все это его озадачило. И по своему удивлению, по тому, как жадно вглядывался в лица людей, в построй их одежды, он понял, что слишком давно не был дома...

Ракетка с грохотом и скрежетом приземлилась на пригородном перроне столичного ракетодрома. С круглой бетонной площадки на самой крыше Олег спустился в подземный зал распределителя транспортных потоков.

Здесь, среди стремительно протекавшей мимо него человеческой реки, он понял, что ему необходимо остановиться.

Там, где людской поток разбивался на отдельные ручьи, в центре зала сиротливо стояла скамейка, никто из спешащих пассажиров ее даже не замечал. Олег выбрался из общего потока, свернул к скамейке и подумал, что даже в густом лесу вряд ли можно ощутить такое полное одиночество, как здесь, среди этих сотен незнакомых человеческих лиц.

Буквально в ста метрах, в центральном зале встреч, его ждала Люси... Она ждала больше года, еще пять минут вряд ли имели значение... Он должен был понять, зачем ему понадобилась эта скамейка, почему сломя голову он не летит к эскалатору? И вдруг совершенно отчетливо, с беспощадной и неожиданной ясностью он почувствовал, что его не волнует предстоящая встреча с женой. Это было невозможно, немислимо, потому что он любил свою жену, тосковал по ней. Весь год ждал встречи, и вот теперь вдруг... Возможно, он отвык от женского общества? В конце концов, длительная изоляция в космосе, а затем еще карантин не могли пройти бесследно.

«Ты просто устал, старина, чертовски устал, — сказал он себе. — Через несколько дней все образуется, придет в норму, а сейчас надо сделать все от тебя зависящее, чтобы Люси ничего не заметила. Только удастся ли? Актер я неважный...».

Ему удалось... Или Люси не подала вида? По ее глазам он никогда не мог угадать, что она о нем думает. Как бы там ни было, они очень мило провели часа два в автоматическом кафе на привокзальной площади. Кажется, Люси была искренне огорчена тем, что они не могут немедленно улететь в свой коттедж в Карпатах. Пару дней придется пожить в столице. У него дела. Очень срочные, неотложные дела.

Дела действительно были. Ему не пришлось ничего выдумывать. После того как Ротанов отказал ему в поддержке, он решил самостоятельно добиваться повторной экспедиции к Черной. Кроме того, необходимо закончить формальности с отчетом.

Важно было выдержать эти первые, самые трудные дни. Он знал, как легко ранима Люси и как тонко она чувствует все оттенки его настроений.

Следующий сюрприз ожидал его в штабе, когда выяснилось, что они, так же как и Ротанов, не собираются поддерживать его идею с повторной экспедицией. Этого скорей всего и следовало ожидать. В штабе существовало простое правило: стоящая идея, в конце концов, пробьет себе путь через рогатки, и они на них не скупились.

Так что ничего нового для себя в штабе разведки он не обнаружил. Сюрприз заключался в его реакции. Совершенно равнодушно выслушав причину отказа, он пожал плечами и вышел. И сразу же решил, что пойдет к Гафурову, поскольку Гафуров входит в Совет. Гафуров его не любит и знает, что он тоже его не любит, и, следовательно, если теперь явиться к Гафурову с просьбой, то этим самым он весьма польстит его болезненно-

му самолюбию, и единственно по этой причине Гафуров его поддержит.

Именно так все и произошло: Олег рассчитал совершенно правильно. Из всех путей выбрал кратчайший.

Но была здесь одна заковыка, которую он, как ни странно, понимал. Раньше он так никогда бы не поступил. Эмоции, сложные человеческие взаимоотношения, самолюбие, наконец, оказывались для него важнее результата. Теперь почему-то это изменилось.

Его мозг работал с предельной четкостью, отмечая и анализируя мельчайшие оттенки поведения и не вызывая в глубине его души даже следов волнений.

Собственно говоря, он действовал наиболее рациональным способом — только и всего.

«Итель» прибыл точно по расписанию. Врачи не ошиблись в своих прогнозах. Через неделю после прибытия Элсон почувствовал себя вполне здоровым, и уже через десять дней ему разрешили приступить к работе. Почти месяц понадобился Ротанову, чтобы войти в курс всех новостей, утрясти многочисленные дела. Устроить Элсона в институт проблемных исследований, добиться для него специальной лаборатории и закрытой темы.

Только после этого Ротанов смог, наконец, заняться организацией экспедиции к Черной планете. Сразу же обнаружились два странных обстоятельства. Во-первых, всю подготовительную работу кто-то уже проделал. Решение провели через Совет и утвердили. Входил в Совет с этим предложением сам Крымов при поддержке Гафурова. Значит, Олег развязался со своим карантинным и, не теряя ни одного дня, бросился в атаку. Это на него похоже. Удивляло другое — сроки, за которые он сумел утвердить проект новой экспедиции.

Было и второе, гораздо более странное обстоятельство. Добившись ошеломляющего успеха в Совете, Кры-

мов куда-то таинственно исчез. Пустил все дело на самотек, и оно медленно, со скрипом, отодвигалось на самые задворки, поскольку было связано со строительством совершенно нового корабля, большими ассигнованиями и немалыми хлопотами. Ротанов прибыл как раз вовремя, чтобы не дать окончательно угробить проект. Дважды он пытался дозвониться Олегу, разыскивал его по всем инфорам и каждый раз попадал в какую-то неопределенность, в некую тягучесть ответов: «Недавно был, только что уехал... отдыхает, связи нет». Ротанов совсем уж собрался взяться за это дело всерьез, найти Крымова и впрячь его в работу. Но тут выяснилось, что надо срочно добивать на Координационном Совете монтажное управление, завалившее все сроки создания «Каравеллы», как Олег назвал новый, пока еще существующий лишь в чертежах, корабль.

Заседание Координационного комитета, являвшегося одним из главных подразделений Совета Земли, началось в двенадцать часов. Ослепительное южное солнце било в открытые окна, зайчиками прыгало со стекол на трибуну выступавшего оратора, мешало Ротанову сосредоточиться.

Опасность, неслышно и незаметно подкрадываясь к границам земной Федерации, казалась в такой день далекой, почти несуществующей, а проблемы, обсуждавшиеся здесь, вдали от центра событий, выглядели слишком легковесно. Тон выступления, чересчур теоретический, отвлеченный от происходящего, вносил свою лепту в общую благодушную атмосферу заседания.

— Мы потеряли одну колонию на Дзете. Происшедшая там катастрофа скорее всего следствие какого-то катаклизма, заложенного в коре самой планеты. Это явление еще только исследуется. У нас нет оснований связывать совершенно разные случаи нападения на корабль Крымова и Дзету...

— Тогда что вы скажете о разрушительном центре на базе Регоса?

— Центре каком? — не понял оратор.

Ротанов вскочил.

— Вам неизвестна вся информация? Тогда почему вы беретесь обобщать и делать выводы? Потрудитесь хотя бы изучить все факты!

— Не так резко, пожалуйста, — поморщился председатель. — Положение действительно серьезно и требует соответствующих мер, хотя я не вижу причин для паники.

— А они есть. Слишком быстро прогрессируют отрицательные явления. Слишком быстро друг за другом последовали: база, корабль Крымова и вот теперь Дзета. У нас есть и первая жертва. Гибель человека от неизвестного фактора, пришедшего из космоса.

— Это не доказано! — крикнул кто-то из зала.

— Так считают специалисты на Дзете, а им на месте видней.

Когда шум несколько стих, слово взял заведующий отделом монтажа космофлота Серовин.

— Я хотел бы объяснить, почему сорваны сроки строительства «Каравеллы».

В зале сразу же установилась тишина, поскольку срыв сроков строительства и послужил формальной причиной внеочередного заседания Координационного комитета.

Ротанов прекрасно понимал, что на самом деле на этом заседании собирались окончательно отделаться от проекта Крымова или, по крайней мере, отодвинуть его на неопределенный срок.

— Прежде всего, — продолжал Серовин, — причина в нечеткости, расплывчатости самого проектного задания. — Серовин откашлялся, развернул папку и водрузил на нос старинные очки в блестящей металлической оправе. — Здесь сказано: «Оснастить корабль всеми но-

вейшими видами оружия и обеспечить максимально возможную защищенность». Последнее понятно. А как прикажете понимать первое требование? Мы строим корабль, а не крепость, поэтому мы не можем оснастить его «всеми новейшими видами оружия». Одни только генераторы антиматерии, установленные на некоторых спутниках, весят больше ста тонн каждый. В принципе их можно было бы установить и на корабле в ущерб другим видам вооружения. Все дело в том, что заказчики сами не знают, какому виду оружия следует отдать предпочтение. И это понятно, одно следует из другого. Пока не будет создано хотя бы приблизительной теории, объясняющей сущность темных космических пятен — «черных кораблей», как их называют в некоторых отчетах, мы не можем гарантировать ни эффективной защиты, ни тем более эффективного оружия.

Сидящий рядом Элсон встрепенулся, но Ротанов слегка удержал его за локоть.

— Не спешите, дайте ему высказаться до конца,

— Заказчикам следовало бы исходить из реальных возможностей, конкретизировать свои требования и откорректировать проектное задание. На это, конечно, требуется время.

— Проектное задание создавалось на ходу в такой же спешке, как и закладка нового корабля. Конечно, оно некорректно, — неожиданно согласился с оратором Ротанов. — Но сегодня мы можем обрадовать не только строителей, но и наших многоуважаемых теоретиков. Рядом со мной сидит молодой ученый Элсон, имевший возможность изучить явление «черных пятен» на месте. Он был непосредственным участником ликвидации диверсии на базе и теперь закончил теоретическое обоснование этого явления. Его работы в ближайшие дни будут опубликованы, и все желающие смогут с ними ознакомиться. Сегодня же Элсон мог бы изложить вам суть своих исследований.

Теперь все взоры присутствующих обратились на Эл-

сона. Смущенный таким всеобщим вниманием, он встал и неуклюже двинулся к столу президиума. «Только не увлекайся, — вслед ему тихо бросил Ротанов. — Не дай втянуть себя в теоретическую дискуссию — изложи самую суть».

Выйдя на трибуну, Элсон начал чуть торопливо, но почти сразу взял себя в руки и заговорил с расстановкой, умело подчеркивая интонацией наиболее важные места.

— Научной группе, созданной на Регосе, а также в последующих теоретических исследованиях «черных пятен», удалось установить их структуру, или, вернее, полное отсутствие таковой. В зале присутствует много неспециалистов, поэтому я позволю себе опустить математическое обоснование, подтверждающее мои выводы. С достаточной степенью вероятности нам удалось доказать, что «черные пятна» представляют собой сгустки антипространства. — Легкий шумок пронесся по залу. — Я прошу прощения за этот малоизвестный термин, до сих пор встречавшийся только в фундаментальном исследовании по физике пространства академика Грэгори. Он первым предположил и теоретически обосновал принципиальную возможность существования антипространства. Из его работ следует, что если обычное пространство структурно и в принципе вещественно, так как способно в определенных условиях превращаться в материальные частицы, то необходимо предположить возможность существования его антипода. Такого пространства, которое ни при каких условиях не может быть структурно и всегда стремится поглотить любую с ним соприкоснувшуюся материальную структуру. Любую частицу или квант энергии. Разрушая материю нашего мира, такое пространство за счет поглощенной энергии способно увеличивать свой собственный геометрический объем. Грэгори считал, что существование антипространства, окружающего нашу Вселенную, объясняет такое явление, как энтропия.

Еще раз прошу прощения за приведенные здесь хорошо известные специалистам сведения.

Наша группа установила существование зон антипространства в реальной Вселенной. Небольшие объемы, или зоны антипространства, и есть те самые тела, которые здесь называли «черными кораблями» или «черными пятнами». Они действительно черные — в том смысле, что жадно поглощают любую энергию, любые излучения и любые оказавшиеся поблизости материальные частицы. Поверхность этих зон по отношению к нашему обычному пространству представляет собой абсолютно черное тело и не отражает ни радио-, ни каких-либо иных излучений.

— Это означает, что любое энергетическое или материальное воздействие со стороны обычного пространства ведет лишь к расширению зон антипространства. Я правильно вас понял? Иными словами, никакое воздействие с нашей стороны на зоны антипространства невозможно?

— Да, это так, но здесь есть одно исключение: если зоны антипространства невелики по объему, относительно невелики, и в них удастся сконцентрировать мгновенные импульсы энергий достаточной мощности, то может произойти вырождение этих зон, их замыкание и исчезновение из-за неспособности поглотить всю излученную в них энергию. Только благодаря этой особенности антипространства нам и удалось подавить очаг на базе. По этой же причине взрыв мощного заряда на Дзете также привел к ликвидации одиночного очага.

— Почему же тогда полностью не подавили процесс на Дзете?

— Очевидно, там зоны поражения были гораздо больше, и, кроме того, обработка высокими энергиями началась слишком поздно, когда они значительно разрослись за счет разрушения структуры вещества самой планеты. Как я уже говорил, любой контакт с веществом нашей Вселенной приводил к разрастанию зон антипространства.

— Таким образом, от нас требуют оснастить корабль оружием против неких стихийных сил природы, бороться с которыми, видимо, бессмысленно. Позвольте спросить, какова тогда вообще цель предполагаемой экспедиции к Черной планете? Дополнительно изучить воздействие антипространства еще на одном земном корабле? Не слишком ли дорогая цена?

Теперь уже самому Ротанову пришлось попросить слова. Он прошел на трибуну и начал в обычной своей, слегка неторопливой и угрюмой манере.

— Мы не собираемся на Черной воевать с антипространством, вовсе нет. Но нам совершенно необходимо установить, что собой представляет источник, выбрасывающий эти сгустки в нашу Галактику. Он может иметь вовсе не стихийное происхождение. — Ротанов переждал гул голосов и поднял руку, требуя тишины.

— Поймите меня правильно, я не утверждаю его искусственное происхождение. Для этого нет достаточных данных. Я лишь не исключаю такой возможности. Не исключаю, что сгустки антипространства используются кем-то в качестве весьма эффективного оружия против наших баз и кораблей. Задачей экспедиции будет выяснение источника нападения. А также выработка средств и методов борьбы с этим, скажем прямо, захватившим нас врасплох новым оружием. Именно поэтому мы требуем оснастить «Каравеллу» всеми мыслимыми сегодня средствами как наступательного, так и оборонительного оружия. Я всегда старался найти мирные пути разрешения любых проблем, возникавших в процессе нашей космической деятельности. Но не исключаю возникновения обстоятельств, когда нам придется продемонстрировать всю мощь и силу земной техники.

Схватка вышла довольно жаркой, но противники проекта не ожидали квалифицированного и сильного противодействия. Они не готовились к серьезной борьбе и проиграли по всем пунктам.

Комитет назначил Ротанова временным руководителем монтажно-строительного управления, занимавшегося закладкой нового корабля.

Только поздно вечером, когда отшумели последние споры, когда было выработано и принято окончательное решение, когда его наконец утвердили и председатель объявил о закрытии этого затянувшегося заседания, Ротанов вдвоем с Элсоном вышли из здания Совета.

И именно здесь, на мраморных ступенях массивного здания Совета, с наслаждением подставляя прохладному ветру разгоряченное лицо, Ротанов подумал о том, что отсутствие Олега на заседании не просто странно...

Конечно, можно было по-человечески понять и объяснить его временное отсутствие — в конце концов, он полтора года не видел жену и имел полное право использовать по собственному усмотрению заслуженный отпуск. Но Ротанов слишком хорошо знал Олега, чтобы не встревожиться.

Если в первые дни он не придавал слишком серьезного значения самоустранению Олега, то сегодня настоящий виновник их победы и торжества просто обязан был быть рядом.

Они уже спустились со ступеней и смешались с толпой нарядно одетых людей, когда Ротанов, резко остановившись, не обращая внимания на спешащих и толкавших их прохожих, повернулся к Элсону и спросил:

— Вы много раз говорили, что чем сложнее система, тем она больше подвержена разрушающему воздействию энтропии. Это в одинаковой степени относится и к биологическим системам?

— Я не биолог. Но если исходить из общих принципов, это несомненно так, хотя биологические системы способны активно сопротивляться и даже изменять направление процесса в обратную сторону.

— И тем не менее, если вы правы, может быть опасен не только прямой контакт с зонами антипростран-

ства, но и длительное нахождение людей поблизости от них... Дальше вам придется идти без меня, извините.

Повернувшись, он направился к залу Совета. К информору, для которого не было «занятых» или «закрытых» номеров.

Они вошли в кафе с загадочной надписью «У нас без Р». Надпись то вспыхивала над входом ослепительным синим огнем, то гасла.

— Ты не знаешь, что это значит? — спросил Ротанов.

Олег пожал плечами.

— Я не был на Земле почти столько же, сколько и ты. Может быть, «без риска».

— Или «без радости», — пошутил Ротанов.

В кафе было довольно многолюдно, но им повезло. Почти у самого окна нашелся свободный столик. Здесь не было ни автоматов, ни официантов. Они ждали довольно долго, и как-то сам собой, без подготовок начался разговор, ради которого они сюда пришли.

— Почему тебя не было на защите проекта экспедиции?

— Сам не знаю... То есть знаю, конечно, надоело.

— Что именно?

— Да все. Совет, сама экспедиция...

— Ты раздумал лететь?

— Нет, отчего же... В принципе мне все равно, лететь или нет.

— Тебе не кажется это странным?

— Самое странное, что нет, не кажется. Меня это не пугает. Не задает, не настораживает. Хотя я понимаю, что это выглядит не совсем нормально. За последнее время у меня голова начала работать как хорошая кибернетическая машина, так что я все отлично понимаю и знаю все, что ты обо мне думаешь.

— В твою кибернетическую голову не приходила простая мысль обратиться к врачу?

— У меня карточка ноль один ноль.

— Я это знаю. И тем не менее?

— Приходила, конечно. В общем-то мне это неинтересно. Но во всем должна быть полная ясность. Я был у Престова.

— Престов... Да, пожалуй, сегодня это лучший специалист по космопсихологии. И что же?

— Снижен эмоциональный тонус. Так он сказал. Со временем пройдет. Следствие долгой работы в космосе. Возьмите отпуск.

— Может, он и прав... Если только это не следствие слишком близкого контакта с Черной.

— Лучшие специалисты не нашли во мне ни малейших отклонений от нормы. Я здоров. Абсолютно здоров.

Он рисовал вилкой на скатерти какие-то замысловатые узоры и избегал смотреть Ротанову в глаза.

Наконец, к ним подошел парень, по одежде мало похожий на официанта.

— Извините, у нас нет роботов. И официантов тоже. Вам самим придется обслужить себя. Вот в том окошечке можете заказать ужин.

— Ну и кафе... Прямо в стиле двадцатого века.

В конце концов им удалось получить незатейливый поднос с набором тонизирующих напитков и легких закусок.

— Несмотря на твое странное равнодушие, ставлю тебя в известность, что проект утвержден. Закладка «Каравеллы» состоялась. И сейчас под эгидой только что созданного специального управления монтаж пойдет полным ходом. Кроме того, мне поручено сформировать специальную группу для исследования Черной. Как руководитель этой группы официально предлагаю тебе войти в ее состав.

— На каких условиях, в какой должности? Насколько я понимаю, место капитана уже занято.

Ротанов несколько растерялся от этих вопросов, но тут же взял себя в руки и проговорил спокойно, отчеканивая каждое слово:

— Если ты имеешь в виду место капитана «Каравеллы», то оно как раз свободно. Но я его тебе не предлагаю хотя бы потому, что, пока ты находишься в этом непонятном для меня состоянии, предложить его тебе я не имею права. А кроме того, у меня с самого начала была идея создать специальную группу для исследования Черной. Как ты понимаешь, капитан корабля входить в нее не может.

— Как будут распределяться обязанности внутри группы?

— Кроме командира и механика, других стабильных должностей у нас, к сожалению, нет. Ты уж извини, заниматься будем каждый чем придется, смотря по обстоятельствам.

Олег поморщился.

— Не люблю неопределенных положений... Но если ты настаиваешь, небольшой перерыв в моих семейных делах, я думаю, пойдет на пользу.

— Иными словами, ты согласен?

— Иными словами — да. — Впервые за этот вечер Олег посмотрел ему прямо в глаза.

На следующий же день Ротанов попросил Элсона организовать их совместную встречу с Престовым и проинформировать ученого о своих предположениях по поводу возможного воздействия энтропии на человеческий организм.

После долгой научной дискуссии, провожая гостей, уже у самого порога Престов задержал Ротанова.

— Хотя опасения Элсона имеют под собой некоторые основания, я вам вот что скажу: человек — постройка надежная, с большими резервами прочности. И самое главное — любая живая система наделена природной

способностью не только сопротивляться энтропии, но и побеждать ее, вырабатывая и увеличивая внутри себя запасы энергии. Так что вы не беспокойтесь насчет Крымова. Со временем его психика стабилизируется. Все вернется в норму независимо от причин, вызвавших эти нарушения.

— Хотелось бы знать, как много времени для этого потребуется.

— Здесь трудно сказать что-нибудь определенное. Это слишком индивидуально, но я думаю, месяц-два. Не больше.

— Ну что же... Этот срок у него будет.

7

Капитан Торсон усердно трудился в маленьком огорожке, где астры росли вперемежку с капустой, а рыжие хлопущки «пьяных» огурцов причудливо обвивали ограду. Посреди клумбы зрел огромный пестрый арбуз.

Из распахнутых окон коттеджа время от времени доносились звуки электроллы, и тогда Торсон, продолжая возиться над грядкой, представляя сосредоточенное лицо жены, склонившейся над инструментом, улыбался. Капитан Торсон был занят нанесением пыльцы на стерилизованный цветок лилии: он выводил новый сорт.

Не так давно Торсон сделал удивительное открытие: почти любое дело, занимающее одновременно руки и голову, в конце концов увлекает человека. Можно часами копать в сломанном видеовизоре или выводить новый сорт цветка — неважно, что именно ты делаешь...

Его руки, покрытые шрамами и ожогами, совсем недавно сжимали штурвал звездолета. А сам Торсон заслуженно носил неофициальный титул самого удачливого капитана Федерации. Но, очевидно, везение не может продолжаться бесконечно. В неведомых сферах после каждого счастливого возвращения из сложнейших экспедиций накапливалась некая сумма нереализованных отрицательных возможностей, счет рос, и в конце

концов с карьерой звездолетчика было покончено. Это произошло несколько странным и совершенно неожиданным для Торсона образом. Тем более неожиданным, что послужной список Торсона производил внушительное впечатление. Это он открыл двойной оверсайд, увеличивший дальность броска при сверхпространственном переезде. И хотя теоретики до сих пор не могли толком объяснить «оверсайд Торсона», он широко использовался на практике. Это Торсон вторым, вслед за Ротановым, прорвался к Гидре, когда оттуда началась эвакуация остатков переселенцев. И, наконец, это он представил Совету первый отчет о встрече с «черным кораблем», наделавший столько шуму два года назад и послуживший началом конца его блистательной карьеры в звездодфлоте.

Теперь Торсон выводил новый сорт лилий, он делал это столь же обстоятельно и неторопливо, как привык делать все.

Капитан так увлекся собиранием пыльцы, что не услышал шума подъехавшего электробиля.

Некоторое время Ротанов стоял молча, разглядывая широкие плечи и морщинистую, продубленную шею капитана Торсона. Звуки музыки неожиданно смолкли, и в окне коттеджа показалось слегка встревоженное лицо женщины средних лет.

Женщины всегда первыми чувствуют прибытие вестников тревог и перемен:

— Витос! К тебе пришли...

Только теперь Торсон обернулся, выронил свои инструменты и шагнул к Ротанову.

Они обнялись, как это принято между звездолетчиками, когда встретишь друга в дальнем космосе.

Не так уж часто в дом Торсонов заглядывали друзья, может, виноват в том был нелюдимый характер Торсона или расположение их дома, удаленного от обычных пассажирских трасс. Как бы там ни было, визит Ротанова переполошил этот тихий дом.

Торсон усадил гостя на почетное место, налил ему чаю из серебряного самовара и пододвинул поближе блюдо с домашним печеньем.

Ротанов, поддавшись обаянию невинной игры в старину, пил чай из блюдца и слегка усмехался. Он все еще не мог решить, с чего начать разговор, и не знал, стоит ли его начинать в присутствии хозяйки дома, а потому не спешил.

Торсон стал говорить о сравнительных достоинствах клубничного и рябинового варенья, где-то за окном однообразно жужжали пчелы, пахло медом. Иногда порывы ветра приносили из сада острый пряный запах цветов, и почему-то хотелось верить, что за окном восемнадцатый век, что звезды приколочены к небосводу серебряными гвоздиками, а человеку некуда спешить...

К счастью, а может быть, к сожалению, все это было не так. Дважды Ротанов осторожно пытался намекнуть на деловой разговор, неинтересный женщинам, но все напрасно. Анастасия Торсон улыбалась ему обворожительной улыбкой, согласно кивала головой, но своего поста не покидала.

Наконец Торсон достал кисет и фантастическую трубку, изображавшую голову дракона.

— Неужели здесь у тебя настоящий табак? — почти с ужасом спросил Ротанов.

— Настоящий, мой друг, настоящий, давно запрещенный ассоциацией медиков. Я ведь люблю нарушать законы, ты знаешь. Выращивать, правда, приходится самому, под видом салата. Так о чем ты собирался со мной поговорить?

Ротанов досадливо крикнул и вновь посмотрел на Настасью. Торсон усмехнулся:

— После моей отставки я дал ей слово, что все дела, связанные с моей работой, решаются отныне только с ее участием. Она у меня психолог, талантливый психолог, да ты знаешь, встречался, наверно, с ее статьями в «Вестнике психологии».

— Ну что же... — вздохнул Ротанов, — в конце концов, у меня нет особых секретов. Я всего лишь хотел предложить вашему мужу место капитана на «Каравелле». Подготовка и руководство экспедицией поручены мне. Что касается формальностей, связанных с вашей отставкой, можете о них не беспокоиться. Совет утвердил для нас режим группы А.

— Какую-то секунду Ротанову казалось, что Торсон не понял или понял не все, не до конца. Поза его не изменилась. Не дрогнул ни один мускул на лице, лишь дым, ядовитый и ароматный одновременно, продолжал клубами подниматься над его рано полысевшей головой. Но что-то за столом неуловимо изменилось. Все так же жужжали пчелы за окном, все так же одуряюще прямо пахли лилии, только руки Анастасии Торсон, державшие у самовара чашку, вдруг задрожали, и кипяток брызнул на скатерть.

Медленно она опустила чашку, закрыла кран самовара и вышла из комнаты, не произнеся ни слова. А Торсон все молчал, и Ротанов не торопил его. Слишком хорошо он понимал, что должно сейчас твориться в душе старого капитана, раз и навсегда простившегося с работой, которой посвятил всю жизнь. Слишком хорошо знал, что аромат чужих планет и запах пластика корабельной рубки въедаются в память крепче всех других ароматов...

Торсон вынул изо рта трубку, долго уминал табак и раскуривал ее заново. Ротанов подумал, что этот древний обычай придуман специально, чтобы дать человеку время подумать, не выдать лишних эмоций, помолчать, прежде чем ответить нечто важное.

И они молчали. Пахло медом, корицей, и тишина стояла такая, что слышно было, как стрекочут кузнечики за рекой в дальней роще.

— Послушайте, Игорь, зачем, собственно, я вам понадобился? Ведь вы зачислили в состав экспедиции

Крымова, да и сами, насколько мне известно, навигатор первого класса...

И Ротанов понял, что новости в этот удаленный от столицы коттедж поступают с поразительной скоростью. И еще он подумал о том, как спокойно и точно задал Торсон вопрос о самом главном. Нет, он не ошибся в выборе капитана, что бы там ни говорили в Совете.

— Вы правы. И я и Крымов — навигаторы первого класса. Но на корабле не может быть двух капитанов, поэтому наша специальная группа не войдет в состав команды корабля. Ее задачи... — Ротанов пожал плечами, — сегодня я даже затрудняюсь их сформулировать. Они определятся на месте, исходя из обстоятельств. Одно могу гарантировать. Ни в ваши действия, ни в действия команды я и мои люди вмешиваться не будут. При любых обстоятельствах мы останемся лишь пассажирами.

— Не думаю, чтоб это было так, но хорошо хоть то, что вы это обещаете. Каковы подлинные задачи экспедиции? Об этом много говорят, слухи весьма противоречивы, и, судя уже только по этому, задача экспедиции засекречена, зачем?

— Вы задали сразу два вопроса. Отвечу сначала на второй. Задачу экспедиции решено засекретить до получения результатов именно потому, что сегодня они весьма проблематичны.

— То есть?

— То есть мы не совсем уверены в благополучном исходе. И чтобы избежать плебисцита, который, с большой долей вероятности, запретит нашу экспедицию вообще, Совет решил принять на себя ответственность за выдачу нам открытой карты и режима группы А. По закону он имеет на это право в исключительных обстоятельствах.

— А что, положение настолько серьезно?

— Более чем.

— Выходит, я тоже не имею права знать истинную

задачу экспедиции? В таком случае я сразу же отказываюсь от вашего предложения.

— Не горячитесь, Торсон. И не забывайте, что вы еще не дали мне официального согласия. Только после этого я смогу полностью ввести вас в курс дела. А пока могу лишь сказать, что речь идет о «черных кораблях». Если не ошибаюсь, это вы впервые назвали их так?

— Так вот оно что... Вот почему вы обратились именно ко мне...

Ротанов согласно кивнул.

Торсон встал, вытянулся, лицо его посуровело, и Ротанов, незнакомый со старыми традициями космофлота, тоже невольно поднялся, ожидая чего-нибудь торжественного и немного нелепого. Но Торсон ничего не сказал. Лишь пожал ему руку и отвернулся к окну. Прищурившись, он долго смотрел на половодье красок, затопившее сад и луг.

— Да. Вы правы. Мне довелось первым встретиться с «черным кораблем».

И без всякого перехода, так же обстоятельно и медленно, как делал все, Торсон начал рассказ о происшествии с «Ресії», о том самом казусном случае, о котором до возвращения Крымова в космофлоте ходило столько противоречивых легенд и слухов.

...Волокнистое «веретено» появилось на оптических экранах неожиданно и в опасной близости от корабля. Вначале Торсон решил попросту замедлить ход «Реи», чтобы дать возможность неизвестному объекту пересечь трассу корабля. Пока штурман и дежурный навигатор спорили о том, астероид это или ядро газовой кометы, корабль тряхнуло в первый раз и стало резко заворачивать в сторону неизвестного тела.

— Ничего не понимаю... — пробормотал штурман, — впечатление такое, словно мы попали в мощное гравитационное поле...

Напрасно бешено вращавшиеся антенны слали во все стороны лучи радаров. Напрасно автоматы изучали

окружающее пространство во всех видимых и невидимых лучах спектра — космос был чист и пуст.

Только это странное «веретено» продолжало слабо фосфоресцировать на оптических экранах, и именно вокруг него неведомая сила заворачивала орбиту корабля, постепенно превращая ее в параболу.

— Зря снизили скорость! — сказал штурман.

Торсон отрицательно покачал головой.

— На прежней скорости амортизаторы не выдержали бы перегрузок. Посмотрите на индикатор поля.

Неизвестное тело объемом чуть больше десятка кубических метров обладало чудовищным гравитационным полем.

— Этого не может быть!

— Может, может, — проворчал Торсон. — Здесь все может быть. Из этого района не вернулось уже три корабля. — И он плавно передвинул рычаги главных двигателей, наращивая мощность и одновременно отворачивая корабль. В это же время навстречу незнакомцу был выпущен ракетный разведчик. Маленькая ракетка, двигатели которой не обладали необходимой мощностью, чтобы противостоять полю тяготения, стремительно развернулась и понеслась навстречу «веретену».

Ее передающие камеры работали до самого последнего мгновения. С расстояния сто метров «веретено» казалось чем-то вроде облака. У него не было четкой формы. Оно выглядело размытым, сглаженным. Возможно, какое-то защитное поле закрывало объект, но Торсон заметил, что сквозь «веретено» просвечивают звезды. В следующую секунду разведчик столкнулся с объектом. Не было ни вспышки, ни пламени — ничего.

Разведчик словно нырнул в темную воду и скрылся в ней навсегда. Поглотив разведчика, таинственный предмет изменил направление движения и пошел на сближение с земным кораблем.

«Рея» пробовала посылать ему сигналы и, разумеется, не получила никакого ответа.

Когда до неизвестного тела осталось не больше двух километров, Торсон приказал открыть огонь...

— Мне вовсе не хотелось, чтобы «Рея» повторила судьбу разведчика. И знаете, что поразило меня больше всего?

— Знаю. Не было взрыва.

Торсон вынул трубку, повернулся, и Ротанов впервые за время беседы увидел в его глазах нескрываемое удивление.

— Откуда вам это известно?

— Теперь вы уже не единственный, кому встретился «черный корабль».

— Вот оно что... Да, мы не поскупились на заряд, учли его гравитационное поле. Лазерные пушки не произвели на него впечатления. Тогда я дал серию залпов из синтезаторов — и снова ничего...

Даже антипротоны исчезали бесследно в этом дьявольском «веретене». Оно заглотнуло прорву энергии, почти все, что у нас было в накопителях, оставаясь при этом абсолютно черным. Но с какого-то момента вдруг стремительно начало уменьшаться в размерах. Через несколько секунд «веретено» стало похоже на проколотый футбольный мяч, а еще через мгновение исчезло вовсе.

Энергии практически не осталось. Нам пришлось вызывать спасателей. Они прочесали все окрестности и ничего не нашли — даже остаточной радиации!

«Энергия не могла раствориться бесследно — так не бывает», — сказали мне. И это явилось одной из причин, почему я подал рапорт.

— Я знаю...

— В штабе почему-то решили, что мы заходили на Рогонду, садились там вопреки полетному листу и решили это скрыть... Как будто это возможно!

Торсон замолчал. Он опять стоял спиной к Ротанову, облокотившись о подоконник, словно что-то высматривал в своем саду.

— Почему они нам не поверили?

— Это был первый случай. Слишком неожиданный, слишком невероятный для тех, кто воспринимает Вселенную из окон своего кабинета. Скажите лучше, почему почти ничего из того, что вы мне сейчас рассказали, не попало в отчеты экспедиции?

— А для чего? Чтобы увеличивать количество анекдотов, ходивших о рейсе «Реи»? У нас не было даже пленок. Вернее, они были, но на них не оказалось ничего. Только чистый космос. Никаких фактов, кроме полного отсутствия энергии да наших собственных впечатлений.

Я пытался все рассказать в штабе — мне тактично намекнули, что отчет экспедиции — не фантастическая повесть...

— Понятно... Крымов оказался счастливее — ему удалось открыть планету, с которой стартуют «черные корабли». Если, конечно, его объекты и ваше «веретено» одно и то же... Возможно, они прогрессируют или меняют тактику. Никто не знает, что они собой представляют. Хотя о природе черного вещества, о так называемом «антипространстве», написаны уже целые труды.

Мы слишком заняты собственными делами и по земной привычке воспринимаем космос как нечто созданное специально для нас... Но это не так. В глубине души мы склонны переоценивать свои силы. Но были рэниты, были и исчезли бесследно. И это странно, потому что они бросили вызов самому времени, научились изменять его течение.

— Есть новые данные о рэнитской цивилизации?

— Археологические находки, — Ротанов усмехнулся. — Я разговаривал с рэнитами так, как сейчас говорю с вами, и тоже не сумел написать об этом ни одной строчки — рука не поднялась. Никто бы мне не поверил, так что я вас прекрасно понимаю.

— Неужели никто больше не пытался проникнуть в их тайну?

— Отчего же, на Реане работает целый институт, им руководит человек, первым побывавший у рэнитов. Я не видел его уже несколько лет. В отчетах о его исследованиях нет ничего существенного.

Но мы с вами знаем, как порой неполны бывают такие отчеты. Мне придется у него побывать. Этот человек мне нужен, и кроме того, история с рэнитами за последнее время не дает мне покоя... «Черные корабли» и эта бесследно исчезнувшая могучая цивилизация... Нет ли здесь связи?

Ну вот, теперь вы знаете почти все, что знаю я, и понимаете, зачем нам нужна Черная планета, выплывающая в наш космос свои смертоносные подарки.

Они надолго замолчали. Ротанов подошел к окну, встал рядом с Торсоном и долго, прищурившись, смотрел на цветущий сад, словно старался получше запомнить его яркие, сочные краски.

— Анастасии нелегко будет смириться с тем, что я снова уеду.

— У вас будет время ее подготовить.

8

А на Реане шли затяжные дожди. И зеленое море трескучек захлестнуло желтые пески пустыни. Еще здесь появились туманы, а иногда ранними холодными утрами выпадали росы. И, как тысячи лет назад, вставало раскаленное красноватое светило. Теперь его тепло жадно впитывали в себя зеленые стволы и листья.

На холме, рядом с развалинами рэнитского замка, гордо взметнулись вверх белые корпуса Института времени. Оранжереи, парники, лаборатории, постепенно разрастаясь, бесчисленными пристройками заполнили двор.

В основном здесь работала молодежь, и мало кто

помнил, какой была Реана в годы первых экспедиций.

В этот день директору Института времени Дуброву почему-то вспомнилась майская ночь в долине шаров... Последние годы ему все чаще вспоминалось время, когда он был моложе и счастливее, когда верил в удачу, в успех, когда с помощью другого человека удача наконец пришла к нему и вместе они сумели превратить рыхлую безжизненную землю Реаны в зеленый сад.

Это было время больших надежд. Казалось, еще год-два, и трескучки раскроют людям свою тайную власть над временем... Но так только казалось. Годы шли, множились научные публикации, очень обстоятельные, добросовестно выполненные работы по трескучкам. Увеличивалось количество лабораторий и число комфортабельных коттеджей для заезжих гостей. Не было лишь одного — результата. Того, ради чего был здесь построен Институт времени.

Дубров часто вспоминал инспектора, изменившего судьбу всей Реаны и его собственную, Дуброва, судьбу.

Ротанову удалось пройти сквозь временной барьер последним. Маточное семя, принесенное им из будущего и преобразившее растительный мир планеты, наглухо закрыло дверь сквозь время...

Будь этот человек с ними, возможно, годы, потраченные на создание Института времени, прошли бы более плодотворно. Но Ротанов завоевывал Гидру, строил базу на Регосе. Основывал новые колонии землян и не слишком часто вспоминал старых друзей. А может, виной тому была почта, несущая письма четыре месяца только в один конец.

Дубров прошелся по комнате, распахнул окно. С тех пор как трескучки расселились по всей планете, запах их белых погремушек уменьшился настолько, что можно было без фильтров стоять у окна. Знакомый, сладковатый, чуть приторный аромат сразу же ворвался в комнату и вновь, как всегда, пробудил старые воспоминания, разбредил старые раны...

Высоко в небе Реаны прочертила свой след еще одна падучая звезда, и Дубров не знал, что она похожа на ту первую, круто изменившую его жизнь.

Звезда летела медленно, роняя колющие искры, постепенно превращаясь в ракетный шлюп, начинавший спуск к посадочной площадке института.

— Совсем ничего?

Дубров отрицательно покачал головой.

— Совсем. — Он нервно поправил галстук, встал и сразу же вновь уселся за массивный стол ректора. Ротанов проводил его внимательным, чуть прищуренным взглядом.

— Этого не может быть, Сергей. Я читал ваши отчеты.

— Отчеты! — Дубров вновь вскочил и почти пробежал по кабинету, едва не опрокинув стул. — Отчеты! Когда есть настоящий успех — не надо читать отчетов. А когда его нет — остаются отчеты, они для того и существуют. Признаться, после их прочтения мне приходится повторять совершенно очевидную истину: «За все эти годы мы ни разу, ни на секунду не смогли изменить естественного течения времени. И никогда не изменим. Никогда».

— Да подожди ты, не горячись. У вас же есть масло трескучек!

— Ах, масло! Масло это — наркотик, не более. Об этом мы тоже писали в отчетах.

— Ты хочешь меня уверить, что за все эти годы никто так и не попробовал масла, не нашлось ни одного сумасшедшего, ни одного смелого парня, который бы, несмотря на запрет, повторил наш эксперимент?

— Да были, конечно, были. — Дубров безнадежно махнул рукой и тяжело вздохнул. — Я и сам, если честно, пробовал, и даже не один раз. Только с тех пор, как мы с тобой вырастили маточное растение, масло

трескучек действительно превратилось в наркотик и сразу же вся наша деятельность здесь стала походить на какой-то пестрый балаган...

— А сами трескучки?

Дубров подошел к полке, сорвал с нее несколько толстых папок. Поток пластиковых микрописных текстов хлынул на стол.

— Вот это все о трескучках. Восемьдесят докторских диссертаций. Никто не сможет даже прочесть этого. Не хватит специальной подготовки. Если бы мы открыли хоть что-нибудь стоящее, достаточно было бы одной страницы. Мы зашли в тупик и не хотим в этом признаться. Я искал тебя. Мне нужен человек, достаточно мужественный и авторитетный, чтобы поставить на Совете вопрос о закрытии нашего института!

— Пусть он себе работает. Иногда нужны долгие годы постепенного накопления фактов для маленького шага вперед. Это не для тебя. Институт здесь ни при чем. Тебе надо уходить отсюда.

— Мне? Куда? — Дубров явно растерялся. Очевидно, эта простая истина до сих пор даже не приходила ему в голову. — Кому я нужен? Что я умею, кроме этого? — Он постучал по микропластам. — Я посвятил исследованию трескучек всю свою жизнь.

— Ну не всю. Пока еще, слава богу, не всю. Ты уперся в одну-единственную проблему. Не спорю, это такая проблема, на которую может не хватить и десятка жизней. Которая, возможно, вообще не имеет положительного решения.

— Справились же с ней рэниты!

— Так то рэниты. Не нравится мне, что переход к ним теперь закрыт. Появились «черные корабли»... До вас эти сведения вряд ли дошли, пока это только предположение, но мне кажется, мы вновь столкнемся с проблемой рэнитской цивилизации. Неизвестно, где тебя ждет решение. Я прилетел пригласить тебя в свою экспедицию.

— И бросить институт? Если уж искать ключ к рэ-нитской проблеме, так только здесь, на Реане.

Ротанов знал, что уговорить Дуброва будет непросто. Поэтому он не стал торопить события. Решил осмотреться, нащупать слабые места в доводах Дуброва и попросил выделить ему коттедж для отдыха.

— Коттедж? Старых коттеджей здесь теперь нет, дорогой мой! — почти с гордостью сказал Дубров, хотя и чувствовалась в его гордости некая тщательно замаскированная горечь.

— А что есть?

— Шедевры современной архитектуры. Все до конца автоматизировано и механизировано, как в лучших столичных гостиницах!

— А те, в которых мы жили?

— Их давно снесли.

— Что делать. Придется спать в шедевре...

Заснуть ему не удалось. Огромная зеленоватая луна Реаны бредила старые воспоминания. Рождала тревожные мысли.

Кто-то закрыл временной переход на Реане или действительно изменились трескучки?

Днем, стараясь разобраться в этой задаче, Ротанов прошел по институту. Его поразило обилие всевозможной аппаратуры. Лабораторные растения, опутанные системой датчиков и проводами, казались пленниками, задыхающимися в неволе... Не здесь ли причина?

Он встал со своей пневмоавтоматизированной постели, погасил услужливо вспыхнувший ночник, которому все равно не под силу было соперничать со светом реанской луны, и стал собираться в дорогу. Самым трудным оказалось отыскать винтовой пресс. Не желая рисковать, он решил в точности повторить свой старый эксперимент с переходом. В конце концов в суставе робота-уборщика нашелся подходящий винт.

Реликтовой роши не тронули, и ему удалось даже в полутьме отыскать тропинку к нужному дереву...

И сразу же, как много лет назад, на него буквально обрушился ослепительный свет солнца. Во рту чувствовался горьковатый привкус масла трескучек. Ротанова окружал уже иной мир.

Переход удался. Он осмотрелся, узнал рощу с укороченными макушками, но все еще не мог прийти в себя, потому что в глубине души не верил в возможность нового перехода.

Все, что случилось с ним на этой планете много лет назад, сегодня казалось нереальным, смутным сном.

Вдруг рука его наткнулась на шуршащую ткань силоновой куртки. Что-то было неправильно, ведь неживая материя не могла проходить сквозь барьер... Им владели сомнения: может быть, он просто заснул, масло подействовало как снотворное.

Он вскочил и сразу увидел высокие зубчатые стены замка рэнитов, еще не обглоданные временем. Если бы переход не получился, он не мог бы видеть этих стен, и все же что-то было не так.

Куртка, мелкие вещи в кармане — но если сквозь барьер в принципе возможно переправлять материальные предметы, значит, рэнитам можно помочь выбраться из чудовищной ловушки, в которую они сами себя загнали.

И только теперь ожили тени старых воспоминаний. Перед ним встало строгое удлиненное лицо женщины с серебряной диадемой на голове. Лицо, которое он надеялся забыть, но оно жило все эти годы в уголках его памяти. Лицо гордой рэнитки, что отвергла и его помощь, и его участие в делах своего народа, и его самого...

С тех пор кое-что изменилось. Прошлый раз он был здесь в роли просителя, растерявшегося, подавленного, безоружного, согласившегося на предложенные ему условия, — сегодня это не так.

Он шел по дороге, вспоминая каждый ее поворот. Вот здесь показалась повозка, здесь он выскочил с са-

мострелом в руках навстречу дрому, и она назвала его Ролано...

Последний поворот тропинки — вот и ворота замка. Отсюда уже можно рассмотреть бойницы на башнях и массивное золотое солнце, сверкавшее над аркой. Распахнутые настежь ворота заставили его ускорить шаг. «Кажется, я опоздал, — подумал Ротанов, — кажется, я все-таки опоздал... Я предупреждал их, что рано или поздно дромы проникнут в замок!»

Во внутренних помещениях он не нашел следов разгрома или поспешного бегства. Похоже, дромы тут были ни при чем...

Ветер гулял в распахнутых окнах, заносил пылью мозаичный пол... Исчезло все — даже мебель, даже массивный деревянный стол из трапезной.

«Значит, они ушли. Сложили вещи, забрали их и ушли — но куда?»

Бросить старый замок, чтобы где-то в другом месте планеты строить вручную новую крепость? Нет, это бессмысленно. У них оставалась лишь одна возможность — уйти сквозь время. Скорей всего они нашли способ вернуться на свою родину, отделенную от них тысячелетиями и миллионами километров. Рэниты были могучим и гордым народом — они вполне могли справиться с такой задачей, и они ушли, оставив здесь только эти мертвые стены, словно замок был всего лишь скорлупой огромного яйца, выполнившего свое назначение. Он не мог примириться с тем, что рэниты ушли, не оставив следа.

Он обходил все снова и снова, надеясь найти хотя бы намек на трагедию, которая здесь произошла, но его не было. Стоя у амбразуры замка на верхней галерее, где когда-то Вельда поведала ему историю рэнитов, слушая доносившиеся снизу звуки чужого мира, он ощутил такое беспредельное одиночество и такую тоску, каких не испытывал еще ни разу. Все его надежды рухнули, и разочарование оказалось слишком сильным.

«Она могла бы оставить хоть знак, хоть намека на память обо мне».

Так и не совладав с разочарованием, Ротанов медленно пошел вниз. Смеркалось. Огромное багровое солнце наполовину опустилось за горизонт. Мир внизу, за стенами замка, жил своей полнокровной жизнью. Ему не было дела ни до пришельцев, построивших здесь эти чуждые ему каменные стены, уже тронутые разрушением. Ни до одинокого человеческого существа, запутавшегося в бездне времени, так и не сумевшего преодолеть ее теплотой своего чувства. Холод, мрак, молчание оказались сильнее...

Неужели так бывает всегда и повсюду? Неужели тьма с неизбежностью поглощает все живые огоньки — память, дружбу, любовь? Неужели энтропия прогрессирует даже в мире человеческих чувств? И нет ей преграды, предела?

Он не мог с этим согласиться и не находил другого ответа.

В глубине души он надеялся, что рэниты со своим тысячелетним опытом могли знать о Черной планете — пришельце из иных, чуждых человечеству глубин Вселенной.

«Значит, мы остались совсем одни». И сознание этого, как ни странно, помогло ему выбраться из вязкой, точно глина, горечи. Нужно было возвращаться туда, где его ждали друзья. Им придется пробивать к звездам собственную дорогу и самим решать возникающие при этом проблемы.

Оставалось еще одно, последнее, дело. Почему-то он никак не мог решиться зайти в маленькую каморку, в которой провел в замке шестьдесят долгих дней и ночей. Не хватало духу открыть скрипучую дверь и увидеть на крюке свой арбалет. «Хотя, может быть, они увезли и его?»

Наконец лестница кончилась, и Ротанов остановился напротив маленькой деревянной дверцы. Она не из

менилась. Дерево не сгнило, целы были чугунные засовы и петли.

Он медленно протянул руку и осторожно коснулся засова, словно боялся, что дверца исчезнет. Но она не исчезла. Тогда он отодвинул засов, распахнул дверь и переступил порог.

Наверно, он все еще надеялся, потому что вновь ощутил разочарование — в комнате никого не было.

В отличие от остальных помещений замка здесь все осталось нетронутым. И стол, и крюк с одеждой. Даже его самострел висел на обычном месте.

Ротанов подошел и погладил отполированное ложе. Это было доброе оружие... С минуту он стоял раздумывая, не взять ли его с собой. «Зачем, чтобы беречь старые раны?»

Он медленно пошел к выходу, но у самой двери все-таки обернулся. Возможно, это была лишь дань старой привычке — уходя из помещения, проверить, все ли в порядке... И только теперь, в это мгновение, увидел на пустой поверхности стола ослепительную алую искорку. Он готов был поклясться, что, когда входил в комнату, там не было ничего....

А сейчас на коричневой от времени поверхности знакомым алым блеском сиял кусочек алого пламени.

Словно крик, словно призыв донесся до него сквозь бездну пространства и времени.

Задохнувшись от волнения, он преодолел три шага, отделявших его от стола, таких огромных и трудных, как будто шагал по пояс в холодной воде. Он двигался осторожно, точно боялся спугнуть чуткую птицу, ему казалось, стоит сделать резкое движение, и живой огонек исчезнет так же таинственно и непонятно, как появился.

Но он остался. Рука Ротанова протянулась словно сама собой и подняла со стола прозрачный алый камень, сверкавший, как таинственный знак иной касты, в серебряной диадеме гордой рэнитки. Сейчас он дер-

жал его на ладони — сомнений быть не могло. Это он. Тот самый камень...

Ротанов все не мог собраться с мыслями и оценить до конца значение своей находки.

Выходит, она преподнесла ему этот дар... Талисман? Зашифрованное послание? Он знал ее настолько, чтобы не верить в излишнюю сентиментальность. Во всем происшедшем таился глубокий и пока совершенно непонятный ему смысл. Он искал в уголках памяти ключ к новой загадке, но не находил ничего.

— Мне это не нравится, — сказал Дубров, сердито отодвигая камень на середину стола, словно боялся об него обжечься.

— Что именно?

— Мне не нравится, что переход, закрытый для всех остальных, оказался открытым для тебя. Мне не нравится, что оказался возможным перенос материального предмета оттуда. Мне вообще не нравится, что ты там был!

— Но ведь ты сам пробовал!

— Пробовал, пробовал — кто не делает глупостей! Но ты...

Дубров встал и нервно забегал по кабинету, стараясь не смотреть на стол, где мягким рубиновым светом тлел камень.

— Ты хоть показывал его физикам?

— Показывал. Обычный циркон с небольшой примесью радиоактивного изотопа, как раз такой, чтобы камень люминесцировал, оставаясь абсолютно безвредным. В какой-то мере его излучение даже оказывает тонизирующее воздействие на человеческий организм.

— Его надо сдать на детальные исследования!

— У вас нет необходимого оборудования. Да и вообще, мне кажется, это личный подарок, и я не собираюсь с ним расставаться.

— Ну, знаешь! — Дубров бушевал минут пять, и по его реакции Ротанов наконец догадался, в чем дело. Не так-то просто заживали старые раны, нанесенные глазами прекрасной рэнитки. Ротанов улыбнулся.

— Да брось. Ты, солидный человек, директор института, а кричишь как мальчишка.

Дубров собрался обрушить на Ротанова новый поток слов, даже набрал побольше воздуха, но вдруг усмехнулся, сел за стол, повертел между пальцами камень, отодвинул его к Ротанову и спокойно спросил:

— Что будем делать дальше? Ведь если переход открылся специально для тебя, значит, трескучки скорей всего здесь ни при чем. Похоже, они вообще не имеют к этой истории ни малейшего отношения, а временным переходом управляли сами рэниты.

— Но тогда получается, что они в любой момент могли покинуть планету?

— А они и покинули. Покинули, как только сочли это необходимым. Для чего-то им понадобилось придумать легенду с трескучками и со своим провалом во временную ловушку — ловушка-то оказалась совсем для других, для нас с тобой!

— По-моему, рэниты не сделали нам ничего плохого.

— Не сделали? Конечно. Если не считать, что все эти годы я занимался здесь черт знает чем! Решал задачу, которой фактически не было!

— Вот ты о чем! Напрасно. Задача была. Переход действует, кто бы им ни управлял. Но установить, каким законам он подчиняется, мы сегодня не в состоянии. Рано. Наша наука не нащупала даже подходов к проблеме управления временем. Ты стараешься пробить лбом стену. Ничего не получается. Но разве рэниты в этом виноваты? Разве они обязаны нам помогать? Вполне возможно, что управление временем принесло рэнитам больше вреда, чем пользы, и уж, во всяком случае, свои проблемы каждый должен решать

самостоятельно. Вмешательство извне в ключевые вопросы развития цивилизации попросту недопустимо. И наши сегодняшние задачи нам все равно придется решать самим. Вот для чего ты мне нужен.

— Зачем для изучения Черной тебе понадобилась такая разношерстная группа? Какое отношение к планете имеют проблемы управления временем?

— Сегодня мы просто не знаем, с чем придется столкнуться. Мы довольствуемся предположениями, догадками. Разрозненными и слишком малочисленными фактами. Вот, например, этот...

Ротанов взял камень, положил на ладонь, прикрыл его и открыл снова.

— Что из него следует? Может быть, то, что рэниты имеют какое-то отношение к Черной? Или, во всяком случае, знают о ней? Иначе почему этот камень появился именно сейчас? У меня такое ощущение, что рэниты ничего не делают просто так. И значит, там, на Черной, вполне может найтись работа для специалиста твоего профиля.

Еще в одном я не сомневаюсь. Мне нужны люди надежные, проверенные в сложных и неожиданных обстоятельствах. Умеющие мыслить неординарно. Это главное. И именно поэтому рано или поздно тебе придется прекратить разглагольствовать и начать укладывать вещи. Я без тебя все равно отсюда не уеду.

9

Паром Земля — Верфи начал торможение одновременно с разворотом. В иллюминаторах поплыла россыпь огней, в которых уже угадывался корпус гигантского корабля.

Ротанов, откинувшись в кресле, незаметно наблюдал за Олегом. Постепенно сонное равнодушие сползло с его лица. Вот он подался вперед и приклеился к иллю-

минатору. Ротанов удовлетворенно улыбнулся. Пожалуй, Престов был прав. Если существуют на свете вещи, способные пробудить интерес в Олеге, то искать их надо здесь, в космосе.

— Такого великана у нас еще не было!

— Лучше бы он получился поменьше. Он слишком неповоротлив. Долго разгоняется и медленно тормозится — пришлось на это пойти. Я хочу стандартную шлюпку заменить небольшим маневренным кораблем типа «разведчик», хорошо оснащенным и подвижным.

— Не проще ли использовать несколько кораблей?

— Наша экспедиция своего рода разведка, и только. Разведка боем, как говорили в старину. Эскадра еще менее поворотлива. При переходе корабли сильно разбрасывает, нужно ждать, пока они сойдутся. Шансов на успех больше у одиночного корабля. Он мог попасть к планете случайно, как твой. С эскадрой они будут вести себя гораздо осторожней.

— Ты все же предполагаешь разумные действия с их стороны...

Ротанов не ответил. Он смотрел на россыпь огней. В свете прожектора стала видна причальная площадка спутника.

В первый же день после прибытия Ротанов решил осмотреть верфи. Он стоял в переходном шлюзе и слушал, как шипит откачиваемый насосами воздух. На табло высочила очередная цифра. Оставалось ждать еще минуты три.

Помещение шлюза могло вместить целую бригаду монтажников — двенадцать человек — со всем необходимым снаряжением. Сейчас Ротанов был здесь один. Ему стоило немалого труда отделаться от сопровождающих. Первое впечатление не должны искажать посторонние мнения. Что-то уж слишком затянулось строительство «Каравеллы», слишком длинная цепочка неполадок, задержек... Конечно, в деле такого масштаба,

как закладка принципиального нового корабля, всегда бывают непредвиденные сложности. Но в данном случае их количество превысило разумный предел. Строительство отстало от графика более чем на два месяца, и он хотел выяснить причину.

Пока насосы выскребали из шлюзовой камеры последние остатки воздуха, Ротанов подошел к шкафчику с дополнительным оборудованием, открыл его и в зеркало еще раз осмотрел скафандр.

Он давно отвык пользоваться планетарным скафандром с индивидуальным двигателем. Не хватало только, отказавшись от сопровождающих, вызывать потом спасателей. Рядом с зеркалом висела инструкция. Крупные светящиеся буквы призывали его проверить давление, работу регенеративных баллонов, герметичность швов, степень зарядки батарей.

Нижняя строчка умоляла не забыть выключить магнитные присоски при включении двигателя. Ротанов усмехнулся и пошел к двери.

Как только в окошечке индикатора выскочили положенные после запятой нули, автомат разблокировал дверь и она, слегка чавкнув, отошла, открыв перед ним черный провал в никуда.

Ни трапа, ни лестницы. Далеко впереди, в свете прожекторов, виднелась изогнутая титановая балка — одно из ребер жесткости в корпусе будущего корабля.

Там и тут сквозь переплетение скелетных балок просвечивали звезды, похожие на синие огоньки плазменной сварки.

Основные работы на сегодня закончены. Он не заметил ни малейшего движения.

Конструкция выглядела скелетом фантастического животного. Трудно было поверить, что титановые балки этого гиганта согнули и собрали в пустоте слабые человеческие руки.

Преодолев холодок, сковавший его перед последним шагом в пустоту, Ротанов отключил магниты и дал им-

пульс ранцевым двигателем. Толчок был мягким, почти неощутимым. Его точно приподняли за плечи и осторожно понесли вперед невидимые руки. Серебристая струя выхлопа осталась позади и завернулась дугой, как только он изменил направление. Собственного движения он почти не ощущал. Казалось, скелет корабля ожил и пошел ему навстречу.

Еще раз изменив направление, Ротанов оказался в огромном пустом провале, не заполненном листами обшивки. Сейчас он видел броню корабля, как бы в разрезе. Она походила на слоеный пирог. Слои отделялись друг от друга легкими отстреливаемыми стяжками. Это было одним из последних новшеств. Идея принадлежала Торсону и стояла им по крайней мере месячного отставания от графика. Зато теперь в случае поражения «космической проказой», как образно назвал Торсон действие антипространства, у них будет возможность избавиться от внешних пораженных листов обшивки, даже не разгерметизировав корпус...

Стоящая идея. Возможно, это средство окажется более действенным, чем защитные поля. Общая толщина многослойной обшивки была так велика, что Ротанов двигался вдоль среза почти минуту. Наконец мелькнул внутренний слой, и ранцевый двигатель скафандра вынес его наружу.

Теперь он летел спиной к кораблю. Перед ним открылось свободное пустое пространство. Лишь далеко в стороне светился желтоватый огонек триангуляционного пункта. Пожалуй, оттуда можно увидеть панораму всего строительства. Он еще раз подвернул и совместил огонек с указателем азимута.

Пункт представлял собой открытую площадку с лазерными установками. При монтаже крупных блоков сеть таких пунктов с помощью лазерных лучей помогала совмещать в пространстве разрозненные конструкции, точно производить стыковку отдельных блоков.

Уже подлетая, Ротанов заметил темную фигуру че-

ловека в скафандре, стоящего на площадке. Рассмотреть его мешала тень корабля, закрывшего свет прожекторов.

Обычно все триангуляционные пункты полностью автоматизированы, и присутствие людей на них совершенно не обязательно.

«Какой-нибудь ремонт или корректировка», — равнодушно подумал Ротанов, разворачиваясь над площадкой и включая магнитные присоски.

Едва подошвы скафандра клацнули о металл, он забыл и о своем соседе, и о месте, на котором теперь стоял. Повисшая в пустоте громада корабля производила отсюда неизгладимое впечатление затаенной мощи. Дела обстояли не так уж плохо. Корпус почти готов. Лишь в отдельных местах не хватало секций обшивки, которые установят после монтажа внутреннего оборудования и механизмов корабля.

Чем-то корабль напоминал беременного кита. Ротанов усмехнулся пришедшему в голову нелепому сравнению и тут же подумал, что оно не лишено логики. Ведь «Каравелла» будет носителем, маткой корабля, который в случае необходимости сможет осуществить посадку на Черную планету.

Чья-то рука осторожно тронула Ротанова за плечо. Человек в скафандре стоял теперь рядом. Светофильтр полностью скрывал его лицо, и от этого фигура казалась безликой, похожей на робота или куклу.

Ротанов вспомнил, что в зеркале, перед выходом, он выглядел примерно так же.

Человек делал какие-то знаки, словно поворачивал выключатель. Очевидно, его просили включить радиотелефон. Ротанов выключил его специально, чтобы разговоры монтажников и команды диспетчера не отвлекали его.

«Кто бы это мог быть и что ему надо?» Ротанов щелкнул тумблером. Глухой незнакомый голос сказал: — Здравствуйте. Вы включили нерабочую частоту.

Но это даже лучше. На ней никто не помешает нашей беседе.

— Кто вы? Представьтесь, пожалуйста, — сухо сказал Ротанов.

— Я Грэгори. Академик Грэгори. В свое время я изложил теорию антипространства.

Ротанов вспомнил, что на Совете Элсон действительно упоминал фундаментальные работы какого-то Грэгори, но что делает академик здесь, на монтажных верфях, да еще в полном одиночестве?

Словно угадав его мысли, академик сказал:

— Вас, наверно, удивляет наша встреча? Но мое присутствие здесь не более странно, чем присутствие члена Координационного Совета и руководителя крупнейшего отдела Земной Федерации. Очевидно, у нас с вами, так же как и у всех прочих, возникает иногда необходимость подумать в одиночестве.

— Возможно. Как вы узнали меня? — все еще ощущая в этой встрече какую-то неестественность, спросил Ротанов.

— По номеру на вашем скафандре. Если бы вы не выключали радиотелефон, то знали бы, что диспетчеры раза три передавали предупреждение всем бригадирам монтажников о том, что вы в пространстве.

— Жаль, я просил этого не делать!

— Их можно понять. Начальство на объекте не очень желанный гость.

— Но вы что тут делаете? В конце концов, верфь не прогулочная площадка.

— Совершенно верно. Дело в том, что все математическое обеспечение проекта этого корабля принадлежит мне. К тому же я руковожу расчетным отделом верфи...

— Достаточно, — сказал Ротанов, — извините меня. Неожиданные встречи в пустоте странным образом действуют мне на нервы.

— Я искал вас специально и вовсе не для светской беседы. Дело в том, что у меня давно возникла потре-

ность поделиться некоторыми мыслями с человеком вашего склада ума и ваших возможностей. И вот представился подходящий случай.

— Хорошо. Давайте побеседуем.

— Насколько я понимаю, вас волнует отставание сроков строительства. Верфь вышла из графика.

На этот раз Ротанов не удивился и не возразил. Он молча и очень внимательно слушал.

— Вы никогда не задумывались над тем, что окружающие нас вещи сопротивляются усложнению своей сущности? Любое усложнение требует все увеличивающихся затрат энергии. Чем выше уровень сложности, тем труднее преодолеть сопротивление. Конструкции достаточно сложные требуют постоянной подпитки энергией извне просто для того, чтобы поддерживать их в данном состоянии. Иначе они нивелируют, распадаются на составные элементы. Даже очень прочные или хорошо защищенные системы, такие, как ген, например, постепенно разрушаются. Накапливаются ошибки информационного кода, так называемые мутации.

— К чему вы клоните?

— Я только пытаюсь объяснить, почему верфь не выполнила плана.

— Оригинальная теория.

— Если отбросить ваш сарказм, не такая уж оригинальная. Но вы все же послушайте. Представьте себе, что сложность системы превышает необходимый минимальный уровень. Если бы не всеобщая тенденция материи нашего мира к распаду, эта система в конце концов справилась бы с поставленными перед ней задачами. Медленнее, чем система более простая, но все же справилась. Иное дело в реальных условиях.

Ротанов почувствовал, что разговор имеет для него гораздо большее значение, чем он предполагал вначале. История с верфью была всего лишь вступлением.

— Я вас слушаю, слушаю, — подтвердил он, не скрывая проснувшегося интереса.

— Происходит все это потому, что наша Вселенная, весь наш мир как бы вложен в пакет из антипространства. Оба эти пространства связаны, как разные полюса. Раньше влияние человеческого фактора на эту систему совершенно не сказывалось. Замечу, кстати, что только живая материя способна не подчиняться закону энтропии и, как бы противодействуя ему, из простого создавать более сложное. Так вот, уровень космической деятельности человечества ныне стал таков, что равновесие нарушилось, чаша весов качнулась... Во всяком случае, в результате вашей деятельности рано или поздно должно было появиться что-нибудь вроде Черной планеты. Кстати, как вы ее себе представляете?

— Пока никак. Мы собираемся ее исследовать.

— Будьте осторожны. Пока что вы сталкивались лишь с концентрированными областями антипространства. Но берегитесь. Оно способно проникать в ваш мир в виде тончайшей эманации, пропитывать обычное пространство. И тогда уровень энтропии начнет расти. Эскалация этого процесса, вначале незаметная, отразится прежде всего на самых сложных системах. На человеческом мозге, например, на человеческой психике — изменятся, к примеру, некоторые моральные ценности, возрастут равнодушие, усталость. Цивилизация медленно и незаметно начнет двигаться к своему закату, так уже бывало под этими звездами не раз.

— Похоже, вы стараетесь меня запугать.

— Я лишь предупреждаю, — устало сказал академик, — хотя и сознаю всю бесполезность нашего разговора. Поймите хотя бы, что сама по себе Черная планета не имеет особого значения. Она лишь дверь, ворота в иной мир...

— Если через ворота проникает в наш мир нечто такое, чему здесь не место, то, наверное, их следует закрыть.

— Какими средствами вы располагаете? Какими единицами измеряете ваши мощности? Сколько гигаватт

способна развить, к примеру, энергетическая установка вот этого корабля?

— Около миллиона.

— Рэниты оперировали гигапарсами. Миллиарды миллиардов гигаватт не могут даже сравниться с этой их единицей. И все, что им удалось, это несколько отсрочить гибель своей цивилизации. Они так и не сумели «закрыть ворота», как вы изволили выразиться.

— Откуда вам это известно? — спросил Ротанов, внезапно почувствовав холодок близкой опасности. Его беспокоил в сказанном какой-то пустяк. И он никак не мог понять, что же именно...

— Я давно слежу за всей вашей деятельностью. Не так уж трудно изучить отчеты экспедиций.

Он мог это сделать. Хотя, чтобы не упустить всех деталей, нужно провести целое исследование. Но, допустим, у него много свободного времени... Однако было что-то еще. Но что же? Что?!

— Вы человек непредсказуемый. Иногда сами не ведаете что, собственно, творите.

— Насколько я понимаю, вы хотите мне что-то посоветовать?

— Оставьте Черную планету в покое. Она опасна. Но еще опасней вмешательство в ее деятельность. Вы лишь ускорите процесс распространения антипространства в вашем мире. Закройте этот район для полетов всех кораблей. Сократите свою безудержную экспансию, уберите поселенцев из дальних колоний, постарайтесь держать прогресс в разумных рамках. Этим вы продлите время существования своей цивилизации еще на миллионы лет. Неужели этого вам недостаточно?

— Нет, — Ротанов покачал головой. — Этого нам недостаточно.

— Чего же вы хотите?

— Прежде всего движения. Постоянного движения вперед, в этом наша суть.

— Прощайте. Я был уверен в бессмысленности нашей встречи. По крайней мере, я вас предупредил.

Он включил двигатель. Клацнули подковы ботинок, алая звездочка выхлопа взвилась вверх и медленно стала удаляться в сторону главного шлюза. И только теперь Ротанов осознал, какой именно пустяк в их разговоре все время не давал ему покоя. Настолько простой и незначительный с первого взгляда, что он понял это только сейчас. Академик Грэгори неправильно употреблял местоимение «вы». Употреблял его так, словно отделял себя самого от всего остального человечества.

— Стойте! — крикнул Ротанов.

Радиотелефон не ответил, тогда он включил двигатель и почти сразу перешел на форсаж, стараясь срезать дугу траектории, ведущую к главному шлюзу. От перегрузки перехватило дыхание, но он знал и не такие. Красная точка становилась как будто ближе. Во всяком случае, он шел ниже, а значит, его траектория окажется короче, и там, у шлюза должна произойти встреча.

Он опоздал на какие-то доли секунды. Это не имело бы значения, если бы в этот момент шлюз не распахнулся и из него не вывалилась целая бригада монтажников. «Академик» точно рассчитал время: происходила пересмена, и найти его в толпе людей, одетых в одинаковые скафандры, не так-то просто. Оставалась последняя надежда на радиотелефон. Переключившись на общую аварийную частоту, Ротанов тихо сказал:

— Внимание. Сообщение особой важности. Говорит начальник верфи Ротанов. Прошу всех присутствующих войти в шлюз и снять шлемы.

Послышались возмущенные и протестующие голоса.

— Повторяю, всем войти в шлюз. Я задерживаю выход смены.

Он включил на своем скафандре красную аварийную мигалку и решительно шагнул к шлюзу. Когда дверь опустилась, внутри тесной металлической коробки ока-

залось четырнадцать человек. Ротанов молча ждал, пока насосы наполнят шлюзовую камеру воздухом, и еще несколько секунд, прежде чем они сняли шлемы. Теперь вместо безликих блестящих морд на него смотрело четырнадцать пар живых, искрящихся любопытством человеческих глаз.

— Кто начальник смены? Подойдите. — Ротанов уже ни на что не надеялся. — Вы знаете всех здесь присутствующих? Нет ли среди них постороннего, неизвестного вам человека?

— Нет. Здесь только наша бригада. А что, собственно, случилось?

— Ничего. Все свободны, — устало сказал Ротанов.

Олег, которому он поручил провести расследование этого непонятного случая, вернулся через три часа усталый и злой.

— Никаких результатов. Ты мне даже не объяснил, кого я должен искать!

— А я и не просил тебя искать какого-то конкретного человека. Мне надо было знать, кто выходил в космос в тринадцать сорок или немного раньше. Есть ли случаи незарегистрированного выхода?

— Нет таких случаев. Это был период, когда вторая смена закончила работу и уже ушла, а третья еще не вышла. Только на северном объекте работали четыре монтажника, не успевших закончить стыковку.

— Ты разговаривал с ними? Они не заметили ничего необычного?

— Нет. И, кроме того, этот объект слишком далеко от того места, где ты стоял. А теперь объясни, наконец, что произошло.

Выслушав подробный рассказ Ротанова, Олег надолго задумался.

— Странная история. Грэгори никогда не работал на верфи, и, кроме того...

— Это я уже знаю. Встреча действительно странная, но еще загадочней выглядит расставание.

— Можно предположить, что он все-таки был среди тех четырнадцати человек в шлюзе.

— Это я проверил. Не было его там. Я запомнил его голос, я разговаривал с каждым из этих ребят. Есть только одно разумное объяснение. Каким-то образом ему удалось не войти в шлюз, остаться снаружи, и он сумел это проделать так, что никто ничего не заметил. Одного я не пойму. Зачем ему понадобилось выдавать себя за несуществующего академика?

— Несуществующего?

— Конечно. Грэгори умер два года назад.

— Вот даже как...

— Не укладывается это у меня в голове! Чушь какая-то, мистика! Посторонний злоумышленник — здесь, на Лунных верфях!

— Он не злоумышленник, Олег. В том-то и дело, что он не злоумышленник. Он мог руководствоваться самыми добрыми намерениями. Кроме того, по манере речи, по мыслям, которые он высказывал, он вполне мог быть крупным ученым. Именно поэтому я поверил в академика Грэгори... В его предупреждении, несомненно, был резон, над которым следует серьезно подумать. Особенно мне не нравится угроза рассеянной эманации энтропии. Последствия ее воздействия на человеческую психику могут быть совершенно непредсказуемыми. При небольшой дозе и медленном изменении психики мы можем не заметить этого!

— То есть как?

— Очень просто. Заметить такие изменения может лишь тот, кто сам стоит в стороне. Эталон нужен. А если его не будет, представляешь, во что это может вылиться, особенно в закрытой, наглухо изолированной системе?

— Такой, например, как корабль во время длительного полета...

— Вот именно.

— Это серьезно. Может быть, стоит подождать?

Предложить медикам поработать над проблемой? Должны же быть какие-то средства, чтобы вовремя обнаружить болезнь, какие-нибудь психологические тесты...

— Над этим придется думать. А ждать? Ждать нам некогда. Ожидание тоже своего рода энтропия. Только действием, созданием можно справиться с сюрпризами Черной планеты. Для начала мы должны найти того, кто преподнес нам эту задачу.

— Кого же нам все-таки искать?

— Будем искать скафандр. Уж он-то не мог исчезнуть бесследно!

— Вот номера всех скафандров монтажников, побывавших в космосе в нужное нам время. Необходимо установить через контрольные автоматы выхода хотя бы номер неизвестного нам скафандра! Не с неба же он свалился!

— А если с неба?

— Ты хочешь сказать... Да, это тоже надо проверить...

Он повернулся к пульту связи и запросил данные обо всех кораблях и шлюпках, посещавших верфь за время, предшествовавшее выходу в космос. Они учли все. Время действия регенеративных баллонов. Заряд батарей. Расстояние, которое человек в скафандре мог преодолеть на тяге собственных двигателей, и, введя все эти данные в компьютер, получили ответ: никакой посторонний транспорт не замешан в истории с «академиком Грэгори». Скафандр следовало искать здесь, на месте.

Через два часа после того, как были приостановлены все работы на верфях и специально созданные бригады поисковиков начали прочесывать окружающее пространство, на столе у Ротанова звякнул наконец селектор связи.

На экране появились спины столпившихся людей.

Когда они расступились, стал виден лежащий неподвижно на полу человек в скафандре.

— Переверните его, — распорядился Ротанов, и тогда в луче фонаря под ранцем вспыхнул номер, не значившийся в реестрах верфи.

— Пульс? — спросил Ротанов.

— Не прослушивается. Рация не работает. В баллонах нет воздуха.

Только после того, как буксировщик оттащил наглухо заваренную капсулу в открытый космос и отбросил трос, Ротанов дал команду роботам вскрыть скафандр.

— Не слишком ли много предосторожностей? — скептически спросил Олег.

Он сидел в кресле сбоку от стола Ротанова, оттуда ему было удобней руководить всеми подготовительными работами.

— Скафандра нет не только в реестрах верфи. Даже центральный справочный компьютер не может до сих пор объяснить, что означает этот номер. Судя по всему, ему лет пятьдесят, не меньше. Откуда он взялся на верфи, ты можешь объяснить?

Олег не ответил, потому что робот на экране уже вскрыл магнитные швы, крепившие шлем к корпусу, слегка повернул его и откинул в сторону. Под шлемом не было ничего.

— Он пустой! — разочарованно сказал Олег.

— Ну да, такой простенький пустой скафандр, который сам собой разгуливает по верфи и беседует с ее руководителем на философские темы.

— Ты уверен, что это именно он?

— У меня хорошая зрительная память. Он держался в тени, поэтому я не разобрал номера. Но общие очертания старых моделей трудно спутать с нашими — это тот самый скафандр, который я видел.

— Тогда что все это означает? Человек, который говорил с тобой, забирается в укромное место, стаскивает

с себя скафандр, снова его заваривает и голенький бежит в открытый космос?

— Чепуха получается на первый взгляд.

— Только на первый?

— Остается еще возможность управления скафандром извне.

— Это же не робот, всего лишь скафандр!

— Но там есть система сервомоторов и магнитных мышц, позволяющая космонавту работать в условиях повышенной гравитации.

— Эта система способна действовать лишь при непосредственном контакте. Она управляется биотоками человека, надевшего скафандр, у нее нет координирующих центров и приемных узлов.

— Мы слишком мало знаем о способах передачи биотоков на расстояние.

— Ты полагаешь, что есть некто, знающий о них больше нас?

Ротанов не ответил. Олег набрал на клавиатуре очередную команду роботу, и тот снял нагрудную крышку скафандра. За ней опять открылась странная, почти зловещая своей неопровержимостью пустота. Олег с минуту рассматривал пустой скафандр, потом сказал:

— Теоретически с тобой, пожалуй, можно согласиться. Но я не вижу способов, как такое управление осуществить.

— Рэнитам удалось осуществить многие невозможные вещи.

— Думаешь, это они?

— Нет, я вспомнил о них лишь в качестве примера. Рэниты гуманоидная раса, но если эта история связана с теми, кто управляет «черными кораблями», все может оказаться гораздо сложнее и опаснее.

Словно желая лишний раз убедиться в правильности своих слов, он нащупал под курткой рубиновый камень. Когда он прижимал его к коже, камень казался теплым, почти ласковым.

— Нужно как можно скорей заканчивать монтаж «Каравеллы». Мне кажется, только на Черной мы сможем узнать, кто прислал нам этого странного вестника. — Он кивнул на похожий теперь на кучу ненужного хлама пустой скафандр. — Одно мне ясно: кому-то очень нежелательно наше появление на Черной.

10

Настал наконец долгожданный день. После выхода из последнего пространственного броска на носовых экранах «Каравеллы» появился голубой мячик одинокой звезды, вокруг которой вращалась пока еще невидимая Черная планета.

Корабль начинал долгий цикл торможения и подхода к цели.

Странно выглядела звезда, висевшая в абсолютно пустом пространстве. Лишь в невообразимой дали светились пятнышки галактик и туманностей, принадлежавших иным мирам, отдаленным от владений Земной Федерации такими безднами расстояний, преодолеть которые люди пока что не могли.

Корабль вышел за пределы своей родной Галактики, раскинувшейся теперь над «Каравеллой» сверкающей спиралью звезд.

Картина казалась слишком грандиозной, а пустота, окружавшая корабль, слишком всеобъемлющей для того, чтобы не подавить человеческого воображения. Длинных вахт у экранов наружного обзора не выдерживали даже издававшие виды навигаторы межзвездных трасс. Одинокая звезда на носовых экранах лишь подчеркивала беспредельную пустоту вокруг.

Здесь не было ни метеоритов, ни газовых скоплений. Даже частички водорода, столь редкие в межзвездном пространстве за пределами силовых полей звездных скоплений, стали еще реже.

Сама пустота казалась тут гуще, плотнее. Она точно

сдавливала корабль своими призрачными лапами, стараясь проникнуть сквозь хрупкую скорлупу его брони к тем, кто посмел бросить ей вызов.

Человеку не было места в этом мире — и однако вопреки всем законам логики корабль, построенный его руками, под равномерный свист двигателей приближался к звезде.

Жизнь на корабле текла размеренно и однообразно. Вахты не входили в обязанность спецгруппы Ротанова, и ее членам было особенно трудно выдержать изнурительные месяцы похода. Бесконечными казались дни ожидания...

На «Каравелле» не было ни театральных залов, ни спортивных стадионов, ни всяких садов, столь обычных для рейсовых пассажирских кораблей того времени.

Пустая скорлупа корпуса, поразившая когда-то Ротанова своими размерами, оказалась до отказа заполненной. Каждый кубометр пространства был взят на учет.

Мощность корабля, сопротивление его защитных полей, огневая сила его дальнобойных нейтронных генераторов — все определялось массой топлива. Инертной и холодной массой, способной превратиться в корабельных энергоблоках в звездную плазму, питающую корабельные установки. Именно она, эта масса топлива, заполнявшая резервные отсеки, делала корабль тем, чем он был на самом деле, — посланцем Земли, способным бросить вызов не только миллиардам километров окружающей его пустоты, но и сюрпризам Черной планеты.

Нижнюю палубу занимал ангар, в котором, словно гигантский снаряд в тесном орудийном стволе, примостилось тупорылое двухсотметровое тело корабля-разведчика, способного садиться на любых планетах. И лишь на маленькой верхней палубе располагались жилые помещения, навигационные и управляющие рубки.

Каюта Ротанова ничем не отличалась от остальных,

за исключением пульта прямой связи с капитанской рубкой. Да и тот установили по настоянию Торсона.

На полукруглом надувном диване, огибавшем боковую стену каюты, сидели все четверо членов его особой группы. Сам Ротанов разместился напротив, за маленьким столиком. Так ему удобней было видеть их лица и одновременно делать пометки в своем крошечном блокнотике, снабженном микрокалькулятором с кристаллическим блоком памяти, хранившем в себе огромное количество записей.

— Итак, мы почти у цели. Я собрал вас, чтобы в последний раз в спокойной обстановке обсудить детали предстоящей операции. С момента выхода в этот район могут возникнуть любые неожиданности.

Ротанов внимательно всмотрелся в лица сидящих напротив него людей, словно хотел их запомнить. Олег, Элсон, Дубров и Фролов. Фролова он включил в группу в последний момент. Ему нужен был хороший механик. Человек, на которого он рассчитывал, неожиданно заболел, и пришлось взять Фролова. Он почти не знал его лично, только по отзывам людей, которым доверял, и все никак не мог составить достаточно полного мнения об этом человеке.

Фролов редко вступал в разговор, держался в стороне, обособленно. Но дело свое знал прекрасно.

— После выхода к Черной, если ничего особенно не случится, мы используем наш корабль и попробуем сесть.

— Скорей всего атмосфера планеты состоит из той же субстанции, что и «черные корабли». Вряд ли нам это удастся.

— В таком случае мы хотя бы убедимся в этом.

— Как же ты собираешься передать информацию? В таких условиях с нашим кораблем будет покончено довольно быстро.

— Этот вопрос продуман. На корабле есть специальный ракетный буй, он снабжен микродвигателем и

благодаря ничтожной массе способен почти мгновенно уйти в подпространство. Короче, кассеты с нашими записями будут доставлены на Землю. Конструкторы об этом позаботились.

— Спасибо хоть на этом.

— Я не собираюсь вести корабль на верную гибель. Но если появится хоть малейший шанс, мы сядем.

— Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду под этим шансом, может быть, радиограмму с Черной планеты, что-нибудь вроде «садитесь, дорогие гости»?

— Перестань паясничать, Олег, положение настолько серьезно, что Совет в данном случае счел возможным пойти на любой риск. Нам самим предоставлено право решать, как поступить.

— А что будет с командой «Каравеллы»?

— В случае надобности они уйдут к Рэгосу. Оттуда навстречу им выйдут другие корабли, они уже наготове.

— Что-то мне все это не очень нравится, — мрачно сказал Дубров, и все повернулись к нему.

— Почему? — невинно спросил Олег. — Это же обычная хорошо разработанная и продуманная операция. Вы еще новичок в наших делах и плохо знаете Ротанова. Иначе вы бы сразу отказались.

— Я хорошо знаю Ротанова и именно поэтому согласился. Но часть операции, связанная с возможной посадкой, кажется мне попросту авантюрой.

— Далась вам эта посадка! — Ротанов недовольно пододвинул к себе блокнот и что-то быстро в него записал. — Я же сказал, садиться будем только в том случае, если появится шанс на благополучный исход.

— А по-моему, садиться совсем не обязательно, — впервые за все время вступил в разговор Фролов. — Я имею в виду людей. Вполне достаточно выслать на разведку планетарный автоматический комплекс.

— Автоматы не всегда возвращаются, часто замолкают. Как ни странно, практика показала — люди надежнее. Но, конечно, мы попробуем.

Еще с час они обсуждали различные варианты разведки Черной. Наконец он их отпустил. Остался, как всегда, только Олег — официально заместитель Ротанова, неофициально — человек, имеющий право задавать ему любые вопросы.

— Ты действительно давно знаешь Дуброва?

— Давно. Еще по Реане. Не обращай внимания на его мрачность. Он вообще пессимист и индивидуалист, но любое дело привык доводить до конца, несмотря ни на что. Хотя вначале ему требуется своеобразная раскачка. Вот Фролова я знаю мало.

— За Фролова можешь не беспокоиться. Это человек дела. Он не умеет, да и не любит теоретизировать. Он привык работать руками. Нет такого механизма, который бы его не послушался в любой мыслимой ситуации. За него я могу поручиться.

Они обсудили еще несколько вариантов возможных сюрпризов, ожидавших их на планете. Когда Олег ушел, Ротанов долго не мог заснуть. Мысли все время возвращались к Черной. Его не покидала тревога. После сегодняшнего разговора он особенно отчетливо почувствовал, как мало, в сущности, они знают... Лежа на спине с открытыми глазами, он постарался еще раз выстроить известные факты хоть в какое-то подобие системы.

Уже месяц, как «Каравелла» вышла в обычное пространство. Ее нельзя не заметить с планеты, и тем не менее Черная никак не прореагировала на появление земного корабля. Что это, полнейшее равнодушие к противнику или они ждут, когда «Каравелла» подойдет ближе? С «Ленинградом» они вели себя активней. Правда, их корабли поднялись с планеты, когда «Ленинград» подошел достаточно близко. И что из этого следует? Ровным счетом ничего. Даже неизвестно, стоит ли нам подходить к планете или есть смысл подождать, пока они продемонстрируют заинтересованность нашим появлением.

Совсем уж нелепой и странной казалась ему сейчас история с «академиком Грэгори». Она походила на фарс, на плохо поставленную инсценировку. Кто ее режиссер? Рэниты? Опять-таки нет никаких доказательств...

Была еще Дзета и черный шар в энергетическом отсеке базы. Они ведут себя непоследовательно. То как неразумные животные устремляются к добыче. То как опытный и грозный противник, атаковавший «Ленинград».

Утром Ротанова разбудила непривычная тишина. Он не успел еще толком понять, что произошло, как на столе засветился экранчик прямой связи с рубкой и Торсон сказал:

— Мы прекратили торможение. Наша скорость сейчас чуть больше скорости планеты. Корабль находится на ее орбите. Постепенно нагоним Черную. Предлагаю не форсировать события.

— Хорошо, подождем.

Ничто не нарушало плавного неощутимого движения корабля вдоль планетарной орбиты, максимально приближенной к звезде. Вторую неделю «Каравелла» постепенно нагоняла убегающую от нее Черную планету, и теперь та своим непроницаемым кругом закрывала часть галактической спирали.

Корабль, оснащенный новейшей техникой и самым совершенным оружием, каким только располагала Федерация, ждал стычки-противодействия. Он специально был создан для боя. Мощь, закованная в броню, чувствовалась во всем: и в гуле нейтронных генераторов, и в километровых всполохах защитных полей. Но вот цель достигнута. От Черной их отделяло расстояние, которое могучие двигатели корабля могли бы преодолеть за несколько часов.

Планета никак не прореагировала на появление

чужака. Космос казался совершенно мертвым и спокойным.

Где-то за тысячи километров в стороне мелькнул метеорит; поравнявшись с «Каравеллой», он вспыхнул и превратился в медленно распадающееся облачко газа.

Некоторое время ничто больше не нарушало тишины и покой вокруг корабля, серебряный кит вновь задремал.

Лишь внутри, неощутимое и незаметное снаружи, постепенно нарастало напряжение.

Ротанов метался по своей каюте, с трудом сдерживаясь, чтобы не включить наконец селектор и не вмешаться в действия капитана «Каравеллы». Затянувшееся тягостное выжидание изматывало нервы. Все же он взял себя в руки и вновь, в который уж раз за эту неделю, отошел от селектора.

Было отчего потерять терпение. Затратив уйму энергии, преодолев гигантское расстояние, они бессмысленно растрачивали время на медленное, едва заметное сближение с планетой, которая вообще игнорировала их присутствие!

Чтобы ускорить события, существовал, собственно, совсем простой выход: в любой момент Ротанов мог ввести в действие свою особую группу, стартовать с «Каравеллы» на корабле поиска и давно уже сесть на планету. Однако с этим решением он почему-то медлил и лишь метался по каюте, может быть, впервые в жизни не зная, как поступить.

— Происходящее с нами напоминает мне детскую игру «Кто первый», — признался он однажды Олегу после заседания корабельного совета, на котором не было принято никакого решения. Торсон внимательно выслушал все мнения, загадочно покивал головой, и они разошлись.

— Почему ты не вмешиваешься наконец?!

— Именно из-за этой игры: «Кто первый».

— Кто первый что?

— А это неважно. Проигрывает тот, кто сделает первый решительный ход.

— Странная игра.

— Не такая уж странная, она учит выдержке. И кроме того, там предусмотрен особый случай, когда сделавший ход первым безусловно выигрывает. Но угадать, когда его надо сделать, трудно, почти невозможно. Кроме знания всех правил игры, нужна еще незаурядная интуиция...

— Никогда не играл в такие игры.

— И совершенно напрасно. Мы столкнулись в космосе с силами не только могущественными, но и действующими неординарно, непредсказуемо. Потому так важно первыми не сделать ошибочного хода.

Его рассуждения прервал басовитый рев корабельной сирены общей боевой тревоги. Дни тягостного ожидания кончились. Черная планета наконец-то напомнила о своем существовании. Первый ход был сделан.

11

В центральной рубке «Каравеллы» стояла напряженная тишина. На своих местах застыли двое дежурных техников, навигатор, энергетик и сам Торсон. Присутствие капитана здесь, а не в капитанской рубке лишь подчеркивало напряженность обстановки.

Половину передней стены занимал квадратный панорамный экран совмещенного обзора, на котором компьютер проектировал результат суммарной информации об окружающей обстановке. Сюда поступали данные ото всех наружных корабельных датчиков, часть из них была вынесена далеко в сторону на катерах внешнего наблюдения.

Повинуясь команде Торсона, изображение синего светила из центра экрана ушло в глубину, а сбоку появился маленький кружок планеты.словно кто-то повесил в углу рубки матово-черный мячик.

— Максимальное увеличение, — коротко бросил Торсон. Изображение планетарного диска на экране раздалось в стороны, и только теперь Ротанов заметил на его поверхности крохотную, медленно ползущую искорку.

Столбик цифр, высвеченных рядом с ней компьютером, говорил о многом.

Неизвестное тело не было метеоритом, поскольку медленно изменяло направление своего движения и постепенно замедляло скорость. О его размерах судить было невозможно. Оптические системы не действовали на таком расстоянии, а локаторы давали единичный импульс. Однако и этого импульса было достаточно, чтобы сделать вывод: огибавший планету объект не был черным кораблем, его поверхность не отражала радиоволн.

Тогда что же там? Это должно было выясниться в ближайшие полчаса, если расстояние будет сокращаться с прежней скоростью.

Искорка ползла по диску планеты, к тому ее верхнему краю, куда компьютер протягивал расчетную линию траассы «Каравеллы». Где-то над самой планетой должна была произойти встреча. «Стоит нам слегка замедлиться, и он успеет, обогнув планету, уйти по параболе в открытый космос. Тогда его придется догонять...» — подумал Ротанов.

— Идет как после оверсайда, — сказал навигатор, и Ротанов сразу же согласился с ним. С такой скоростью в космосе до сих пор ходили только земные корабли.

— Повторите вызов и вызывайте его непрерывно в автоматическом режиме.

Оператор сразу же выполнил новую команду капитана, и цепочка световых точек протянулась от «Каравеллы» к таинственной искорке.

«Значит, Торсон тоже считает, что там скорей всего земной корабль, — подумал Ротанов. — Но откуда он

здесь? Курьер? Случилось нечто из ряда вон выходящее, нечто такое, что Совет решил послать вслед экспедиции второй корабль?

Маловероятно... В этом случае он сам стал бы вызывать и уж, во всяком случае, давно должен ответить на наши сигналы. А он молчит. Да и траектория... Странная у него траектория. Вот почему Торсон объявил тревогу. Уж больно подозрительно он идет. Слишком близко к поверхности планеты. Выходить из оверсайда в такой близости от материальной массы опасно... Неужели это тот самый «первый ход», которого я так ждал?.. Сейчас посмотрим... осталось минут десять-пятнадцать. Торсон наверняка выслал в точку встречи ракетный буй. Так и есть, вон его след. Уже совсем близко. Пора...»

Словно отвечая его мыслям, в правом темном углу экрана высветился новый квадрат — включились камеры разведочного катера. Вначале изображение долго не могло стабилизироваться, по нему ползла рябь помех. Наконец передатчики связи отстроились от помех, и автоматы наведения поймали цель.

В центре квадрата появилось вытянутое изображение щучьего, остроносого тела. «Разведчик класса А2, индекс корабля неизвестен, на сигналы не отвечает. Выходит из оверсайда. Скорость уменьшается недостаточно эффективно, возможна авария двигателя...» — приглушенно забормотал компьютер, мгновенно анализируя вновь поступившую информацию.

«Значит, все-таки земной корабль, — почти разочарованно подумал Ротанов и тут же поправил себя: — Ничего это еще не значит. Слишком мала вероятность встречи с аварийным кораблем именно здесь, похоже, они мастера на подделки...» Он по-прежнему не знал, что собой представляют таинственные «они». Но теперь разгадки ждать недолго.

— Шесть десятых мощности левого борта на излучатели. Старт по готовности, — тихо проговорил Тор-

сон, и он одобрил его действия никому не заметным кивком. «Каравелла» покатила в сторону, отводя на экране проекцию своей орбиты от чужака. Не следовало подходить к нему слишком близко. Если это аварийный корабль, он не сможет изменить траекторию. Сблизиться мы еще успеем.

Изображение неизвестного корабля на экране становилось все четче и детальней по мере того, как катер подходил ближе к цели. Теперь они могли различить неподвижные тарелки локаторных антенн, задраенные двери люков и черные сопла ходовых двигателей. Лишь носовые выбрасывали перед кораблем тормозную корону плазмы. Слишком короткую для нормального торможения.

— Возможно, он хочет использовать гравитационное поле планеты для дополнительного торможения и потому идет так близко к ее поверхности? — высказал предположение второй навигатор. По тому, как поежился Торсон, было видно, что он не одобряет в рубке никаких отвлекающих разговоров.

Однако в предположении навигатора был известный резон, и его следовало проверить. Ротанов отвернулся к свободному дисплею связи с компьютером и затребовал информацию о моменте появления неизвестного корабля.

Так и есть, корабль вынырнул неожиданно из-за планеты, обогнул ее и теперь уходил, и ничего определенного о том, откуда он там взялся, сказать было нельзя. Оставались одни догадки, вот почему поежился Торсон.

Ротанов выключил дисплей и вновь повернулся к центральному экрану. Катер находился теперь в нескольких километрах от неизвестного корабля и начинал безнадежно отставать. Его двигатели не способны развить скорость сверхпространственных кораблей, и это был последний момент, когда можно было со

всеми подробностями видеть на экранах неизвестный корабль.

Разведчиков класса А2 во флоте Федерации не так уж много. Ротанов мог бы их все пересчитать по пальцам. Он точно помнил, что за последние десять лет с этими кораблями не случилось аварий, все они к моменту старта «Каравеллы» находились на своих базах, так что вполне возможно, это все-таки курьер, посланный им вдогонку. Двигатели могли выйти из строя при подходе к планете... Вот только полное молчание корабля оставалось необъяснимым.

Если даже не работают рации и энергоблоки, он мог бы им ответить световым сигналом...

Испорчены локаторы, не заметил катера? Казалось, Торсон вновь угадал его мысли. На катере вспыхнул яркий прожектор и осветил удаляющуюся корму незнакомца ослепительно белым светом. Прожектор мигнул раз, другой, потом зачастил свои точки и тире, требуя немедленного ответа на вызов.

Корабль молчал.

— Может, они все погибли или ранены? Может, они не могут нам ответить? — не выдержал оператор, и на этот раз Торсон повернулся к нему.

— Постарайтесь выполнять свои обязанности без разговоров.

Оператор покраснел до корней волос, и Ротанов подумал: два-три таких замечания, и люди начинают держаться с тобой отчужденно. Зато свои обязанности они выполняют с максимальным вниманием и быстротой. Вот так и образуется всегда неприятно поражавшая его дистанция между руководителем и подчиненными.

А ведь в чем-то этот мальчишка прав, и если неизвестный корабль не изменит режима полета, им в конце концов придется к нему подойти. Возможно, на этом и строится весь расчет. И значит, снова начинается знакомая игра: «сделавший ход» может проиграть. Опять игра на выдержку. Если его худшие опасения подтвер-

дятся, если это и в самом деле корабль-ловушка, то самое лучшее, что могли бы сделать их противники, это не делать ничего, а лишь ждать. Потому что мы попросту не сможем пройти мимо, потому что оператор прав. На корабле действительно могли быть люди, нуждавшиеся в помощи, и никуда нам от этого не деться...

Изображение корабля на экранах катера превратилось в едва различимую светлую черточку. На центральном экране было видно, как чужой звездолет, не изменяя траектории, продолжал свой неукротимый бег прочь к краю экрана. Диск планеты должен был вот-вот скрыть от них корабль. Увидят ли они его снова? Сейчас еще не поздно что-то сделать. Мы не должны терять его из виду ни на секунду! И снова Торсон в этой сложной ситуации нашел единственно правильный выход.

Развернув «Каравеллу» вслед уходящему кораблю и выйдя на его орбиту, Торсон коротким рывком послал «Каравеллу» вперед. Как только расстояние вновь сократилось до сорока тысяч километров, «Каравелла» замедлилась и выравнивала скорость.

Теперь корабли шли точно друг за другом и казались совершенно неподвижными. Лишь диск планеты медленно поворачивался под ними.

Сейчас, когда скорости уравнились, появилась возможность выслать вслед за разведчиком новый автоматический катер.

Его двигателям пришлось развить совсем небольшое ускорение, чтобы преодолеть оставшиеся сорок тысяч километров. Подходя к борту неподвижного, казавшегося ко всему безразличным кораблю, катер притормозил. На борту маленького ракетного катера находились автоматы, предназначенные для стыковки обследования аварийных кораблей. В случае необходимости они были способны вскрыть корабельную броню, прожечь в ней отверстие, достаточное для прохода.

— Управление автоматами на центральный пульт.

Приготовиться к абордажной стыковке, — негромко произнес Торсон. Ротанов замер. Сейчас все должно было выясниться. Если корабль захвачен противником — кто бы они ни были, они не могли позволить автоматам проникнуть на корабль, а значит, Торсон оказался умней и получил возможность сделать первый ход, заранее не проигрывая его...

Торсон вел «Каравеллу» след в след, точно выдерживая скорость. Их тормозные двигатели работали в режиме впереди идущего корабля.

Расстояние между разведчиком и автоматическим ракетным катером неуклонно сокращалось, тысячи километров превратились сначала в сотни, потом в десятки, и вот уже на экране вновь медленно стал вырастать борт чужого корабля.

Вытянутая носовая часть катера заканчивалась специальной присоской. Весь он напоминал гигантскую пиявку, готовую вцепиться в серебристое брюхо корпуса чужого корабля. Оставались считанные мгновения. Сейчас они, наконец, узнают, кто ведет этот корабль, вот сейчас...

Ротанов подался вперед к экрану, словно хотел сократить расстояние между катером и бортом, словно хотел его подтолкнуть, помочь.

Вдруг изображение на экране слегка смазалось и поплыло в сторону.

— Держать связь! — рявкнул Торсон.

— Он включил кормовые двигатели! Уходит!

— Ну, это вряд ли ему удастся...

Торсон двинул рукоятку ускорения ракетного шлюпа. Ротанов знал, в коротком импульсе двигателя катера способны придать ему большее ускорение, чем может корабль, гигантская масса которого требовала времени для разгона. Несмотря на несоизмеримые мощности, у катера еще оставался шанс...

Борт корабля, уплывший было в сторону, вновь стал приближаться к центру экрана. Лишь ослепительная ко-

рона плазмы работавших на пределе двигателей, время от времени попадая в поле зрения камер, портила изображение... И только сейчас Ротанов полностью оценил поведение незнакомца.

Корабль пытался уйти от ракетного шлюпа. Он избегал контакта, и его двигатели были в полном порядке. Ротанов знал, что теперь произойдет, понимал уже, что катер доживает свои последние мгновения. Он хотел вмешаться, но не успел.

Самого выстрела на экране не было видно. Лишь вспыхнул косматый огненный шар. Не слишком яркий, густого оранжевого оттенка с завихрениями по краям. Оттуда летели черные обломки, только что бывшие умной, хорошо сработанной машиной, созданной для того, чтобы оказывать помощь попавшим в беду людям...

Почти сразу сила инерции швырнула его вперед. Ротанов едва успел ухватиться за скобу, удержаться на ногах стоило невероятных усилий. В уши лез отвратительный вой и скрежет. Тормозные двигатели «Каравеллы», неожиданно включенные Торсоном на полную мощность, казалось, отбросили корабль назад.

— Зачем так резко? — прохрипел Ротанов, но его никто не услышал: пилоты, стиснутые в креслах противоперегрузочными ремнями, пригнулись к экранам. Рванувшиеся к красным секторам стрелки приборов на пульте говорили о том, что капитан не жалеет мощности на торможение.

В первое мгновение Ротанов не понял, что случилось, и лишь теперь увидел — серебристая дуга трассы идущего впереди корабля стремительно загибается вниз. Разведчик тормозил и проваливался к планете, рассчитывая, очевидно, пропустить над собой идущую сзади «Каравеллу», поймать ее в секторы всех своих бортовых противометеорных орудий. Торсон предугадал и упредил его маневр на несколько секунд, но на таких скоростях эти несколько секунд оказались решающими.

«Каравелла» тормозилась теперь быстрее разведчи-

ка, и расстояние между ними начало медленно увеличиваться.

Это продолжалось недолго. Их тяжелый корабль проигрывал более легкому разведчику в маневренности. И хотя Торсон, раньше начавший торможение, вначале увеличил дистанцию, теперь она вновь быстро сокращалась.

— Носовыми заградительный огонь по курсу! Не давать ему приблизиться на выстрел!

Перед «Каравеллой» один за другим вспыхивали косматые клубы пламени. Временами приближавшийся к ним корабль не успевал отвернуть, и тогда пламя обтекало его защитное поле, превращая корабль на какие-то доли мгновения в сверкающий огненный шар почти километрового размера. Но пламя гасло, и снова они видели на экранах хищное поджарое тело своего противника, продолжавшего, несмотря на огонь «Каравеллы», сокращать расстояние.

— А почему, собственно, мы от него уходим? Всей его мощности не хватит, чтобы пробить наши защитные поля.

— Я не измерял его мощности, — сухо отозвался Торсон. — Никто ее не измерял. Земной корабль не станет стрелять по спасательному шлюпу.

И вновь Ротанову пришлось согласиться с несокрушимой логикой капитана. Корабль, внешне выглядевший как земной разведчик, мог оказаться чем-то совершенно другим. Машиной, обладавшей неизвестными им свойствами и, возможно, несущей на борту неземное оружие. Ловушка для дурачков — вот что это такое. Вся эта погоня со стрельбой явно не входила в их первоначальные планы. И Торсон безусловно прав: их ни в коем случае нельзя подпускать к «Каравелле». Но как? Баланс массы не в нашу пользу, и хотя двигатели «Каравеллы» в несколько раз мощней, инерция сотен тысяч тонн сводит на нет это их преимущество. Разведчик тормозился быстрее, гораздо быстрее...

Оба корабля неслись по одной и той же траектории все ближе подходя к Черной планете. К той точке над ее поверхностью, где притяжение планеты должно было развернуть «Каравеллу», а все еще не погашенная инерция движения — унести в открытый космос, прочь от планеты, по гиперболической орбите. Из-за неравномерного торможения траектория все время меняла на экране свои очертания. Недалек был уже предел, когда оставшейся скорости не хватит, чтобы уйти от планеты. Опять баланс не в пользу «Каравеллы». Из-за огромной массы ей раньше придется прекратить торможение...

Ротанов представил, как это будет. В конце концов чужой корабль настигнет их. Начнется ближний бой, в ход пойдет самое мощное оружие. Защитные поля не выдержат, и какой-то из двух кораблей превратится в облако раскаленной плазмы... Одинаково немислимоу казалась гибель любого из них.

В ближнем бою все решит перевес в мощностн. Если на разведчике нет «черных пузырей», напавших на «Ленинград», или чего-нибудь подобного, — ему несдобровать. В ближнем бою «Каравелла» окажется сильней. Ее генераторы способны создать такие энергетические заряды, которые и не снились этому старенькому разведчику. А значит, ловушка поймае сама себя, и все произойдет справедливо, правильно, вот только в ядерном пламени вместе с чужим кораблем сгорит и разгадка тайны. Им все придется начинать сначала. Кто знает, каким оно будет, новое начало?

Странная это была погоня. Оба корабля неслись по планетарной орбите кормой вперед. Разведчик впереди, «Каравелла» — уже в тридцати тысячах километров позади. Кормовые, самые мощные двигатели кораблей, работали на форсаже, максимально замедляя их скорость. Но, поскольку разведчик тормозился быстрее «Каравеллы», она медленно, против воли своего капитана, настигала чужой корабль. Они пытались уйти в сторону, изменить, насколько это возможно на такой скорости, тра-

екторию движения. Но преследовавший их корабль в точности повторял маневры, и вновь они шли по одной и той же орбите. И вновь неуклонно сокращалось расстояние.

Ротанов взглянул на расчетное табло, где компьютер выдавал основные результаты своих прогнозов, и похолодел. Гравитация планеты росла раз в десять быстрее, чем ей было положено. «Каравелла» находилась у той роковой черты, за которой скорость корабля окажется недостаточной для преодоления притяжения планеты. А если гравитация будет расти с такой же силой, может не хватить и всей мощности двигателей, чтобы вырвать из поля притяжения этой странной планеты гигантскую массу корабля. Нужно было немедленно прекращать торможение. С каждой секундой работы двигателей точка, в которой «Каравелла» должна была изменить свою траекторию, опускалась все ниже, вплотную подходя к атмосфере планеты. Торсон нажал на черный рычаг. Рев двигателей смолк, и сразу же светящееся веретено чужого корабля на экране, словно сорвавшись с цепи, понеслось к «Каравелле».

Корабль содрогнулся от залпа заградительных пушек, еще и еще раз пророкотал этот безопасный для противника залп, окативший его защитные поля огненной пеленой разрывов.

Все, пора... Больше нельзя медлить. Иначе не хватит времени. Ноги плохо слушались, голос сел, и Ротанов подумал, что он все еще способен испытывать страх. В секунду, когда он шагнул к пульту, в его голове со всеми деталями сразу целиком встала картина того, что последует через несколько минут. Ротанов перегнулся к микрофону через плечо Торсона и проговорил обычным своим, чуть усталым и почти равнодушным голосом.

— Спецгруппе занять места по стартовому расписанию. Старт «Икара» через десять минут. «Каравелле» ждать в условленной точке встречи.

С этой секунды он брал руководство экспедицией и всю ответственность за принятое решение на себя.

Он видел осуждающий, почти возмущенный взгляд Торсона. И, выключив микрофон, попытался объяснить, хотя знал уже, что объяснения не получится, что ему придется приказывать, и все же он попытался:

— Старт «Икара» уменьшит массу корабля на сорок процентов. Даже если противник решит вас преследовать, вы легко уйдете от погони.

— Он не станет нас преследовать. У него появится более легкая, беззащитная добыча. Мы постараемся прикрыть вас, но это сложно, корабли разойдутся, и тогда...

— Вы не станете нас прикрывать. Вы немедленно покинете этот район и на форсаже уйдете в точку встречи. Как только стартует «Икар», включайте двигатели на разгон, на полную мощность.

— Он представления не имеет, на что мы способны! Я не использовал и десятой доли мощности. Кинжальным залпом мы расколем его защитные поля как скорлупку!

Секунду они молча смотрели в глаза друг другу, потом Ротанов тихо сказал:

— Я знаю. Но мы прилетели сюда не за тем, чтобы устраивать сражения. Мы прилетели сюда, чтобы понять наших противников и узнать, что им нужно от нас. Если в контрольный срок «Икар» не появится в точке встречи, продолжайте экспедицию самостоятельно. И помните: Земля ждет от вас не победных рапортов о выигранных баталиях. Если вместо нас придет буй с информацией — немедленно возвращайтесь на базу.

Не слушая возражений, не добавив ни слова, Ротанов шагнул к приемнику компьютера и проиграл на его клавиатуре предстоящий маневр.

— Должно получиться. Как только вы включите двигатели на разгон с облегченной массой, ваша орбита пройдет почти на десять тысяч километров выше. Они

не ожидают этого. Разведчик проскочит ниже. В любом случае кратковременную атаку ваши поля выдержат. Не отвечайте на его огонь. Уходите, догнать вас они уже не смогут.

Толчок стартовых ракет швырнул «Икар» вниз, навстречу неизвестности. Ротанов, сидя в кресле пилота, чувствовал себя совершенно беззащитным перед надвигавшейся громадой чужого корабля. Он думал о том, что на этот раз ему, пожалуй, не выкрутиться.

Дурацкая фраза вертелась в голове: «Он повел корабль на верную гибель и не вернулся...» Примерно такое сообщение получит Земля.

У них не было защитных полей. Все их оружие составлял противометеоритный разрядник, не способный разрушить массу больше килограмма. На них надвигался корабль, мезонные заряды которого могли превратить в осколки планету средней величины...

Во всем этом было лишь одно светлое пятно. Одна мысль, помогавшая им выдержать: «Каравелла» ушла, маневр удался, Торсон выполнил приказ, и мы отвлекли противника на себя. Мы добились своего, нам не на кого пенять, и остается лишь ждать развязки».

На маленьком экранчике перед пультом вспыхивали все новые цифры. Ротанов знал, что до корабля их противников остается совсем немного километров. Совсем немного секунд отделяло их от встречи и от возможного выстрела в упор... Но об этом не стоило думать, тут они бессильны. Ничем не защищенная мишень — вот что такое «Икар», и если выстрел состоится, они не успеют ничего понять...

Говорят, что звук в пустоте не распространяется. И в общем это, конечно, верно, но не всегда. Потому что порой пустые металлические предметы, например корабельные корпуса, способны улавливать необъясни-

мые волны вибраций, резонировать и рождать целые гаммы собственных звуков, сопровождающих внешние события.

Вот и сейчас впечатление было такое, словно на них надвигается курьерский поезд. Давно не ходили по Земле такие поезда, но люди все еще помнили из старых фильмов грохот металлических колес по стальным рельсам и то ощущение неизбежности, которое рождает у одинокого человека несущаяся на него стальная громада. Но их было пятеро, и наверно, поэтому они все вдруг приподняли головы и посмотрели друг другу в глаза в тот миг, когда звук достиг наивысшего напряжения.

Возможно, они подбадривали друг друга этим взглядом или прощались — кто знает. Невыносимый визг вибраций стал затихать. «Икар» качнуло, словно он был утлым челноком в океане. Чужой корабль пронесся мимо. Ничего не случилось. Они все еще сидели в своих креслах, сжимая поручни, и лишь на заднем экране стремительно уменьшалось серебристое пятно кормовых выхлопов уходящего от них разведчика.

— Я был уверен, что он выстрелит. По всем пунктам он должен был ответить, «Каравелла» обстреливала его почти непрерывно...

— А он и «Каравелле», между прочим, не ответил ни разу.

— А челнок? Помнишь, как крутилось пламя? Мне и сейчас еще кажется, что там могли быть наши обломки.

— Челнок? А как бы ты поступил на их месте, если бы какая-то посудина, набитая автоматами, собиралась вскрыть борт твоего корабля, как консервную банку!

— Откуда они могли знать, что там автоматы!

— Это все-таки земной корабль, на нем тоже есть челноки...

Им всем хотелось сейчас говорить, спорить. Этого требовало только что пережитое напряжение, радость

от того, что опасность миновала, а они вот живы, приглушенно рокочут двигатели, горит свет в рубке, и только оптика напоминала о том, что они остались здесь один на один с Черной планетой...

Ее поверхность угадывалась где-то под ними непроницаемым сгустком мрака. Да еще на экранах маячило уменьшенное, но все еще грозное изображение чужого корабля...

Впрочем, такого ли уж чужого? Он был рожден на Земле. Руками земных конструкторов создавались его чертежи. Руки монтажников околосемных верфей собирали его корпус... Но затем случилось нечто такое, что сделало земной корабль чужим для людей. Вот это и надо выяснить в первую очередь.

И никто не возразил, когда Ротанов двинул рычажки двигателей на ускорение и повернул корабль к траектории только что ушедшего разведчика.

Лишь Элсон тяжело перевел дыхание да Дубров, не очень разбиравшийся в маневрах кораблей, спросил:

— Разве мы его догоним при его скорости?

— У нас такая же, надо лишь немного уравнивать разницу.

И вновь на экране начало увеличиваться изображение закованного в светящийся панцирь защитных полей чужого корабля.

— Почему светятся их поля, здесь же нет ни газов, ни пыли? — спросил Олег, и Ротанов только теперь обратил на это внимание.

— Действительно, странно... Замерь еще раз расстояние до поверхности Черной планеты.

— Луч локатора не отражается.

— То есть как? Я проверял всего минуту назад, было около ста тысяч!

— А теперь она не отражает нашего луча, ей надоело. Но и сто тысяч слишком близко, здесь могут быть остатки атмосферы, оттого и светятся поля.

— Гравиметр сошел с ума. Он показывает массу в двести шестьдесят солнечных.

— Здесь врут почти все приборы. Слишком близка эта странная планета.

— Если из ее атмосферы образуются пузыри анти-пространства, кто знает, из какого вещества состоит она сама. Мне не нравится, что она так близко, — заметил Олег.

— Думаешь, мне это нравится?

— Тогда зачем тебе понадобился разведчик? Если мы даже подойдем вплотную, через его поля нам не пробиться. Фотороботы сняли его со всех сторон. Этого достаточно. Надо уходить, пока не поздно. Гравитация здесь растет скачками, вопреки логике и законам тяготения. И я вовсе не уверен, что гравиметр так ужврет!

— Ты хочешь сказать, что планета может обладать звездной массой?

— Мне кажется. — Но Олег так и не успел закончить свою мысль, потому что светящийся пузырь на переднем экране вдруг погас, и одновременно с этим исчезли огни двигателей разведчика.

— Что с ним? Куда он девался? — Ротанов включил самый мощный носовой прожектор, и в этом едва заметном в пустоте луче вдруг засверкал совсем близко поджарый металлический корпус.

— Он выключил поля и двигатели! Не приглашают ли нас в гости?

— В таких случаях не гасят бортовых огней.

— Может, у него отказали энергетические установки?

— Все сразу? И аварийные тоже?

— Зачем гадать, сейчас узнаем.

Ротанов плавно нажал на педаль носовых двигателей, еще раз корректируя скорость.

Все пространство впереди заполнил крутой, изъеденный язвами и проплешинами борт чужого корабля. Он

медленно поворачивался, проваливался вниз, открывая все новые ряды антенн, имитаторов защитных полей.

— А если он сейчас включит поле, — спросил Элсон, — что тогда?

— Догадливый мальчик. Нас отожмет в сторону, но, послушай, Игорь, не лучше ли выслать сначала катер?

— Там уже был один катер... У нас нет времени на эксперименты. Скорость все время падает, он слишком сильно затормозился. Еще час-два, и мощности двигателей не хватит, чтобы вытащить нас отсюда. Мы провалимся с орбиты спутника на планету. Если же гравитация возрастет еще хоть немного, то нам можно будет вообще не торопиться.

— Ничего себе утешил... Но разве мы на орбите спутника? Мы же шли по параболе...

— Давно, Олег, и мне кажется, ты прав, у планеты необычно большая масса.

Они не стали продолжать этот разговор. Обстановка и без того была достаточно тревожной; взглянув на внимательно прислушивавшегося Элсона, Олег сразу переключился на тему.

— А как ты собираешься поступить, когда мы причалим к кораблю? Подойдешь, выдвинешь переходник, дашь сигнал стыковки и включишь автоматы на зацепление?

— Именно так.

— Неужели вы всерьез собираетесь лезть внутрь этого корабля? — спросил Дубров, с недоумением глядя на обоих пилотов.

— Эх, дорогой Семен Семенович! Я куда хочешь полезу, лишь бы узнать, откуда на наши поселения сыплются эти черные подарки... Помните дождь на Дзете?

— Но это же безумие! Они вас уничтожат!

— Не такое уж безумие. Они могли нас уничтожить десятки раз и не сделали этого. Что-то им от нас нужно. И мы сейчас попытаемся узнать, что именно. Дубров, Элсон остаются на корабле. Остальным подгото-

виться к выходу, — добавил Ротанов официальным, не допускающим возражения, тоном. — По возможности держите связь. Но только без паники. На корабле надежная экранировка, и как только мы войдем внутрь, связь прервется. Ничего не предпринимать. Ждать нашего возвращения. Контрольный срок два часа. После этого можете поступать по собственному усмотрению.

Стыковочные амортизаторы выдвинулись вперед, и корабль слегка трянуло, когда они коснулись причальной площадки в левом борту разведчика.

Насосы качали воздух, автоматы вытягивали переходную гармошку. Все шло слишком буднично и чересчур просто для встречи, которую Ротанов искал так долго... Что-то здесь было не то. Беззвучно поднялась и исчезла в своем гнезде часть переборки, закрывавшая наружный выход. Ротанов сдвинул последние рычаги, и они вошли в переходник. Люки чужого корабля открылись раньше и сейчас зияли перед ними черными провалами.

— Как в склепе, — зло бросил Фролов, и Ротанов понял, как труден для всех первый шаг в неизвестность.

— Это наш земной корабль, мы обязаны выяснить, что случилось с командой. Нет у нас другого выбора, — произнес он в зияющую пустоту, и слова бесследно утонули в ней. Выбора действительно не было. Даже если справедливы его худшие опасения и ловушка сработает, они все равно войдут, не могут не войти. Не имеют права.

Внутренние двери шлюзовой камеры открылись, и они очутились в узкой лифтовой кабине.

— Сразу в рубку?

Ротанов кивнул.

— У нас нет времени на осмотр всего корабля. Да это и не нужно. Самое главное мы сможем выяснить только там.

— А ты знаешь, что есть это «главное»? — своим обычным насмешливым тоном спросил Олег, и Ротанов

понял, что они уже справились с растерянностью, побороли в себе чувство подавленности и леденящего кожу страха перед этим кораблем.

— Да, я знаю, — кивнул он Олегу без тени иронии. — Самое главное узнать, кто им управляет.

С протяжным скрипом лифт остановился. Двери долго не открывались, словно в их шарнирах не осталось смазки. Наконец с грохотом, заставившим их вздрогнуть, дверь подалась, и они очутились в управляющей рубке.

Запустением пахло на них с темных запыленных экранов. Не двигались стрелки приборов, не бегали сигнальные огни по разрядам вычислителя... Не похоже было, что всего полчаса назад этот корабль совершал маневры — вел бой.

— Фролов, выясните, что с вычислителем, отключен или неисправен? Нужно установить номер корабля, проверить, на месте ли кристалл с бортовыми записями... — Он не договорил.

Чуть ниже штурманского пульта, в глубине, над экраном, там, где ему и положено, темнело выдавленное в металле имя. Имя корабля. «Симанс».

— «Симанс»? Его долго искали, почти десять лет. Он пропал где-то вблизи альфы Веги, прервалась связь, и с тех пор о нем ничего не известно. На борту был обычный исследовательский экипаж, штурмана я даже знал немного... Его звали Греков. Эдвард Греков. Что с бортовыми записями?

— Кассета пуста, командир. Блоки памяти в компьютере стерты...

— Похоже, тут мы больше ничего не узнаем. Придется все же осмотреть корабль, хотя бы частично. На детальный осмотр нет времени, поэтому давайте разделимся. В первую очередь необходимо обследовать навигационную и энергорубки. Постарайтесь выяснить, откуда он шел. Я займусь жилыми помещениями. Мо-

жет быть, там удастся узнать, что случилось с экипажем. Встречаемся здесь через час.

Через час они не узнали почти ничего нового. Ротанов выслушивал их сообщения так, словно заранее предвидел результат.

Почти все исправно. Часть аппаратуры отключена, часть демонтирована. Планетарное снаряжение и шлюпка на месте. Похоже, они никуда не сдвинулись, но самое странное... Фролов неуверенно замялся, посмотрел на Олега, словно просил у него поддержки, но тот угрюмо молчал, отвернувшись.

— Самое странное то, что у них совсем нет энергии. И нет уже давно. Лет десять, не меньше, в накопителях не было плазмы.

— Откуда такая точность? — Ротанов отреагировал на это так, словно Фролов подтвердил его худшие опасения.

— Ну, есть много признаков... Нет остаточной радиации на стенках камер. Затвердела смазка в управляющих механизмах, и везде эта странная пыль — в принципе ее быть не должно, потому что регенераторы и фильтры исправны и должны были работать автоматически в аварийном режиме. Они и работали, а пыль везде.

— Могу добавить: личные вещи в каютах экипажа не тронуты. словно они вышли ненадолго и не вернулись. Никаких следов аварии, катастрофы — скафандры тоже на месте.

— Скажет мне кто-нибудь, каким образом этот катафалк преследовал «Каравеллу»?! — вдруг взорвался Олег. — Чем, скажите на милость, он взорвал наш катер и кто им управлял все это время?!

Ротанов хорошо понимал своего старого друга, он знал его как никто другой. Олег терпеть не мог неопределенных ситуаций со многими неизвестными. Он старался сложные задачи разделять на более простые и решать их последовательно, спокойно. Ротанов и сам, ког-

да это было возможно, предпочитал подобный образ действий всем остальным. Но эта задача не делилась и не становилась по мере накопления новых данных проще, скорее наоборот.

Ротанов встал, медленно прошел по рубке и остановился напротив экрана внутренней связи. Несколько секунд он всматривался в его слепую холодную поверхность, словно там хотел прочитать ответ на вопросы Олега.

— Главное, нужно понять не то, каким образом летал этот корабль, хотя это тоже, конечно, интересно. Главное, нужно понять, зачем он летел за «Каравеллой». Что им от нас нужно? Что они хотели узнать?

— Кто-то нашел в космосе этот мертвый корабль и направил его сюда к нам.

— Без энергии, с неработающими приборами? Как они могли это сделать, на чем работали его двигатели?! — Олег почти кричал.

— Я не знаю, Олег. Пока не знаю. Не это важно понять. Зачем? Вот что важно... Может быть, они хотели что-то сказать нам или узнать?.. Хотели посмотреть, как мы поведем себя в сложной ситуации, сможем ли пройти мимо? Может быть, они и сейчас на нас смотрят?

— Никого здесь нет. Это пустой мертвый корабль.

— Нам пора, — напомнил Фролов. — Контрольное время на исходе, командир. Жалко бросать корабль. Двигатели в порядке, реактор тоже — хорошая машина.

— Ты бы смог здесь остаться? — Олег внимательно смотрел на Фролова.

— Пожалуй, нет...

— То-то и оно. Без энергии ему уже не помочь. Пора уходить.

— Да, конечно.

Но Ротанов все медлил, все вглядывался в слепые экраны запыленных приборов, в холодную броню переборок. Казалось, еще одно усилие мысли, какой-то со-

всем маленький, не замеченный ими факт, и он найдет ответ... Но корабль молчал. Ротанов повернулся и медленно пошел к выходу вслед за остальными. И все же обернулся еще раз. Возможно, он прощался с мертвым кораблем, навсегда уносившим с собой свою тайну. А может, все еще ждал ответа? Ответа не было. У самых дверей рубки стоял аппарат связи с внутренними помещениями корабля. Что привлекло внимание Ротанова к этому прибору? Он не знал. Скорей всего его жест был последним прощанием или, может быть, извинением.

Ротанов подошел к прибору, провел рукой по холодной мертвой поверхности экрана, стирая пыль, и совершенно механически надавил кнопку выключателя. Мгновенная вспышка осветила экран. Настолько короткая и тусклая, что не было уверенности в ее появлении. Но Олег, смотревший в его сторону, остановился.

— По-моему, что-то мелькнуло.

— Мне тоже так показалось. Если в конденсаторах прибора случайно оставалась энергия, это вполне возможно.

— Нет... Мне показалось, там какие-то очертания... Ты стоял слишком близко, отсюда видней. Определенно что-то было!

— Хорошо. Давайте проверим. Статистические заряды с экрана не исчезают мгновенно.

Через минуту электрометр выбросил карту точечных зарядов, распределенных по площади заинтересовавшего их экрана.

Они столпились вокруг серого куска пластика, на котором, словно разорвав пелену небытия, проступили черты странного человеческого лица... Лица женщины.

Левый глаз, непропорционально увеличенный, в упор смотрел на потрясенных людей. Больше ничего нельзя было разобрать. Карта напряжений напоминала сильно увеличенную газетную фотографию, состоящую из отдельных размытых точек.

— Значит, на корабле кто-то остался!

Фролов, как всегда немногословный, уже проверял линию подключения.

— Прибор не подключен к внутренней сети.

— Вообще никуда не подключен?

— Нет. Тут есть линия. Сейчас еще проверю... Но мне кажется, да — она идет к наружной антенне локатора!

— Вот и ответ, — тихо проговорил Олег. Кто-то должен был управлять кораблем. Экипажа не было. Им управляли извне, извне снабжали его энергией! Один раз мы с этим уже сталкивались... Помнишь скафандр «академика Грэгори»?

— Мне нужно знать, куда ориентирована эта антенна. Определите точное направление. — Распоряжение Ротанова прозвучало резко, почти сурово.

13

Ротанов вновь сидел в кресле пилота. «Икар» медленно отключил и складывал стыковочные устройства.

Они могли уйти. Одного взгляда на компьютер было достаточно для того, чтобы оценить ситуацию. Несмотря на потерю времени и скорости, несмотря на близость планеты, выбор все еще был за ними. Значит, он ошибался. Значит, в корабле не таилось ловушки... Выбор... Могли ли те, кто следил за ними, больше он не сомневался в их существовании, могли ли они предвидеть заранее, каким он будет, выбор? Возможно, могли. Возможно, лишь надеялись на то, что мы сами примем верное решение.

Так что же там, внизу? Смертельная атмосфера или жизнь? Шел же оттуда луч! Шел. И это тот самый шанс, о котором он говорил Олегу. Шанс, дающий им право надеяться на успех.

Интересно, простит ли ему когда-нибудь Олег, если

он сейчас уведет корабль вверх, прочь от смертоносной планеты? Простит ли он себе сам, вот главное.

Никто не задал ему ни одного вопроса, с тех пор как они покинули «Симанс». Экипаж ждал его решения и не сомневался, каким оно будет.

— Готовность ноль. Подтвердить.

Четыре ответа: готов, готов, готов... — и старт.

Почти сразу «Икар» стал круто уходить вниз к планете. Курсограф строго выдерживал азимут, снятый с локаторной антенны «Симанса». «Икар» по пологой спирали, закрученной вокруг линии азимута, штопором ввинчивался вниз. Равномерно свистели двигатели, коротко всхлипывали сервомоторы управления, чавкали гидравлические амортизаторы.

— Пятьдесят тысяч метров до отражающей плоскости! Сорок тысяч! Двадцать! — чуть охрипшим голосом докладывывал Фролов.

Что там? Облачный покров? Густая атмосфера? Отчего так странно, почти полностью отражается импульс локатора? Скорей всего ионизирующий слой... Все. Пора гасить скорость.

— Десять тысяч!

— Азимут?

— Выдерживаем!

Странная пелена затягивала экраны. Спираль Галактики постепенно гасла. Едва мерцала каким-то мутным, потускневшим блеском голубая звезда, светило этой необычной планетной системы. Они никак не могли отделаться от ощущения, что «Икар» медленно погружается в морскую пучину.

— Почему на левом только девять десятых мощности? — тихо спросил Ротанов, и Фролов сразу же ответил.

— Мы не успели прогреться. Двигатели на форсаже.

— Тянет же правый.

— Левый всегда прогревался медленней.

— Может понадобится вся мощность.

Фролов поколдовал с рычагами. Надсадный визг с левого борта усилился, и стрелка медленно поползла к последней отметке шкалы.

— Вот теперь нормально. Расстояние?

Молчание в ответ. Ему некогда отвлекаться, чтобы взглянуть на приборы. Корабль все время уводит в сторону. Автоматика не успевает откорректировать курс.

— Расстояние!

— Его нет, командир! Импульсы радаров снова не отражаются!

Корабль неожиданно рвануло вперед. В ушах зазвенело от прилившей крови, кресла закрипели от перегрузок. Едва справляясь с отяжелевшими, похожими на колоды руками, Ротанов развернул «Икар» кормой вниз и включил двигатели на полную мощность, стараясь замедлить падение. Это мало что изменило. Корабль продолжал стремительно проваливаться.

— Что он, с цели сорвался? — прохрипел Олег, с трудом разлепляя губы. Стрелки гравиметров как будто сошли с ума. Визг тормозных двигателей переходил уже в ультразвук. И хотя чудовищные перегрузки, навалившиеся на корабль снаружи, проникали внутрь ослабленными защитными устройствами в десятки раз, Ротанову казалось, что это он сам на своих плечах несет груз, обрушившийся на корабль.

Волна грохота и резких коротких ударов, дополнительно хлестнувших по «Икару», заставила Ротанова взглянуть наконец на экраны. Вокруг бушевала гроза, которой по всем физическим законам здесь не могло быть. Километровые полотнища молний били по кораблю. Пространство вокруг светилось сиреневым фантастическим светом. Казалось, еще секунда-другая, и шпангоуты лопнут, переборки сойдут со своих мест.

Приходилось вручную, почти интуитивно, менять режимы тормозных двигателей, потому что в этой дьявольской тряске полетела почти вся автоматика. Ротанов давно уже сорвал ограничители и, сжигая двигате-

ли, на предельном форсаже тормозил корабль, удерживая его на той грани, за которой перегрузки должны были разрушить корпус.

На центральном управляющем табло полыхала надпись: «Опасность! Запредельный режим! Двигатели выходят из строя!» — как будто они сами этого не знали. Не оставалось времени даже на то, чтобы заткнуть глотку аварийной сирене, и она своим визгом дополняла хаотическую какофонию звуков, заполнявших корабль.

И вдруг все кончилось.

Ротанов осознал себя сидящим за штурвалом. Его руки — на рукоятках управления, лицо заливал холодный пот, но двигатели уже молчали. Исчез пресс перегрузок, сковывавших тело, не дрожали переборки, не сыпались осколки пластиковых панелей со щитов управления. Только болела прикушенная губа и противно завывала так и не отключенная аварийная сирена.

Ротанов потянулся к выключателю; надсадный, раздражающий первый звук наконец смолк.

Где-то капала вода из разорванного трубопровода, свистел воздух в регенераторах, по-прежнему горел свет в плафонах рубки. Постепенно они приходили в себя.

— Все, ребята, приехали, — сказал Олег, но шутки не получилось. Усмешка на его губах походила скорей на гримасу.

— Почему остановились двигатели?

— Думаю, сместило со своих мест фундаменты генераторов. Сработали те самые аварийные предохранители, которые не отключаются с пульта. Они срабатывают лишь перед самым взрывом. — Фролов укоризненно смотрел на Ротанова.

— Что с наружным обзором?

— После того как вырубилась генераторы, все линии обесточились. Сейчас попробую подключить аварийные аккумуляторы... Фролов склонился над своим

пультом, щелкнули переключатели, и овальные вогнутые экраны на стенах рубки вновь осветились...

На секунду Ротанов прикрыл глаза, словно защищаясь от удара. Мозг отказывался принять и объяснить картину внешнего мира, представшую перед его глазами.

Корабль казался впаянным в центр залитого грязно-багровым туманом мира. Мира, в котором не было ни верха, ни низа, ни звезд, ни ориентиров, ни движения. Свет шел отовсюду. Им пропиталось само пространство экраны, стены и потолок рубки. Все выглядело грязно-розовым, нерезким и размытым.

— Где мы? — спросил Фролов. — И куда девалась планета, к которой мы спускались?

— Нет здесь никакой планеты. И никогда не было. Это гравитационный коллапс. Купол свернутого пространства, вокруг коллапсировавшей звезды. Дорога без возврата. Вот что это такое. — Олег хлопнул ребром ладони по пульту. — На этот раз мы, кажется, действительно приехали.

— Нельзя ли поспокойней, — поморщился Ротанов. — Я не вижу никакой коллапсирующей звезды.

— А я ее тебе сейчас покажу. Гироскопы еще работают.

Олег взялся за рычаги и медленно, осторожно стал разворачивать корабль вокруг центра тяжести. Свет в нижней части окружавшей их розовой пустыни сгустился, и в углу экрана вдруг появилась багровая раскаленная точка, словно там тлел непогашенный уголь.

Несколько минут они молчали, будучи не в силах принять и осознать происшедшее.

Вокруг лежала бездна, с трудом поддающаяся анализу, пониманию. Перед ними тлела звезда, убившая сама себя, сжавшаяся до размеров планеты, скрутившая пространство вокруг себя так, что оно изменило почти все свои физические свойства. Здесь должен был нарушиться даже самый ход времени...

То, что они приняли за планету, на самом деле было куполом закрытого пространства, спрятавшего внутри себя погибающую звездную систему.

Каким-то непостижимым образом «Икар» провалился внутрь купола. И похоже, Олег прав — обратной дороги отсюда не было.

— Если это так, — тихо проговорил Элсон, — то все пространство вокруг нас вместе с кораблем должно стремительно уменьшаться в объеме и смыкаться к центру бывшей звезды...

— Но мы же стоим на месте!

— Изнутри наше падение невозможно засечь никакими приборами. Для нас оно как бы не существует, потому что чем дальше мы падаем, тем сильнее замедляется время...

— Сколько это будет продолжаться?

— В принципе вечно. Внутри этого мертвого мира ничто уже не может измениться. — Гримаса исказила лицо юноши. Он пытался справиться с собой, но мышцы не слушались...

— Ну что же, — сказал Ротанов, отстегивая ремни крепления амортизаторов. — Поскольку делать нам все равно нечего, по крайней мере в данный момент, и впереди у нас, как здесь было справедливо замечено, целая вечность, давайте обсудим создавшееся положение.

Три пары глаз внимательно уставились на него. Одни, чуть насмешливые, глаза Олега, другие, с откровенной надеждой, Элсона. Он не умел еще верить в ситуации, из которых взрослые мудрые люди не нашли бы выхода. Грустные и усталые глаза Фролова, готового действовать, если это еще возможно, но уже не верящего в успех. Один Дубров не смотрел на него, уставившись на экран так, словно искал там какой-то одному ему известный ответ.

— Прежде всего я хочу отметить, что за всю экспедицию это, пожалуй, первый столь благоприятный для обсуждения момент. Мы никуда не спешим,

— И, судя по всему, — не удержался Олег, — долго еще не будем никуда спешить.

— Так что, во-первых, у нас есть время. Обычно его не хватает, — продолжал Ротанов, никак не отреагировав на реплику Олега. — Во-вторых, у нас накопилось достаточное количество разноречивых фактов, требующих точного анализа и размышлений.

— Начнем с гравитационной ловушки, из которой нет выхода, — вновь перебил его Олег.

— С твоего позволения, я ею закончу, а начну с другого. С неожиданного прибытия на базу Регоса некоего корабля. Его капитан ныне присутствует среди нас. Он первым познакомился с Черной планетой. Оставим пока это название, хотя теперь мы знаем, что оно не соответствует истине.

Сейчас, как мне кажется, настало время напомнить кое-что из моей личной беседы с этим капитаном. Он тогда говорил об опасности, настолько большой для всей Земной Федерации, что мы обязаны немедленно принять меры, не дожидаясь выводов научной экспертизы, по результатам его экспедиции. Он настаивал, требовал немедленного исследования Черной. И вот мы здесь. Его желание исполнилось.

Олег отвернулся, и Ротанов заметил, что скептическая усмешка впервые сползла с его губ.

— Анализируя вместе с Крымовым поведение напавших на «Ленинград» неизвестных космических объектов, я уже тогда начал сомневаться в том, что это природные образования, как считало большинство экспертов, скорее всего черные шары походили на автоматические устройства, управляемые с планеты.

Через некоторое время достаточно странным способом человечество в моем лице было предупреждено о том, что район Черной планеты небезопасен, вмешиваться в ее дела не стоит, и лучше всего оставить все как есть. При желании предупреждение об опасности

можно было понимать и как угрозу. Затем последовала диверсия на базе...

— Но ведь она была раньше! — вмешался Элсон, — до нашего отъезда на Землю.

— Совершенно верно, но сейчас нам важно рассмотреть события не во временной, а в некоей внутренней, логической связи. Так вот, диверсия. Достаточно странная, если учесть ее ничтожный результат. Зачем все это было затеяно? Пытались лишить нас единственной укрепленной базы? Вначале я так и думал, но потом, после событий на Дзете, когда стало ясно, что противник располагает гораздо более мощными средствами, я понял, что ошибался. Скорее всего кто-то пытался привлечь к себе наше внимание достаточно эффективными средствами. И он в этом, бесспорно, преуспел. Мы начали строить «Каравеллу» и готовить экспедицию к Черной. Ну а события на Дзете... они, пожалуй, не укладываются в мою гипотезу. Поэтому пока оставим их в стороне.

— Довольно странный способ рассуждения; если игнорировать факты, не укладывающиеся в принятую схему, можно доказать все, что угодно, — проворчал Олег.

— Я не игнорирую факты, а лишь временно отдаляю их, потому что они могут не иметь отношения к тому ряду событий, который нас интересует. Мир достаточно сложен. В нем зачастую действуют противоречивые силы. Поэтому, если учитывать сразу все факты, можно ничего не понять. Давайте продолжим. У нас есть еще один факт, который стоит всех остальных.

— Ты имеешь в виду «Симанс»?

— Я имею в виду управление «Симансом» по лучу, несомненно направленному из района, в котором теперь находится наш корабль. Но прежде чем анализировать этот последний и самый важный факт, мне хотелось бы услышать мнение специалиста о той зоне пространства, в которой мы оказались.

— Разве среди нас есть такой специалист? — удивленно спросил Олег.

— Элсон занимается проблемами энтропии, но они, насколько я знаю, тесно связаны с переходными областями нашего пространства. С зонами, названными астрономами «черными дырами».

— Хорошенькое название, — мрачно одобрил Олег.

Элсон смутился, по-мальчишески покраснел, потом достал из нагрудного кармана плоскую дощечку карманного дисплея, словно собирался продемонстрировать им все математические тонкости теории «черных дыр».

— Спрячь эту штуку, парень, — попросил Фролов, — если что-нибудь нельзя объяснить нормальным человеческим языком, значит, это вообще нельзя объяснить.

— Хорошо, я попробую без математики. Место, в котором находится «Икар», по своим параметрам действительно очень сильно напоминает «черную дыру»...

— А это и есть «черная дыра», — изрек Олег. — Только в «черной дыре» может существовать такое отвратительное освещение и полное отсутствие пейзажа к тому же. Гнусное место.

— Не могу я с вами согласиться. Любой ученый Земли не задумываясь отдал бы все на свете за возможность на минуту очутиться здесь вместе с нами.

— Хорошо, что я не ученый.

— Я успел проделать кое-какие расчеты, столь ненавистные нашему механику, и у меня получилось, что Эпсилон, извините за вольное название звезды, с которой мы имеем дело, пройдя обычные ступени эволюции, в конце концов потерял устойчивость и стал переходить в состояние гравитационного коллапса. Иначе говоря, его масса, преодолев все силы, поддерживающие атомы в нормальном состоянии, начала проваливаться, схлопываться.

— Что и доказывает, что мы имеем дело с обычной «черной дырой», лишенной примитивных удобств.

— Это не совсем так... Дело в том, что процесс гравитационной смерти Эпсилона явно не завершился... Он был приостановлен на той фазе, которую мы сейчас наблюдаем, и поскольку в природе не существует сил, способных приостановить гравитационную смерть звезды, то я склонен предположить... Гравитационные поля такой мощности должны были замедлить время, и именно поэтому мы не в состоянии видеть процесса гибели звезды.

— Это верно только для внешних наблюдателей. Но не для нас. Мы находимся внутри купола. Для нас весь процесс должен был протекать долю секунды! Корабль должен был почти мгновенно переместиться к центру «черной дыры» и погибнуть. И уж, во всяком случае, мы не могли бы наблюдать никакого остатка Эпсилона.

— Впечатление такое, будто кто-то внутри этой системы искусственно остановил или сильно замедлил время...

— Я знал звездную цивилизацию, способную это сделать... — тихо проговорил Ротанов. Он надолго замолчал, вглядываясь в экраны, на которых ничего не было, кроме розового тумана, созданного несметным количеством пылевых частиц, засосанных гравитационным полем погибающей звезды.

— Завершился процесс образования «дыры» или нет, не так уж важно. Выхода из свернутого пространства не существует даже теоретически, — вставил Олег.

— Теории начинают трещать по всем швам, когда в естественный ход вещей вмешивается разум. Может быть, отыщется и выход, — вмешался в разговор Ротанов. — На обычную «черную дыру» находящееся под нами образование не похоже. Гравитационный коллапс протекает внутри системы мгновенно. Здесь Элсон безусловно прав. Для внешнего наблюдателя поверхность свернутого пространства совершенно непроницаема. Здесь все иначе. Действительно, создается впечатле-

ние, что процесс схлопывания системы искусственно приостановлен. Пространство местами не замкнуто. В нем есть разрывы. Ни с чем подобным нам еще не приходилось сталкиваться. Действовать вопреки законам природы может лишь разум. Вот теперь самое время вспомнить о луче, управлявшем «Симансом». В ряду с остальными фактами он выглядит достаточно убедительно. Разнообразные и грозные события, с которыми мы сталкивались последнее время, не могли исходить из «мертвой космической ямы». Я был убежден в этом, когда направил «Икар» вниз по лучу, убежден и сейчас.

— Но здесь же нет ничего! Наши локаторы охватывают огромную зону. Ничего, кроме пыли и умирающей звезды!

— И тем не менее здесь должна быть жизнь. А следовательно, база, на которой она могла развиваться. Нам нужно искать здесь планету.

— Ты очень убедительно говоришь. Жаль, что тебя не слышат те, кто создал эту яму. Нет здесь планет. Посмотри на экраны. Зона замкнутого пространства не так уж велика. Даже во время прохода через купол, когда нас так потрепало, мы не могли уклониться настолько, чтобы локаторы не засекали планеты, если луч действительно шел с нее!

— И тем не менее она должна быть. В чем-то мы, возможно, ошиблись. В направлении, быть может, или в расстоянии, но не в главном, понимаешь, не в главном!

— Кажется, я знаю, в чем мы ошиблись, — неожиданно сказал Дубров, впервые за весь разговор оторвавшись от созерцания экранов. — Когда вы определили направление с антенны «Симанса»? В какое время?

— Сразу же, как только установили, что аппаратура связи подключена к этой антенне.

— Вот именно. Но корабль не стоял на месте. Он двигался. И к моменту ваших замеров антенна уже не была повернута в сторону передатчика.

— Ну, конечно! Эх мы, навигаторы! Момент, когда

антенна перестала следить за управляющим лучом, должен совпадать с прекращением передачи энергии. Собственной на корабле не было. Момент выключения механизмов слежения антенны должен совпадать с остановкой двигателей «Симанса». Именно тогда корабль и получил извне свою последнюю команду.

— И с тех пор до наших замеров прошло что-то около двух часов. При скорости «Симанса» это солидное расстояние. Неудивительно, что здесь ничего не оказалось. Планету надо искать... Сейчас, минуточку... — Олег потянулся к расчетному табло. — Около двух миллионов километров западнее.

— Интересно, как ты здесь определишь, где запад? — спросил Дубров.

— По гироскопам и по направлению гравитационного поля... Нет проблем.

— Хотел бы я знать, что это вам даст, — мрачно спросил Фролов.

— То есть как? — не понял Олег.

— А так, что, даже если вы найдете планету, сестры не сможем. У нас полетели генераторы. Когда смещаются фундаменты у этих механизмов, корабль не всегда берется ремонтировать даже в доке, проще построить новый.

— Сядем без корабля. У нас есть посадочная шлюпка. Была бы планета, а уж сяду я на нее даже на парашюте! Это я вам обещаю.

Олег прав — главное, найти планету, а уж с посадкой они как-нибудь справятся.

Необъяснимым седьмым чувством Ротанов ощущал, что она где-то здесь, рядом! От этого теплей становилось на сердце. А может быть, не на сердце... За последние несколько часов он стал ощущать под курткой, в том месте, где висел на цепочке никому не видимый алый камень с Реаны, странное живое тепло. Словно камень, согревая его, хотел сказать: «Смелее, вперед. Ты на верном пути...»

ПЛАНЕТА БЕЛЫХ НОЧЕЙ

1

Планета надвигалась на них непроницаемой мрачной массой. Не хватало света, чтобы с такой высоты рассмотреть что-нибудь на ее поверхности, приборы шлюпки, не рассчитанные на работу внутри свернутого пространства, мало чем могли им помочь. Когда высота упала до десяти тысяч метров, шлюпка попала в сплошную пелену облаков и шла в красноватом тумане не меньше двух часов.

— Спускаться ниже?

— Подождем. Мне показалось, что облачность не сплошная, должны быть разрывы. К тому же надо дать время автоматике закончить анализы.

Еще через час полета облака разошлись, и они увидели под собой океан. Свинцово-серый, неподвижный, он раскинулся под ними до самого горизонта и казался таким же мертвым, как весь этот мир. Никто не сказал ни слова. Эта последняя неудача была уже бессильна изменить что-либо в их настроении.

— Я не знаю планет, состоящих из сплошной воды. Здесь должен быть материк или хотя бы остров!

— А Лидос?

— Лидос исключение. Он единственная планета без суши, которую мы обнаружили.

— Считай, что это вторая, — мрачно подвел итог их бесплодному многочасовому полету над океаном Фролов. От напряжения слезились глаза, словно они стояли на ветру. Полумрак мешал рассмотреть детали, они не видели даже волн.

— Кстати, на Лидосе есть цивилизация, и достаточно развитая.

— Подводная? — спросил Элсон.

Олег кивнул.

— Рептилии. Если бы там была суша, со временем они бы вышли на поверхность.

— Нам от этого не легче.

Фролов отвернулся к иллюминатору. Они шли теперь совсем низко и впервые увидели волны, короткие и плоские, бежавшие впереди шлюпки. В ста метрах уже ничего нельзя было рассмотреть, и поэтому, когда под ними мелькнуло темное пятно, испещренное, как оспинами, зеленоватыми проплешинами, они не сразу поняли, что это такое.

— Остров! Под нами остров!

Ротанов положил шлюпку в крутой вираж, стараясь не потерять этот крохотный клочок суши, и тут слева они увидели целый архипелаг островов, широкой полосой уходящий далеко за низкий горизонт. Вначале Ротанов свернул вдоль береговой линии, собираясь составить хотя бы приблизительное представление о его размерах, но уже через минуту бросил шлюпку вниз, к самой земле.

— Садимся.

— Может, закончим облет?

— Успеем. Сначала нужно узнать, можно ли здесь дышать, можно ли пить эту воду. В скафандрах мы долго не выдержим.

Они выбрали площадку недалеко от побережья. Заросли, отступившие в этом месте от берега, образовали зеленовато-фиолетовую излучину, на добрый километр отстоявшую от воды. На последнем вираже перед посадкой шлюпка пронеслась над самой поверхностью низкорослых, словно сплюснутых деревьев, жавшихся друг к другу.

Как только оборвался свист двигателей, Ротанов включил наружные микрофоны.

Планета молчала. Ни звука, ни шороха. Лишь далекие электрические разряды время от времени грозными

раскатами врывались через динамики в тесную кабину шлюпки. Вдалеке шла гроза.

— Выходим?

— Да. Пора. Дождь прошел стороной. Автоматы закончили анализы.

Но они все медлили, все не решались откинуть колпак кабины и ступить на поверхность планеты, с которой уже не было для них обратной дороги.

— Климат как в тропиках. Двадцать семь градусов. Воздух пригоден для дыхания, нет ядовитых газов, микробов тоже. Не планета — сад.

— Да, только солнце забыли повесить.

Фролов сердито щелкнул замком, и колпак кабины откинулся. Они приняли сообщение экспресс-лаборатории как должное, словно не знали, что вытянули из тысячи шансов один-единственный счастливый билет, потому что лишь на одной планете из тысячи встречался такой диапазон внешних условий, словно специально подобранный для людей...

Четыре человека спрыгнули на землю и встали рядом, всматриваясь в темные заросли, лишь Ротанов все еще сидел в своем кресле и думал о том, что такие совпадения невозможны, что за всем этим стоит нечто иное... Он взял свой тяжелый рюкзак с планетарным комплектом и выпрыгнул вслед за остальными на хрусткий песок.

Они стояли кольцом вокруг своей шлюпки и сжимали в руках оружие. Со стороны могло показаться, что люди заняли круговую оборону неизвестно против кого. Так требовали инструкции, годами выработанная привычка. При посещении чужой планеты осторожность чаще всего оказывалась оправданной.

После первых минут тишины теперь их поразила какофония странных звуков, несущихся из зарослей. Какие-то животные истошными голосами орали «ку-ку». Это ничего общего не имело с кукованием земной кукушки, кроме сочетания похожих звуков, и само сход-

ство придавало крикам еще более зловещий характер.

Больше всего поражали не звуки, а мягкий рассеянный свет, струящийся отовсюду. Из кабины шлюпки они не могли получить об этом явлении полного представления, и хотя знали уже, что здесь вечно царит полумрак, только сейчас, полностью погрузившись в эту бесконечную серую ночь, поняли, что это такое. Казалось, планета навсегда застряла где-то между рассветом и вечерней зарей.

Розоватый, робкий свет струился здесь из всех уголков небосвода, а постояв несколько минут неподвижно, можно было ощутить, что странная чужая ночь не лишена своеобразного очарования. Словно желая избавиться от этого размягчающего ощущения, Элсон включил мощный фонарь, и его широкий ослепительный луч уперся в синеватую стену колючих зарослей. Ни движения, ни звука, все замерло вокруг. Остался только луч света, чуждый, почти вызывающий. Казалось, темнота сразу же сомкнулась вокруг них, подкралась со всех сторон, и за пределами светового конуса зашевелились тысячи неведомых существ.

— Да выключи ты его! — первым не выдержал Олег.

— Нужно привыкать к естественному освещению и без необходимости не жечь батареи, — поддержал Ротанов. — Здесь достаточно светло.

Несколько минут они ничего не видели, но вскоре глаза действительно освоились с сумеречным освещением.

— Почему небосвод излучает этот свет? На нем же нет ни звезд, ни спутников? — спросил Фролов.

— Это остаточный свет, — пояснил Элсон. — В замкнутом пространстве он не может рассеяться и не может выйти наружу, все излучение, в том числе и тепловое, остается внутри гравитационного купола, здесь жарко, несмотря на то, что звезда почти не греет.

Животные в зарослях снова завопили. Но теперь они уже немного привыкли к их голосам. Все стояли плот-

ным кольцом, по-прежнему не выпуская оружия. Фролов вдруг шагнул к шлюпке, откинул крышку кабины и швырнул на сиденье свой бластер.

— Мы здесь недолго протянем, если начнем стрелять. По-моему, вообще не стоило садиться для того, чтобы стоять вот так, с оружием на взводе.

— Интересно, что ты будешь делать, если выскочит какая-нибудь арктуровская Кика. Ты знаешь, кто там орет в этих зарослях?

— А он не был на Арктуре и предпочитает поэтому роль бифштекса.

Смех немного разрядил обстановку. Люди задвигались, опустили оружие. Дубров поддержал Фролова.

— В сущности, он прав. Нам надо быть осторожней с оружием.

— Если здесь есть люди, искать их надо на побережье. Море где-то здесь. Совсем рядом.

— Ты все еще надеешься? — удивленно спросил Олег.

Ротанов пожал плечами.

— Я слишком хорошо знаю, какие странные формы может иногда принимать чужая жизнь и разум в том числе. То, что мы не увидели городов, не слышали передатчиков, это еще ровно ничего не значит.

Им предстояло пройти метров пятьсот и пересечь узкую полоску кустов. Заросли казались неведомой враждебной страной, а близость шлюпки внушала иллюзию защиты.

— Может быть, стоит подождать рассвета? — осторожно спросил Элсон. И сразу же вспомнил: — Ах да, рассветов здесь не бывает...

— Ну, какой-то рассвет бывает, — возразил Ротанов. — Когда планета повернется нашей стороной к остатку Эпсилона, света станет больше.

— От этого огарка? — не поверил Фролов.

— Не только от него. Гравитационные поля стяги-

вают свет к центру, небосклон со стороны Эпсилона значительно светлее.

Растянувшись цепочкой один за другим, они медленно шли к морю. Ротанов не стал зажигать фонарь даже тогда, когда в зарослях обнаружилась довольно широкая тропинка, по которой два человека свободно могли идти рядом. Он лишь остановился и долго осторожно ощупывал песок, словно проверял, можно ли по нему идти.

— Что ты там нашел?

— Ничего, кроме этой тропинки. Странная дорожка, не правда ли? На звериную тропу она не похожа, нет следов, и ветви растений не обломаны, словно ее специально здесь прорубили, чтобы удобнее было ходить от побережья к морю.

— По-моему, ты ошибаешься. Такие просеки возникают иногда совершенно случайно от частых ветров, например, дующих в одном направлении.

— Что ж, возможно. — Ротанов встал, отряхнул с ладоней песок.

Метров через двести заросли кончились, и они оказались на узкой полосе пляжа. Долго слушали, как шипит прибой, набегаая на песок, и Элсон разочарованно сказал:

— Даже звук волн здесь необычный, прибой не плещется, не бормочет, как на Земле, он почему-то шипит. И все же по-своему это море красиво.

Никто ему не возразил. Все смотрели, как сгущается над водой у горизонта серебристая дымка рассвета; волны, набегаая на берег, загорались изнутри синеватым электрическим светом, это не были живые огоньки, похожие на звезды, какие бывают лишь в земном море. Холодно светилась сама вода. Фролов первым сделал шаг, отделявший их от этого чужого прибоа, и подставил набегавшей волне свой ботинок. Всклипнув, словно живая, вода перехлестнула через его ногу и откатилась.

— Отойди, — попросил Ротанов. — Ты ведешь себя как ребенок.

По опыту он знал, что на чужих планетах, как правило, наиболее враждебным и опасным оказывалось то, что с виду выглядело безобидно. Словно подтверждая его опасения, сзади раздалось странное цоканье, будто кавалькада маленьких коней мчалась к побережью. Но это были не кони... Водная поверхность океана отражала достаточно света, и они хорошо видели странное животное, показавшееся на краю зарослей. Толстые трубы ног или щупалец отходили от продолговатого овального тела сначала вверх, а потом, изогнувшись широкими дугами, упирались в землю. Ног было шесть или восемь, они не могли рассмотреть, так быстро мелькали в воздухе эти мягкие бессуставчатые ноги. То, что им показалось вначале маленьким туловищем, скрытым за ритмично мелькавшими ногами, оказалось всего лишь головой, прикрытой блестящим панцирем, в вырезе которого светилось четыре глаза. Увидев группу людей, животное замедлило свой бег и шагах в двадцати остановилось совсем. Три бластера поднялись как по команде. Никто не двинулся. Вдруг животное, широко расставив ноги, повернулось к ним боком, и только теперь они заметили всадника... Выпрыгнув из удобной лодочки седла, привязанного на спине у животного, стройный и гибкий юноша неторопливо пошел им навстречу.

— Опустите оружие, — негромко приказал Ротанов.

С каждым шагом спешившегося всадника их изумление возрастало все больше. Сначала они видели лишь общие контуры его фигуры, но теперь могли уже рассмотреть бледное, слегка вытянутое худое лицо с большими голубыми глазами, одежду, весьма похожую на старинный расшитый кафтан, широкий и тоже расшитый узорами пояса.

— Это гуманоид, — тихо проговорил Олег.

Ротанов сразу же возразил:

— Слишком большое сходство с нами. Или его отда-

ленные предки родились на Земле, или... — Он не договорил, что именно скрывалось за этим «или», но Олег, хорошо помнивший Гидру, понял, что он хотел сказать этим «или». Имитация, копия человека, биоробот...

— «Та, что прячет свое лицо» приветствует вас, чужестранцы.

Голос юноши, искаженный киберлингвистом, звучал словно бы у них за спиной, из рюкзаков, набитых планетарным снаряжением.

Никто не двинулся, не произнес ни слова, слишком буднично, по-земному, прозвучали эти слова, несмотря на странное имя передавшей им это приветствие. Они знали, что в тех случаях, когда в словарном запасе нет подходящего слова, лингвист подбирает наиболее близкое по значению словосочетание, и оттого имя прозвучало так длинно. Они ожидали продолжения и все никак не могли прийти в себя от этой встречи... Прорваться сквозь барьер свернутого пространства, провалиться на дно гравитационной бездны, опуститься на планету, у которой не было даже солнца, и вдруг такая встреча? Им даже не удивились, за ними послали гида, пажа, слугу... Кто он на самом деле? Каким образом узнал об их приземлении? Почему в его поведении нет ни страха, ни удивления? Это человеческое лицо, прямой нос, голубые глаза, смотрящие на них спокойно и серьезно. Словно их здесь ждали, словно Ротанов был прав, словно он мог предвидеть, что все предыдущее было лишь неким странным, специально подготовленным для них спектаклем... Они все еще боялись поверить.

— Кто она, «Та, что прячет свое лицо»? Жрица? Предводительница вашего племени? — спросил Ротанов. Посланец сделал вид, что не услышал вопроса или не понял. Киберлингвист долго и певуче переводил слова человеческого языка на чужую, незнакомую речь. Но уже сам факт перевода, говорил о том, что в его огромном словарном запасе было нечто близкое, знакомое. Язык, на котором говорили здесь, не был полностью чужд им,

как не была чуждой эта одежда и это лицо, и лишь странное животное, на котором прибыл посланец, неподвижно стоящее в отдалении, напоминало о том, что это все-таки иной мир.

— «Та, что прячет свое лицо» приглашает вас принять участие в празднике, — проговорил посланец.

— Ты что-нибудь понимаешь? — прошептал за спиной у Ротанова Фролов, и Ротанов вдруг неожиданно для себя усмехнулся.

— Так уж обязательно сразу все понимать? Ты же слышал, нас приглашают на праздник, вот и пойдем посмотрим.

Словно удовлетворившись этой фразой, юноша повернулся и медленно, не оглядываясь, пошел к своему чудовищному коню. Ротанов первым закинул бластер за спину и последовал за ним. Не произнося ни слова, двинулись остальные.

Тропинка вскоре раздвоилась и повела их в сторону от шлюпки, куда-то вдоль побережья. Всадник ехал медленно, и Ротанов без особого труда поравнялся с ним.

Заметив, что Ротанов держится поодаль от быстро мелькавших лап животного, юноша натянул повод, и животное еще больше замедлило шаг.

— Это «странник». Он безопасен. Не нужно его бояться.

— Я не боюсь твоего коня. — Ротанов подошел ближе, принаравливаясь к размеренному мельканию над своей головой широких и толстых раструбов лап, покрытых мелкими блестящими чешуйками. — Куда мы идем?

— На праздник. Сегодня день Дрона.

Как обычно, фраза, переведенная киберлингвистом, была максимально краткой.

— Часто вас навешают чужестранцы?

— Часто. Некоторые приходят из-за моря, а иные, как вы, прилетают на огненных колесницах.

Ротанов не подавал вида, как поразила его этот ответ...

Вот, значит, в чем дело, вот почему такой будничной получилась встреча, выходит, их действительно ждали. Вернее, не их, кого-то очень похожего, «тех, кто прилетает на огненных колесницах»...

Ротанов постепенно отстал, поправился с остальными и тихо сказал:

— Возможно, нас приняли за кого-то другого. Не задавайте лишних вопросов, пока не разберемся, что к чему.

2

Правая часть горизонта постепенно наливалась темно-багровым отсветом, словно там разгорался далекий пожар. Весь остальной низкий купол неба, завешанный лохмотьями облаков, по-прежнему выглядел сиреневым.

Стало заметно светлее. Заросли изменились, теперь они состояли из низких пушистых кустов, ветви которых напоминали перья диковинных птиц. Сами кусты больше не закрывали пространство, и впереди как-то сразу открылся далекий простор, заполненный бегучими огнями. Цепочки этих голубоватых огней перестраивались на ходу и все вместе двигались в ту же сторону, куда шел их отряд. В распадающихся багровых сумерках в низине, где мелькали огни, можно было рассмотреть неясные очертания приземистых строений. Отряд остановился.

— Подождите здесь, — попросил проводник и, сделав несколько шагов, исчез в зарослях.

— Странное место, — проговорил Олег. — Внизу наверху поселок. Очень маленький. Скорей всего они ведут натуральное хозяйство, ты заметил, как выделана кожа на сбруе этой, с позволения сказать, «лошади»? Наверняка сыromятная, кустарного производства.

— Быстро ты делаешь выводы, — откликнулся Ротанов. — Однажды на Гидре я уже сталкивался с чем-то подобным... Там наряду с внешней, примитивной стороной существовало нечто неразличимое с первого взгля-

да... Я чувствую, здесь тоже не все просто... Этот Странник... Природа редко создает таких животных. Он слишком рационален, слишком уж приспособлен для передвижения по пересеченной местности. Почти идеальный транспорт для перевозки людей и переноски небольших грузов.

— Особенно если не очень спешить.

— Мы не знаем, на какую скорость он способен. Скорее всего наездник применялся к скорости пешего человека.

Они замолчали, прислушиваясь к надрывному крику «ку-ку», всмотрелись в бегучие огни на тропинках, ощутили аромат странных цветов.

— Здесь может быть хорошо, если привыкнуть, — тихо сказал Элсон.

— По-моему, у нас хватит для этого времени, — мрачно пообещал Олег.

Снизу от поселка к ним шла группа людей. Впереди четверо слуг или охранников несли факелы. Совсем не было дыма, и вместо красноватого пламени вокруг туго свернутого кома каких-то листьев плясали маленькие язычки голубого огня. Свету они давали немного, но, наверно, глаза жителей этой планеты давно привыкли к полумраку и вряд ли могли переносить слишком сильное освещение.

Люди, несущие факелы, остановились и разошлись в стороны. Вперед вышли старик в одежде, расшитой замысловатым узором, с ожерельем из блестящих непрозрачных камней, и рядом — тоненькая фигурка женщины, лица которой Ротанов не мог рассмотреть, как ни старался, — мешал направленный на них свет факелов да еще, похоже, она прятала лицо за куском полупрозрачной ткани. Черты смазывались, нельзя было даже с уверенностью сказать, молода она или нет. Платье на женщине казалось белым без единого украшения, лишь на правой руке блестел тоненький браслетик, да в воло-

сах, будто случайно, запутался живой огонек: то ли светлячок, то ли фосфоресцирующий камешек.

Минуты две длилось молчание, пока обе группы рассматривали друг друга. Ротанов подумал, что для этих людей они выглядят достаточно нелепо в своих защитных скафандрах, словно обливших тело сверкающей серебряной пленкой, с тяжелыми рюкзаками за плечами, со странным оружием в руках. Сейчас их наверняка спросят, как они тут очутились, и неизвестно, чем закончится беседа. Вряд ли они поймут, вряд ли поверят пришельцам со звезд. Но старик спросил о другом.

— Дорога не показалась вам трудной? — Вопрос прозвучал неожиданно насмешливо в напряженной, настороженной тишине.

— Легкие дороги редко ведут к интересным местам, — неопределенно ответил Ротанов, и старик улыбнулся.

— Достойный ответ. Я надеюсь, мы еще побеседуем позже, когда вы поймете, где очутились, и лучше разберетесь в обстановке.

— А вы не хотите нам в этом помочь? — Он шагнул было вперед, но один из охранников, держащих факел, сделал предостерегающий жест, и Ротанов остановился.

— Каждый сам проходит свою дорогу. — Повернувшись к женщине, старик вдруг спросил у нее: — Эти люди в самом деле прилетели в огненной колеснице?

Женщина молча кивнула.

— Ну что же, в таком случае, проводите их на праздник Дрона.

Двое охранников с факелами пошли впереди, показывая дорогу, Ротанов обернулся, но старик и девушка уже скрылись в зарослях.

— Как странно он говорил. Слишком сложно и странно... И он несколько не удивился нашему появлению, — задумчиво проговорил Олег.

— Кажется, тебя тоже начинают посещать сомнения,

это очень хорошо, мой друг, потому что истина — сестра сомнений.

— Что это ты расфилософствовался?

— Мне показалось, что здесь живут только философы и поэты, ну и еще красавицы. Почему бы нет? Славная планета, аромат цветов, торжественное шествие. Все как в старинном театре.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал. Наша встреча смахивает на какую-то театральную постановку, и я никак не могу понять, кто режиссер. Может быть, этот старик? Но тогда зачем за подтверждением обстоятельств нашего прибытия он обратился к женщине, к той, что все время молчала?

— И прятала свое лицо... — напомнил Элсон. — Помните, что сказал посланник, приехавший за нами на побережье? Он сказал: «Та, что прячет свое лицо» приветствует вас, чужеземцы».

— Да. Над этим стоит подумать.

Тропинка, идущая между невысоких холмов, стала забираться круто вверх. Они шли уже больше часа. Проводникам время от времени приходилось останавливаться и поджидать порядком уставших людей. Строения и огни исчезли, тропинка петляла теперь по дну ущелья. Наконец стены раздались в стороны, и они очутились на широком ровном плато, окруженном с трех сторон почти отвесными скалами. В самом центре высилась темная масса, смутно напоминающая человеческую фигуру метров трех высотой. Справа от нее на небольшом возвышении, укрытом не то ковром, не то шкурой, сидел человек, на первый взгляд казавшийся непомерно толстым. Только присмотревшись, можно было заметить, что оброс он не жиром, а горой непропорциональных, почти безобразных мускулов. Рядом с ним несколько человек, одетых в широкие балахоны из кожи, подбрасывали в костры охапки хвороста.

Видимо, местные растения были перенасыщены

эфирными маслами, потому что костры, как и факелы, полыхали синеватым, прозрачным пламенем, почти совсем не дававшим света, словно горел не хворост, а спирт. Над кострами висели чаны, в которых что-то варилось. Человек шесть, стоявшие отдельной группой, время от времени дули в большие закрученные раковины, извлекаемая из них ревущие, душераздирающие звуки.

Как только в освещенное кострами пространство вошли люди с факелами, все смолкло, все лица повернулись к прибывшим, все глаза уставились на прищельцев. Проводники жестом предложили им подойти к возвышению. Огромный грузный человек, опершись на плечо одного из слуг, с проворством, какого трудно было от него ожидать, вскочил на ноги и шагнул навстречу гостям.

— Чужестранцы! — воскликнул он с радостью. — Нам не хватало для праздника чужестранцев! Сажайте их на самые почетные места! — Он взял Ротанова за локоть, безошибочно определив в нем главного, и, не дав опомниться, увлек за собой на помост.

— Я правитель этой страны, и я заверяю вас, что вы прибыли в доброе время. Будут пиры. Будут молодецкие забавы и богатырские игрища. Будет и змееборство.

— Змееборство тоже? — спросил несколько ошарашенный Ротанов.

— Пренепременно, какое же богатырское игрище обходится без змееборства?

— А змеи... настоящие?

— Самые доподлинные. Вы каких предпочитаете? Есть плавучие, летучие, бронеголовые, плюющие ядом, есть просто шипящие, но обладающие дурным глазом.

— Я предпочел бы обойтись без змей. Видите ли, я не специалист по змеям...

— Жалы! В этом деле лучше быть специалистом. Квалифицированным специалистом.

Правитель хлопнул в ладоши, кто-то за их спиной ударил в медный гонг, и протяжный, отраженный скалами звук поплыл по ущелью вниз, туда, откуда слышался

гул приближающейся толпы, где мелькали многочисленные синие огни, замеченные Ротановым еще по дороге.

— Пока готовят первое испытание, поведайте мне о дальних странах и удивительных делах, коим вы свидетелями были.

Странное чувство овладело Ротановым, ему почему-то казалось, что этот огромный потный человек, замотанный в расшитые шкуры странных животных, с амулетами из зубов на шее, на самом деле вовсе не так прост. В глазах его то и дело зажигались хитроватые огоньки. Да и само их появление на этом празднике выглядело так, словно все было готово заранее, словно их ждали. Неведомый режиссер продолжал свою непонятную постановку. Усмехнувшись, Ротанов поведal правителю о могучем звездолете «Каравелла», о «черной дыре», в которую проваливается весь этот мир вместе с предстоящим празднеством, о множестве обитаемых миров, расположенных на далеких звездах, и о Земной Федерации, расселившейся на многих планетах. Правитель слушал его внимательно, кивал головой и жевал сочный кусок мяса, с которого капали на помост тяжелые капли жира.

— Далекие поселения — это хорошо. У нас тоже есть поселения на дальних островах. Когда у нас плохо урождаются плоды мангароидов, мы привозим их с Каруты, а взамен отдаем излишки нашего сого. — Лицо его приняло задумчивое выражение. — А что такое звезды, чужестранец?

Ротанов объяснил.

— Ты хочешь сказать, что за небесной твердью мир не кончается, что там есть другие острова?

— И острова и моря. Там живут другие народы, светят другие солнца.

Правитель нахмурился и отложил на поднос недоеденный кусок мяса.

— Не рассказывай этого никому, чужестранец. Тебя здесь не поймут. У нас иные законы, свое представление о мире. Наш мир устроен просто. Небесный шар,

внутри которого мы живем, висит на серебряной цепи, и за ним уже нет ничего. Впрочем, там живут еще боги... Надеюсь, ты не бог?

— Богов я там не встречал, правда, попадаются кое-где существа, могуществом похожие на богов.

Сделав вид, что не услышал последних слов Ротанова, правитель отвернулся к одному из стоявших у них за спиной мрачного вида стражей, поманил его. Страж нагнулся, выслушал какое-то приказание, поклонился и тут же исчез. Из толпы вышли вперед бордатые люди, одинаково одетые, с тяжелыми бронзовыми щитами в руках. Они поставили щиты на песок вплотную друг к другу, образовав кольцо непроницаемой металлической ограды, отделившей центр площади вместе с помостом от остальной толпы.

Ротанову не очень понравились эти непонятные приготовления, и он стал искать взглядом своих спутников. Там, где они сидели, видимо, все было пока спокойно. Ротанов видел, как из кипящего чана им подносят какой-то напиток, и Элсон решительно отказывается отведать неизвестное зелье.

К возвышению подошел худой высокий человек в простой полотняной одежде, перепоясанной кушаком, с выбритой наголо головой. По его аскетическому лицу и гордому взгляду, по тому, что этот человек не склонился перед правителем, Ротанов заключил, что он занимает высокое положение в здешнем обществе, возможно, жрец или представитель высшей знати. Правитель привстал ему навстречу, и они отошли на край помоста, оставив Ротанова одного. Воспользовавшись этим, он незаметно повернул браслет с транслятором универсальной связи в сторону костра, у которого сидели его спутники, и тихо спросил:

— Фролов, ты слышишь меня?

— Да, командир.

— Вызови шлюпку и переведи ее поближе, она вскоре может понадобиться.

— Я уже пытался, командир. Сигналы не проходят. Нет связи. Похоже, сели батареи передатчиков.

— Только этого нам не хватало... Будьте наготове. По-моему, здесь что-то затевается. Держите трансляторы включенными, и по моему сигналу все вместе пробиваемся к выходу, оружие применять запрещаю, что бы ни случилось.

— Все сделаем.

Ротанов не мог понять, почему исчезла связь. Батареи? Вряд ли они сели все сразу... Могли быть неизвестные им физические причины, структура пространства в непосредственной близости от центра «черной дыры» так сильно изменена, что законы прохождения радиоволн здесь никому не известны. Ротанова тревожило то, что связь исчезла именно сейчас. Хорошо хоть трансляторы работают на близких расстояниях и они могут разговаривать друг с другом.

Между тем события на площади развивались своим чередом. В центр круга, освещенного синим пламенем костров, вошло четверо воинов. Ротанова удивило, что у них нет никакого оружия. Один из воинов положил между кострами тяжелый сверток, сдернул с него шкуру и сразу же отошел в сторону, явно избегая прикосновений к засверкавшей в лучах костров остро отточенной стали. Там были двуручные мечи, боевые топоры, огромные шиповатые палицы, и копья с широкими зазубренными наконечниками. Заметив, что Ротанов внимательно разглядывает эти предметы, предводитель сказал:

— Воинам нашего племени нельзя касаться оружия, несущего смерть. Потому мы так рады чужеземцам. На наших богатырских игрищах им одним дозволяется в схватке с врагом потешить себя окровавленной сталью.

Снова раздался удар гонга.

В верхней части ущелья послышался тяжелый топот. Воины оттеснили толпу и образовали узкий про-

ход, идущий от центра площади до входа в ущелье. В полумраке Ротанов плохо видел, что там делалось, но какая-то темная масса, приземистая и подвижная как ртуть, двигалась вдоль бронзовых стен, составленных из щитов, к центру круга.

— Есть ли среди вас тот, кто хочет помериться силой с дроном?! — закричал глашатай с противоположной стороны, и почти сразу же из толпы, раздвинув щиты воинов, выпрыгнул в центр круга коренастый приземистый человек. Если Ротанова поразили мускулы предводителя, то воин, вышедший в круг, оказался еще массивнее. Толпа приветствовала его восторженными криками. Человек пригнулся, чуть расставил руки, в которых не было никакого оружия, и застыл. Толпа тоже замерла, шум стих, и отчетливо стал слышен тяжелый топот несущегося вдоль ущелья зверя... Теперь Ротанов наконец увидел его. Животное было пониже носорога, но, пожалуй, тяжелее и гораздо подвижнее. Тупорылая морда заканчивалась костяным панцирем, уходящим за плечи и мешавшим животному повернуть голову. Костяные пластины впереди заканчивались четырьмя острыми выростами — не то рогами, не то клыками. Четыре пары немигающих злобных глаз, расположенных далеко друг от друга, видимо, обеспечивали животному хороший обзор. Выскочив в центр освещенного круга и увидев стоящего у него на пути человека, животное издало хриплый низкий визг и, не снижая скорости, бросилось на смельчака. Казалось, гибель человека совершенно неминуема, но, когда острые рога уже почти вонзились воину в живот, он сделал едва уловимое, очень точное, почти изящное движение в сторону, и дрон промахнулся. Толпа восторженно взревели.

С разбегу животное ударилось в бронзовую стену щитов. Удар был так силен, что воины, державшие щиты, не устояли, в стене образовалась брешь. Но зверь не расположен был убегать, хотя мог бы теперь это

сделать. Подавшись назад, он развернулся и снова бросился на своего противника. Все повторилось, но теперь воин, отклонившись, успел нанести молниеносный удар вытянутой рукой в щель между костяными пластинами на голове животного, где, видимо, был расположен какой-то нервный центр. Животное заревело от боли и ярости. Вновь раздался тяжелый удар в щиты, и вновь распалась живая стенка. В облаке пыли несколько секунд ничего не было видно, а когда оно рассеялось, все снова увидели дрона, несущегося на своего обидчика. Теперь он, подбежав к человеку, неожиданно затормозил и резко изменил направление, стараясь упредить движение воина в сторону. Это ему почти удалось, человек не сумел полностью избежать удара, и хотя он уклонился от острых клыков, удар бронированной головой животного, по-видимому, был достаточно силен, воин упал и, откатившись в сторону, остался лежать неподвижно. Дрон опять с разбега налетел на щиты и теперь медленно разворачивался, чтобы окончательно разделаться с противником.

— Неужели никто ему не поможет? — спросил Ротанов.

— Это запрещено. Но наши правила не распространяются на чужеземцев...

Ротанов понял, что имел в виду предводитель. Движением плеч он сбросил на землю рюкзак со снаряжением, скрывавшим движения, и выхватил бластер.

— Твоя дубина легковата для этого зверя. Ты можешь выбрать любое оружие.

Не слушая, Ротанов прыгнул вниз. Толпа мешала ему прицелиться. Луч бластера достаточно широк, он боялся задеть кого-нибудь из людей и потому, раздвинув воинов, бросился на арену. И вовремя, зверь уже пригнул свою широкую толстую морду, его клыки задевали землю, и нетрудно было представить, что ждет неподвижно лежащего незащитного человека. Ротанов очутился между зверем и его жертвой. Позиция была

удобной, и, вскинув бластер, он нажал спуск. Вместо синего луча плазмы, все испаряющего на своем пути, бластер выплюнул сгусток красноватого пламени и сразу же поперхнулся. Огненный шар ударил в бок животного, опалил шерсть, обжег и разъярил зверя, но не причинил ему ощутимого вреда. Низко взревев, забыв о своей жертве, зверь бросился на нового противника. Ротанов жал и жал на гашетку, но повторного выстрела не было, бластер неожиданно превратился в ту самую легковатую дубину, о которой предупреждал его предводитель.

Расшвыривая песок, зверь несясь прямо на него, их разделяло не больше трех шагов, и все, что теперь осталось Ротанову, — это применить ту же тактику, которую использовал его предшественник. Здесь самое главное было выждать, отпрыгнуть в последний момент, чтобы дрон не успел развернуться. Вот когдагодились долгие часы занятий в гимнастическом зале. Ротанов прыгнул, и зверь пронесся мимо. Кольцо зрителей наградило его восторженными криками, но он не собирався разыгрывать роль гладиатора. Нужно было что-то немедленно предпринять, пока не вмешались остальные члены экипажа, тогда уж в общей свалке кто-нибудь обязательно пострадает. В себе он был уверен, к тому же универсальный защитный костюм, который он не снимал с той минуты, как покинул корабль, обладал замечательным свойством: в случае любого внешнего воздействия он поддавался только до определенного предела, безопасного для человека, а затем его ткань превращалась в монолитную броню, которую не пробил бы и снаряд. Ротанова можно было втоптать в землю вместе с костюмом, его можно было сбить с ног, но ему нельзя было нанести серьезных повреждений. Единственное, что его сейчас беспокоило, это неожиданный отказ бластера. Если причина в батарее — защитный костюм без энергии превратится в обыкновенную тряпку, и тогда ему несдобровать. Нужно как можно ско-

рей убраться с арены и при этом спасти жизнь человеку... Но как? Времени у него почти не осталось. Угловым зрением он видел, что Олег лезет в круг, отталкивая воинов и размахивая бластером.

Зверь уже совсем близко. Ротанов нагнулся, чтобы схватить хоть какое-нибудь оружие из кучи, лежащей рядом. Палица не годилась, у него не хватит сил, чтобы оглушить зверя. Меч слишком тяжел, он стеснит движения — не успеешь уклониться. Копье недостаточно прочно и вряд ли остановит такую массу. Широкое лезвие топора не причинит вреда этому бронированному чудовищу. Наконец его внимание привлекло узкое, голубоватое блеснувшее лезвие, длинное, с удобной рукояткой.

Олег прорвался сквозь ограждение, разбросав воинов. Видно, как катится в сторону выбитый им щит. Поздно. Еще один прыжок, не очень удачно, краем головы зверь все-таки зацепил его, и хотя он устоял на ногах, острая боль пронзила правый бок, значит, защита не действовала... Можно попробовать включить аварийное питание, но даже на это у него не осталось времени. Зверь затормозил на этот раз слишком быстро, а у него уже нет прежней подвижности, правая нога онемела от удара, и в это время Олег выстрелил. Его выстрел получился еще слабее, чем у Ротанова, но огненный сгусток угодил в голову зверя и на какое-то время ослепил его. Взревав, зверь завертелся на месте. Вот он, удобный момент. Шаг, еще шаг — нога почти не слушается, еще рывок, еще, он почти рядом. Теперь выждать, не вечно же он будет вертеться. Так — остановился, принюхивается, выбирая направление для броска. Видны бельма обожженных глаз, следовательно, с этой стороны дрон не видит. Последний рывок, и Ротанов рядом. На уродливой, покрытой наростами голове зверя отчетливо виднелась щель между костяными пластинами, в нее бил воин. Размахнувшись, он подался вперед и вложил в удар вес своего тела, как де-

лал это в фехтовальном зале, когда хотел достать противника на самой дальней дистанции. Лезвие почти без сопротивления вошло в щель, и в грудь Ротанова ударила струя черной крови. В ту же секунду страшный удар отбросил его в сторону...

3

Стены комнаты, в которой лежал Ротанов, были сложены из толстых стеблей могучих местных трав. Они и пахли соломой. А может быть, аромат сухой травы шел от подстилки. Ротанов пришел в себя несколько минут назад, чувствуя покой и легкость, как всегда бывает после приема дезина.

Не торопясь, словно это было самым важным, он внимательно осмотрел помещенье, в котором очутился. Стены, пол, легкая мебель в комнате — все было сделано из круглых стеблей, не было ни одной ровной поверхности. У него зарябило в глазах от этих толстых травяных трубок, из которых состоял теперь мир вокруг него. Он закрыл глаза и задумался. После того удара на арене прошло, очевидно, немало времени, он смутно помнил, как с него снимали защитный костюм, резкую боль в разбитом теле... Сейчас боль ушла. Он мог даже пошевелить правой ногой, на нее пришелся основной удар. Скорее всего универсальная аптечка из их корабельного снаряжения сделала свое дело. И было что-то еще, чьи-то заботливые, ласковые руки, менявшие повязки, поившие его. Руки он помнил, а вот лица человека, который ухаживал за ним, в памяти не осталось. Мышцы, скованные долгой неподвижностью, казались чужими. Ротанов закрыл глаза, сосредоточился и сел на своем ложе. Боли по-прежнему не было, но резкая слабость не дала встать на ноги. Закружилась голова, он оперся о стену, пытаясь подняться, но в это время слышались шаги у входа. Ротанов замер. Скрипнув, дверь открылась, и вошла женщина. Ее лицо скрывала

плотная, непроницаемая вуаль. В толпе перед поединком он видел немало женских лиц, отметил про себя, что местные женщины отнюдь не безобразны, и, во всяком случае, их лица были открыты. Значит, здесь это не обязательное для всех правило — ходить с закрытым лицом.

Заметив, что он сидит на постели, женщина резко остановилась, дымящаяся жидкость из чаши в ее руках выплеснулась на пол.

— Не бойся меня, я хотел лишь узнать...

— Почему я должна тебя бояться?

— Кто ты?

— Меня называют здесь «Той, что прячет свое лицо». Правила запрещают мне разговаривать с чужестранцами. Сейчас я позову твоих друзей.

— Подожди! Мне так много надо спросить у тебя! Она отрицательно покачала головой:

— Время еще не пришло. Скоро ты все узнаешь.

Женщина поставила чашу на столик и поспешно направилась к двери. Ее мелодичный и несколько печальный голос еще звучал у него в ушах, когда дверь вновь отворилась. В комнату вошли все четверо, весь его экипаж. Они так шумно радовались выздоровлению Ротанова, так преувеличенно бурно и весело рассказывали о теплом приеме, оказанном им местными жителями, что Ротанов заподозрил неладное.

— Хватит. Выкладывайте, что произошло?

— В сущности, ничего особенного. Тебя неделю лечили универсальным дезином, Элсону пришлось порядком повозиться, чтобы срастить перебитые кости. Ты лежал без сознания, как всегда бывает при этом лечении.

— Как лечат дезином, я знаю не хуже вас. Что произошло, пока я был без сознания? Кто эта женщина?

— Отношения с бореями, так себя называют наши хозяева, сложились просто прекрасные.

— Что случилось со связью, со снаряжением? Ска-

жете вы мне наконец, что произошло, или будете продолжать эту детскую игру?

Отстранив Элсона, вперед вышел Фролов.

— Дела, в общем, неважные, капитан. Мы полностью лишились связи и практически всего нашего оборудования. Все батареи вышли из строя. Рации и оружие не действуют. Защита тоже. Почему это произошло, неизвестно. Батареи в полном порядке, но даже загерметизированный аварийный комплект не держит энергии. У Элсона есть теория на этот счет, но никакая теория не вернет нам энергию. Мы практически беззащитны...

— И в этих условиях, как ты понимаешь, мы вынуждены были пойти на некоторые уступки местным обычаям, — перебив Фролова, заговорил Олег, и по ухмылке, которую он изо всех сил старался сдерживать, Ротанов опять заподозрил что-то неладное. — Нам пришлось заключить с нашими хозяевами определенный договор...

— И что же это за договор?

— У этого племени много странных законов...

— У каждого народа свои законы, продолжай, не таяни.

— Ну, после твоей победы над дроном ты стал чем-то вроде местного героя, и вот, чтобы доказать свою лояльность, свои добрые намерения в отношении племени бореев, мы вынуждены были согласиться на твою свадьбу...

— На мою что?

— Ты, главное, не волнуйся, это чисто символический обряд, после которого мы все вместе с тобой автоматически становимся членами племени... Понимаешь, в конце празднества, видеть которое ты уже, естественно, не мог, королева праздника выбрала тебя своим женихом...

— Так... Прекрасные новости... В моем согласии, естественно, не было никакой необходимости.

— Ты ведь был без сознания...

— Ну да, конечно, извини, я забыл.

— Поэтому мы за тебя дали согласие на этот, я повторяю, чисто символический обряд. Через час после свадьбы невеста исчезнет, а мы навсегда станем членами племени бореков.

— То есть как это исчезнет?

— Вот этого я, признаться, не понял. Местный жрец говорит нечто чрезвычайно туманное о змеборстве, о похищении — у них вообще масса мистики. Да это и не так уж важно. Главное мы выяснили: жить с этой женщиной ты не обязан и в дальнейшем можешь даже жениться на другой, если тебе захочется.

— Я вижу, вы всю занимались устройством моей личной жизни. Так куда же все-таки денется невеста после свадьбы?

— Ну, не знаю, не знаю! Спроси у жреца, если хочешь. Он тебе ответит, что ее похитят.

— У них всех невест похищают или мой случай особый?

— Нет, не всех. Раз в год, на празднике Дрона, героем которого ты изволил стать, королева праздника выбирает себе жениха. Жених не может увидеть даже лица своей нареченной. Через час после свадьбы он с ней расстается навсегда. Естественно, от этого выбора нельзя отказаться. Не полагается по их законам. Это было бы смертельным оскорблением, так что мы сочли за лучшее для всех нас от твоего имени дать согласие.

— Ну хорошо. Допустим. Тут я кое-что уразумел. А что вы еще выяснили за эту неделю? Кто они, эти борки? Откуда взялись на планете? Как пережили катастрофу? Есть ли здесь другие племена?

— Получать информацию для нас не так-то просто. Пока мы для них чужестранцы. С нами держатся дружелюбно, но пастороженно. К тому же у этого Рэта, которого ты спас на празднике, немало друзей и родственников, и все они настроены к тебе враждебно.

— Это еще почему?

— Ну, во-первых, помочь воину во время поединка — это значит нанести ему смертельное оскорбление. Они предпочитают погибнуть, но не принять такую помощь, а во-вторых, Рэт, очевидно, не без оснований, рассчитывал, что выбор королевы праздника падет на него, так что он дважды тобой опозорен и ждет лишь удобного случая, чтобы отомстить.

— Этого еще не хватало...

— Кое-что мы все же узнали. Племя бореев на планете не единственное, на других островах обитают племена, которые все время между собой враждуют. Борей в этих конфликтах не участвуют, они вообще не признают войн. Непонятно, правда, каким образом им удастся сохранить мир при таком окружении. С их появлением на планете тоже не все ясно. Дело в том, что, по нашим наблюдениям, их община не могла развиваться до нынешнего состояния на этой планете. Племена здесь слишком малочисленны, слишком разобщены, и тем не менее они уже знакомы с металлургией. Складывается странное впечатление, что биосфера планеты развивалась своим собственным путем, не имеющим ничего общего с людьми, ее населяющими. Взять хотя бы анатомию. После твоего лечения Элсон стал здесь главным врачом. Боюсь, что местный жрец из-за него вскоре потеряет всех клиентов. Правда, болеют борей редко, но дело не в этом, ему удалось взять у них пробу крови, так вот, плазма, состав крови, все абсолютно соответствует нашей, есть даже резус-фактор... А в крови местных животных вообще нет красных кровяных телец, у них кровь на основе меди, она голубая, как у земных осьминогов. Ряд других вторичных признаков говорит о том же: борей не могли родиться на этой планете... Они здесь такие же чужаки, как и мы.

— Подожди. Мне нелегко переварить сразу столько информации. Дай-ка стимулятор, Олег. Сколько я провалялся?

— Пять дней, как всегда при лечении дезином.

Ротанов проглотил красную таблетку в безвкусной, чуть сладковатой оболочке. Минуты две он лежал ослабившись, в ожидании, пока лекарство подействует. Вскоре он почувствовал, как по всему телу прошла волна тепла, исчезла слабость, пришло удивительное ощущение прозрачности мысли.

— Так вот, друзья. Не забывайте, что мы особая группа. И нашей основной задачей по-прежнему остается выяснение главного: кто угрожает Земле, нашим поселениям и нашим кораблям. Кто и почему. Борей, вероятно, не имеют к этому отношения. Скорей всего они лишь косвенно связаны с проблемой, которая нас интересует. Тем не менее дружба с ними может нам пригодиться и для получения информации, и на тот случай, если у нас произойдет столкновение с иными силами.

— Ты все еще не отказался от своей теории о существовании здесь достаточно развитой цивилизации?

— Видишь ли, Олег, одну вещь, во всяком случае, мы выяснили. У Эпсилона только эта планета. Других нет. И если не будет обнаружено каких-нибудь совершенно непонятных для нас форм жизни в самой «черной дыре», то искать тех, кто напал на наши колонии, надо здесь. Вот вы считаете, что борей не могли появиться на острове. Это, конечно, верно. Фактов уже достаточно для такого вывода, но почему не предположить, что они пришли с материка?

— Разве здесь есть материк?

— Мы не успели облететь планету. Большая часть атмосферы была закрыта облаками. Здесь может быть все, что угодно, и материк в том числе, мы пока только еще приступаем к накоплению информации. Открытия возможны самые неожиданные. Вот почему так важно сохранить хорошие отношения с бореями. Если они поделятся с нами своими знаниями, это намного упростит нашу задачу.

Дни стояли на редкость теплыми даже для Энны, как

борей называли свою планету (а может быть, остров. Слово «Энна» скорее всего означало просто мир, в котором живут люди). За последние годы климат изменился в лучшую сторону, он стал ровнее и теплее. Это объяснялось постепенным накоплением тепла в замкнутом пространстве Эпсилона, который, хоть и излучал в настоящее время лишь незначительную часть своей прежней энергии, все же ее постепенное накопление сказывалось на общем балансе тепла в системе. В будущем, когда тепла накопится слишком много, температура на планете должна чрезмерно возрасти, но пока здесь повсюду преобладал мягкий климат земных субтропиков.

В результате смещения излучения звезды в инфракрасную область изменился цвет растительности. Из некогда зеленого он стал бархатно-черным, не отражающим ни единого лучика света. Большинство форм погибло, зато те, что уцелели и сумели приспособиться к новым условиям, разрослись до гигантских размеров и очень быстро заполнили все свободное пространство суши.

Поселение бореев утонуло в море гигантских черных трав. Их верхушки порой вытягивались гораздо выше хижин и смыкали над жилищами людей непроницаемый плотный купол своих шуршащих мягких листьев. Ночами и днями, которые здесь почти не отличались друг от друга, Ротанов слышал однообразный шепот этих листьев, похожий на шум морского прибоя.

Почувствовав себя лучше, Ротанов все чаще стал покидать хижину и знакомиться с поселком. За ним повсюду следовали два молчаливых стража. Очевидно, его новая роль жениха требовала к его персоне особого внимания, поскольку остальные члены экипажа передвигались по поселку свободно и могли идти куда угодно. Первое время Ротанов тяготился этой охраной, но вскоре привык к ней и перестал обращать внимание на молчаливых суровых людей, сменявшихся каждые шесть

часов и не отвечавших ни на один его вопрос... Впрочем, так поступали не только стражи. На Ротанова словно было наложено некое табу, ни один житель поселка не вступал с ним в разговор и сразу же при его приближении уходил прочь; так вели себя все, кроме жреца...

Закончив обед, состоящий из мяса, обильно политого соком пряных трав, Ротанов вышел из хижины и отправился на поиски жреца.

Большинство мужчин в этот час уходили на охоту и рыбную ловлю, в поселке оставались юноши и женщины. При приближении Ротанова они сразу же разбегались. С остальными членами экипажа они вели себя по-другому, и Ротанова порядком раздражало его «особое положение». Посреди поселка, между двумя хижинами, протянулся странный деревянный помост. Вчера его не было. Ротанов, стараясь понять, что это такое, подошел поближе. Помост оказался огромным столом. В обеих хижинах сняли передние стены, и стол шел теперь из одной в другую, перегородив улицу. Приготовления к свадьбе почти закончены... Оставалось всего два дня, а он до сих пор так и не сумел выяснить, что собой представляет обряд «похищения невесты» и какова его собственная роль во всей этой истории... Со дня прибытия его не покидало ощущение участия в театральном спектакле. Этому способствовали многочисленные условности и обряды, сопровождавшие каждый шаг бореев, возможно, был и еще какой-то фактор, понять который до сих пор он так и не сумел. Пройдя вдоль стола, Ротанов заглянул в хижину и вдруг увидел жреца. Этот человек, единственный из всех, не уходил при приближении Ротанова и хоть неохотно, все же поддерживал вежливую беседу, пока Ротанов не начинал задавать своих бесконечных вопросов. Жрец поднял голову. Глубокая задумчивость, почти печаль читалась на изуродованном морщинами и шрамами лице этого человека.

Ротанов подошел и молча сел рядом, пододвинув к себе тяжелую узорчатую чашу, но и она оказалась пуста, как та, что стояла перед жрецом.

— Эти чаши наполняют через два восхода. В день твоей свадьбы.

— Почему ты не хочешь, чтобы я поговорил с «Той, что прячет свое лицо»? Она ведь моя невеста.

— Таков закон. Поговорите после свадьбы, если останется время. Из храма часто не возвращаются.

— Все пугаешь?

— Зачем мне тебя пугать? Разве я не знаю, что те, кто прилетает на огненных колесницах, ничего не боятся? Но есть вещи, которых не дано избежать никому: за рождением следует смерть, за свадьбой — разлука, человеческая жизнь в нашей стране коротка.

— Да, ты философ, жрец. А что касается неизбежности и предопределенности, навязанной чужой волей, мне приходилось с ними встречаться. Ты знаешь, что такое мужество? А что такое дружба, ты знаешь?

Жрец кивнул.

— Станный у нас с тобой разговор. Да, я все это знаю и потому стараюсь понять: чего вы ждете? Люди, стерегущие тебя, не так уж бдительны, а ночи у нас темны, никто не трогал вашу колесницу. Почему вы не уходите, разве у вас мало своих дел?

— Кому-то мы здесь здорово мешаем. Может быть, тебе, жрец? Молчишь? А мы не уйдем, пока не узнаем, для чего здесь похищают невест. Что с ними происходит потом и почему так коротка жизнь в вашей стране?

— Через два восхода свадьба. — Жрец поднялся. — Тогда и узнаешь. Подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал. — И, уже отвернувшись от Ротанова, он вдруг произнес в сторону очень тихой скороговоркой: — Я всего лишь слугитель богини, но я придумываю законы, простой человек не может изменить предначер-

танное, но вы, люди, летающие на огненных колесницах, можете многое. Я покажу тебе дорогу.

Не добавив ни слова, жрец ушел, и Ротанов, оставшись один, долго рассматривал замысловатый узор на тяжелой кованой чаше. Неведомые чудища гнались друг за другом по кругу, и не было конца этому бегу. Кто же такой жрец, друг или враг? И кого он боится? Кого может бояться здесь человек, занимающий в племени столь высокое положение, что сам повелитель входит в его хижину с низким поклоном? Какую дорогу имел в виду жрец? Одни вопросы. Вопросы без ответов...

Странные ночи стояли на Энне. Полные розовых сумерек. Шепота огромных бархатных листьев. Пахнувшей травами тишины, прерываемой лишь далекими криками куков. Ротанов лежал в своей хижине с открытыми глазами и ждал прихода Олега. Днем они обменялись условным знаком, и теперь, как только стражи у входа отвлекутся, Олег будет здесь.

Что-то случилось. Что-то такое, чего не скажешь по селектору связи. Ротанов не разрешал без крайней необходимости этих тайных ночных визитов, но ему самому нужен был Олег. Послезавтра свадьба, и он чувствовал, что события все время опережают их, что они к ним не готовы... Наконец послышался шорох под полом хижины. Ротанов отодвинул циновку. Люк, который они сделали специально для таких неофициальных визитов, откинулся, и появился Олег. Его коренастая массивная фигура угадывалась во мраке лишь смутным контуром. Он все никак не мог отдышаться.

— Сегодня твои охранники внимательны как никогда. Мне пришлось бежать от них в рощу, битый час путать следы и потом возвращаться снова.

— Послезавтра свадьба, и наверно, охрана получила приказ удвоить бдительность. В конце концов там, где похищают невест, никто не знает, что может случиться с женихом.

— Ты все шутишь, а мне не нравится комедия с твоей свадьбой. Она зашла слишком далеко.

— Мне это тоже не нравится, да в чужой монастырь со своими законами не ходят.

Они замолчали, прислушиваясь, но снаружи все было спокойно.

— Половина охраны ищет меня сейчас в роще, а те, что остались, не войдут в хижину, жрец сказал, что им это запрещено.

— Я знаю. Что там у вас случилось? Почему ты подал условный знак?

— Жрец передал мне вот это. Сказал, ты поймешь. Не знаю, что он имел в виду, это похоже на какой-то план, но я в нем ничего не разобрал.

Олег протянул ему шуршащий листок рота. Бореи использовали это растение вместо бумаги. Если по листу рота провести острым предметом, выступал белый сок, хорошо видный на черном фоне, потом лист высушивали, и надпись или рисунок могли храниться сколько угодно долго. Ротанов поднес шуршащий лист к светящемуся плоду гинго. Холодного желтоватого света было вполне достаточно, чтобы разобрать каждую закорючку. Это, несомненно, был план местности. Всмотревшись, Ротанов узнал ущелье, где проходил его поезд с дроном. Стрелка указывала на ущелье, идущее вверх от этого места. В самом конце его была нарисована еще одна стрелка и стоял небольшой крестик. Жрец обещал показать дорогу и сдержал обещание. Вот только забыл объяснить, куда она ведет. Ротанов свернул лист в трубочку.

— С этим я разберусь. Теперь слушай внимательно. Нужно пробраться к шлюпке. Ее наверняка охраняют, поэтому пойдешь ты один. Постарайся не ввязываться в драку. В самом крайнем случае используй сонный газ. Нужно перегнать шлюпку в такое место, где она будет в безопасности и в то же время поближе к поселку. Пока ее обнаружат, пройдет какое-то время. Скоро

она нам может понадобиться. И вот еще что... Попробуй зарядить от ее генераторов два-три комплекта батарей. Элсон считает, что заряд в них держится здесь часов пять-шесть, этого может оказаться достаточно, если ты правильно рассчитаешь время.

— Ты имеешь в виду защитные костюмы?

— Разумеется, не бластеры. Костюмы, связь со шлюпкой. Мы тоже должны подготовиться к свадьбе. Чувствую я, что за ней сразу же последуют бурные события. А теперь иди, пока из рощи не вернулась охрана.

Олег бесшумно исчез в люке, и Ротанов вновь остался один.

Итак, жрец сдержал обещание... План... Что там может быть? Засада? Ловушка? Провокация с целью скомпрометировать «жениха» накануне обряда? Он лежал, вытянувшись на циновке, и вслушивался в розоватую, мягкую, как вата, тишину Энны. Больше всего Ротанов не любил неопределенность и неизвестность. В таких ситуациях он всегда предпочитал ускорять события, идти при малейшей возможности им навстречу. Сегодня такая возможность у него была.

Он бесшумно поднялся со своего травянистого ложа и осторожно, крадучись, подошел к двери хижины. Ни один стебель не скрипнул под его ногами, казалось, во мраке хижины движется лишь тень человека, так осторожны были все его движения. Убедившись, что возле хижины по-прежнему всего два стража и что внимание их приковано к зарослям, где уже слышался шорох ветвей и шум шагов возвращавшихся из неудачной погони за Олегом воинов, Ротанов вернулся к люку. Хижина стояла на столбах. Между землей и полом оставалось достаточное пространство, чтобы в нем мог свободно проползти человек. Ротанов осмотрелся и длинной незаметной тенью нырнул в заросли трав позади хижины.

Судя по тишине, царившей в поселке, его уход остал-

ся незамеченным, вот когда пригодилась фотографическая память и долгие прогулки по поселку, позволившие ему составить в уме точную и подробную карту и самого поселка, и его ближайших окрестностей. Сейчас ему не стоило большого труда привязать к ней план, нацарапанный жрецом.

Выскользнув из поселка, он медленно стал подниматься по дну ущелья, стараясь не выходить из густых зарослей, росших по краям. Розоватая мгла охватывала весь горизонт, и нельзя было понять, где здесь восток, где запад. Обойдя стороной площадку, на которой две недели назад он, спасая жизнь неизвестного ему человека, бросился на разъяренного дрона, Ротанов углубился в узкую расщелину, в конце ее на плане стоял крест — неизвестная цель его путешествия. Отвесные обрывистые скалы подступили вплотную. Заросли истончились и почти исчезли. Идти скрытно становилось все труднее. Впрочем, теперь это уже не имело такого значения, как вблизи поселка. Место, отмеченное на плане, должно быть совсем рядом, но он не видел ничего, кроме зарослей и обрывистых стен ущелья. Едва заметная тропа уперлась в камень. Дальше пути не было. Ротанов остановился в недоумении. Он ожидал ловушки, засады, но не обмана. Что-то здесь не так. Может быть, он ошибся, перепутал ущелья? Он закрыл глаза. Память, словно на фотографии, высветила белые линии чертежа. Нет, все правильно, крест стоял именно здесь, на этой стенке. Он протянул руку и провел по гладкой шероховатой поверхности скалы, и вдруг ниже, там, где плотные невысокие заросли полностью скрывали камень, рука нащупала пустоту.

Лаз оказался узким и неудобным, явно не рассчитанным на его комплекцию. К счастью, ему не пришлось слишком долго протискиваться сквозь эту расщелину, ведущую в неизвестность. Через несколько метров ход изогнулся в сторону и впереди забрезжил тусклый желтоватый свет.

Осторожно пододвинувшись к краю отверстия, Ротанов заглянул внутрь освещенной пещеры. Собственно, это была не пещера. Гладкие ровные стены просторного помещения говорили о его искусственном происхождении. Посреди вырубленной в скале комнаты стоял стол, за которым кто-то сидел. Слишком низкие своды лаза мешали Ротанову приподнять голову, и он не видел лица сидящего. Зато стол он видел хорошо. На нем лежали толстые связки листьев рота и стояли какие-то непонятные инструменты. Там был, например, хрустальный граненый шар, зажатый в бронзовых захватах, странный тикающий механизм в прозрачном корпусе, сфера с нанесенными на нее непонятными значками. Руки сидевшего человека быстро двигались, торопливо раскладывая на столе мелкие предметы, не то фишки какой-то игры, не то крупные зерна неизвестного ему растения. Вдруг человек нагнулся и пристально посмотрел в его сторону. Ротанов вздрогнул, почти физически ощутив этот взгляд, и только сейчас узнал женщину, сидевшую за столом. Слишком хорошо она запомнилась ему во время болезни.

— Разве в вашей стране принято, чтобы гость лежал у порога?

— Нет. Но мне забыли сказать, что меня здесь ждут.

Ротанов спрыгнул внутрь пещеры и осмотрелся. Сухой прохладный воздух шел откуда-то сверху. Желтые светящиеся плоды, развешанные по стенам, создавали мягкое ровное освещение, узкая постель, застланная шкурой, очаг с набором кухонной утвари — здесь было как будто все, чтобы человек мог тут жить долго. Но Ротанов не привык доверять первому впечатлению. Посуда была слишком новой, не тронутой пленкой окиси, вокруг дымового отверстия очага не видно было сажи, а шкура казалась слишком пушистой, слишком ровной. Стилизация, хорошо и старательно выполненная под бронзовый век. Интересно, как она догадалась о

сего присутствии. Он был уверен, что последние несколько метров полз совершенно бесшумно.

— Тебе не нравится мое жилище?

— Нет, почему же, оно рационально.

У очага стояла скамейка, и Ротанов, пододвинув ее к столу, сел, так и не дождавшись приглашения.

— Это всего лишь убежище. На всякий случай. Я не живу здесь, и о нем никто не знает, кроме меня и моего отца.

— Ты дочь жреца?

— Он мой отец, но я не его дочь.

— Как это понять?

— Он считает меня своей дочерью. Но это не так.

— Значит, он твой приемный отец?

— Это слово мне непонятно.

— Ну хорошо. Оставим это... Давай поговорим лучше о завтрашней свадьбе. Я не знаю ваших законов и хочу быть уверен, что ты согласилась на этот обряд по доброй воле, и еще скажи мне, что означает похищение невесты?

— Сразу столько вопросов... Я не могу тебе все объяснить, но завтра ты многое поймешь сам. В обычаях бореев скрыт глубокий смысл, опи... Как бы это лучше сказать, чтобы было понятно твоему механическому слуге, который переводит мою речь на твой язык... Ты так сказал об этом помещении.

— Рациональны?

— Да. Но не все. Есть законы и правила, совершенно непонятные чужеземцам. В тот день, когда ты победил дрона, я была в глубоком смятении. Королева праздника обязана выбрать своим суженым победителя, таков закон. Но им должен был стать Рэт. Я не любила этого человека. Он постоянно преследовал меня и наконец добился своего. Подстроил так, что королевой праздника избрали меня... недолго живет та, которой выпал этот жребий. Рэт — сын вождя, у него много родственников, отец пробовал помешать им, но у него ни-

чего не вышло. Рэт предупреждал меня, что так будет, если я не соглашусь стать его женой, и, как видишь, сдержал слово. В последний свой день я должна была сделаться игрушкой для человека, которого ненавижу. И вдруг вмешался ты. Это было как дар богов, как судьба.

Ее огромные глаза блеснули, как синие влажные звезды, и Ротанов почувствовал странное волнение. Он как зачарованный мальчишка ловил каждое ее слово, каждый звук ее голоса... До него вдруг дошел смысл фразы: «Недолго живет та, которой выпал этот жребий...»

— Ночь коротка, и у нас мало времени. Мне надо объяснить тебе, как поступить в храме Юстары. Ты не знаком с нашими обычаями и вовсе не обязан соглашаться, никто тебя не упрекнет.

— Соглашаться на что?

— Ты не должен оставаться со мной после обряда. Отказаться очень просто. Когда жрец разломит пополам священный плод таны, брось свою половину в источник — это и будет отказ, тогда ты будешь свободен и в любой момент, как только захочешь, сам сможешь выбрать другую девушку. Ту, что тебе понравится.

— Могу я, по крайней мере, узнать имя своей невесты?

— До того, как я стала жрицей богини Юстары, меня звали здесь Элной.

— Скажи, Элна, а если я не захочу отказаться, что тогда?

— Не надо с этим шутить, Ротанов. Ты должен отказаться.

— Позволь мне подумать хотя бы до завтра.

— Ты просто не знаешь, насколько это опасно, не знаешь будущего. Это принесет несчастье прежде всего тебе самому.

Она не смогла бы, наверное, найти лучших слов, чтобы заставить его принять окончательное решение.

Разговор закончился быстро. Пожалуй, слишком быстро. Чего-то она все время боялась или кого-то ждала, «Та, что прячет свое лицо»... Не зря она его прячет. Сегодня наконец Ротанов почувствовал, что вплотную приблизился к разгадке какой-то важной тайны...

Как только он протиснулся в узкую расселину, соединявшую второй выход из пещеры с незнакомым ему рукавом ущелья, он остановился и прислушался. «По старой дороге не ходи, там тебя могут ждать, я покажу другой выход», — сказала она, и вот теперь он стоял на едва заметной тропе один. Скользящие сумеречные тени вновь окружили его со всех сторон. «Слишком долгий восход», — подумалось ему. Или, быть может, закат? Скорее закат, ведь у этого мира нет будущего. Все закончится в гравитационном коллапсе, а коллапс — это попросту смерть для всего живого, вообще для всего сущего, даже для мертвой материи... может быть, тысячу лет продержится сегодняшнее состояние неустойчивого равновесия, а может, всего десять, невозможно предсказать, поскольку неизвестны причины, поддерживающие этот остановленный кем-то космический взрыв... Для этого нужны силы и энергии, о которых человечество сегодня не смеет и мечтать, шутка сказать, остановить гравитационный коллапс звезды... Неужели нашелся разум, способный это осуществить? Или они столкнулись с очередным природным феноменом, которому пока нет объяснения? Бронзовый век? Да, возможно, вот только слишком много несуразностей, противоречий. В одном он сегодня убедился окончательно: «Та, что прячет свое лицо» не принадлежала к племени бореев. Приемная дочь жреца прекрасно владела собой, она великолепно научилась скрывать свои знания и мысли. Наверно, для бореев этого было достаточно, но в мельчайших нюансах ее поведения, в манере

построения фраз он почувствовал интеллект, по крайней мере равный его собственному.

Кто же она такая? Нужно предпринять разведку, немедленно выяснить, есть ли здесь другие земли и народы. Даже если генераторы шлюпки израсходуют весь запас активного вещества, даже вообще без шлюпки, используя местный транспорт, им все равно придется провести детальную разведку, потому что больше ждать нельзя. Элсон не в состоянии рассчитать, как сильно замедляется время внутри этого несуразного мира, насколько оно отличается от внешнего времени. Возможно, прошли все контрольные сроки, возможно, Торсон давно уже вернул «Каравеллу» на базу, поднял тревогу и теперь сюда спешит весь резервный флот Федерации. А у них по-прежнему почти нет никаких конкретных данных, они по-прежнему не готовы к решительным действиям — одни догадки да предположения... «Ничего, — успокоил он себя, — завтрашняя свадьба многое должна прояснить. Не зря ее все ждут, ждут и боятся. Вот мы и посмотрим, кого они так боятся... Возможно, удастся приобрести в лице бореев друзей, да и тайну «Той, что прячет свое лицо» он никогда не узнает, если не доведет обряд до конца. Борей могут оказаться неплохими проводниками, они мало что знают о загадках своего странного мира, но уж местность-то они знают наверняка. С их помощью мы найдем тех, кто управляет этой планетой, кто устанавливает на ней нелепые и жестокие законы». Сквозь привычные шорохи и звуки ночных зарослей Энны, между периодически разрывавшими тишину воплями куков ему послышался посторонний звук, словно камень сорвался со склона под чьей-то неосторожной ногой... Впрочем, камень мог сорваться и сам по себе. Ротанов осторожно двинулся по тропе, стараясь совсем не показываться на открытом пространстве, обходя проплешины и подолгу задерживаясь в боковых ущельях, пробитых в скалах некогда бурными, а теперь уж навсегда исчезнувшими потоками. Не хватало, что-

бы его обнаружили. Сколько он там нарушил этих священных запретов племени, покинув хижину и увидившись до свадьбы с «Той, что прячет свое лицо»?

Вдруг Ротанов резко остановился. Новый звук, долетевший до него, был едва различим, зато он показался ему совершенно чуждым всем остальным шорохам, наполнявшим заросли. Далекий звон струны? Он не успел понять, потому что спустя ничтожную долю секунды раздался резкий свист, и нечто тяжелое с силой ударило в толстый стебель перед ним.

Мгновенно по-кошачьи распластавшись на земле, Ротанов замер. Но ничто больше не нарушало обычных звуков сумеречных зарослей, и если бы не этот предмет, вонзившийся в ствол и теперь слегка раскачивавшийся у него над головой, Ротанов мог бы подумать, что все происшедшее лишь игра его воображения. Он ждал долго, до последнего разумного предела, понимая, что от выдержки, от того, кто первый обнаружит себя, зависит исход дальнейшего поединка. Он был безоружен, но ему необходимо вернуться в хижину до того, как проснется поселок. Больше ждать он не мог.

Плавнo и осторожно Ротанов передвинулся вплотную к стволу и снова замер. Ничего не произошло. Тогда одним резким движением он переметнул свое тело на противоположную сторону, так что ствол теперь оказался между ним и этим неведомо откуда взявшимся предметом, и снова ничего не произошло. Ротанов медленно поднялся, вплотную прижимаясь к могучему стеблю, толщины которого было достаточно, чтобы прикрыть сразу двух человек.

Теперь предмет, застрявший в стебле, оказался напротив его лица с противоположной стороны, оставалось лишь протянуть руку...

Это был трехгранный стальной клинок с двумя лезвиями и рукояткой посередине. Нож, специально приспособленный для метания, и не только вручную. На краю

рукоятки он заметил скобу для тетивы и вспомнил звон струны... Нечто вроде арбалета, метящего стальные клинки. «Сложноватое оружие для бронзового века. Кому-то мы тут сильно мешаем, и вряд ли это бореи...» Он подумал о том, что это мог бы быть Рэт, неудавшийся жених, оскорбленный им на празднике Дрона, и тут же отбросил это предположение, слишком хорошо успел он за эти дни познакомиться с характером бореев. Рэт не стал бы устраивать на него тайной засады, такая победа не принесла бы ему ничего, кроме позора, да и само оружие говорило против этого. Тот, кто стрелял, собирался покончить с ним одним выстрелом. Лишь предчувствие опасности, выработанное годами, внезапная остановка спасли его от этого удара. Ротанов примерил рукоятку. Его ладонь удобно поместилась в ребристом углублении. Что ж, теперь можно поговорить на равных... Выждав еще с полчаса, Ротанов медленно двинулся дальше, никто больше не попытался остановить его.

Стражи возле хижины мирно дремали на своих постах, и когда багровое пятнышко Эпсилона показалось над горизонтом, он уже лежал на циновке, словно и не покидал хижины всю эту ночь.

Утро самого праздника началось торжественной и нелепой процессией. Ротанова водили от стола к столу, от хижины к хижине. Голову его украшал не то венок, не то шляпа, сплетенная из цветов и листьев. Столы ломились от фруктов, рыбы и мяса, неизвестных ему животных. Это была щедрая планета, и она обильно снабжала плодами своей земли народ бореев, не требуя взамен чрезмерных усилий. Ровный и мягкий климат, почти не разделенный на день и ночь, отсутствие в атмосфере сильных воздушных течений — все это вместе создавало впечатление убаюкивающего покоя, почти скуки, и, если бы не его ночное путешествие, Ротанов, пожалуй, смог бы в это поверить. Тревогу вызывало то, что остальных космолетчиков все время держали в стороне от основной

группы наиболее высокопоставленных участников торжества.

Наконец после десяти часов непрерывного рева труб, хмельных криков и непонятных тостов Ротанов понял, что праздник подходит к концу. Предводитель племени произнес заключительную речь, полную тревожных намеков и не менее тревожных поздравлений. Он говорил что-то о вековой каре, о расплате за нарушение традиций, о забытых заветах предков, о том, что чужестранцы, прибывающие на огненных колесницах, позволяют себе слишком много вольностей в их стране. В заключение он сказал, что ждать осталось недолго, расплата близка. И предложил выпить за счастье, которое ждет их всех в недалеком будущем, а Ротанова уже сегодня. Пока под приветственные крики передавали друг другу очередную круговую чашу с хмельным напитком, Ротанову, наконец, удалось протиснуться к Дуброву.

— Крымов не вернулся, батарей нет. Держись. Мы попробуем прорваться к храму Юстары, как только начнется обряд.

— Даже не думайте. С этим я справлюсь сам. Выясните, что со шлюпкой, куда девался Олег.

Дуброва оттеснили, к Ротанову подошел почетный эскорт воинов. Приближалась заключительная церемония, ради которой он терпеливо сносил весь этот балаган.

Храм богини Юстары расположился у подножия горного хребта, разорвавшего сплошное море черных трав, в двух километрах от поселка. «Долина шепчущих листьев» — так называлось это место. Ротанов не раз поражался точности и своеобразной поэтичности местных названий.

Торжественная процессия, возглавляемая помощником жреца, шла по дну постепенно поднимавшегося по склону хребта ущелья. Дышалось с трудом то ли от подъема, то ли оттого, что воздух здесь был до предела насыщен влагой. Наконец в глубине на фоне серого не-

ба обрисовалась громада какого-то строения. И чем ближе они подходили к храму, тем больше Ротанов поражался мрачному величию этого сооружения. Сложенные из огромных неотесанных глыб серого камня, стены производили почти циклопическое впечатление. Никакие механизмы не смогли бы разместиться в узком ущелье и поднять эти массивные глыбы на такую высоту. И тем не менее стены храма торжественно и величественно стояли здесь, прочно врезавшись в землю планеты.

Седой древностью веяло от изъеденных временем замшелых глыб. «Слишком много противоречий, — подумал Ротанов, — натуральное хозяйство, бронзовый век, и вдруг стальные лезвия, самострелы, теперь этот храм, сделанный наверняка не руками людей. Тогда кем же? Слишком много загадок, слишком много тайн на этой планете. А узнали пока так мало... Почти ничего существенного. Ничего такого, ради чего стоило очертя голову бросаться в гравитационную бездну. Где те, кто направляет к Земле «черные корабли»? Где подлинные хозяева планеты? Что, если он ошибся, если планета не имеет ни малейшего отношения ни к пузырям антипространства, ни к нападению на земные колонии, что, если врагов следовало искать совсем в другом месте? Если здесь специально создана хитрая и запутанная ложная приманка, обманный ход противника, желание ввести их в сторону, выиграть время... В одном он был совершенно уверен: кто-то очень хотел, чтобы они опустились на Энну, кому-то это было надо. И кому-то еще они здесь сильно мешали.

Он нащупал под одеждой длинное лезвие кинжала, который вырвал из стебля в ночном лесу. Лезвие казалось холодным и надежным. «Конечно, это не бластер, но и я не простой охотник, как бы дичь не поменялась ролями с теми, кто затеял этот мистический спектакль». Отстранив провожатых, Ротанов решительно шагнул к огромным, похожим на ворота дверям храма. Ворота со

скрипом, тяжело приподнялись при его приближении, открывая мрачный и темный вход, из которого пахнуло холодом. Не раздумывая больше, Ротанов вошел внутрь.

К его удивлению, в храме оказалось достаточно светло. Свет шел сверху, из узких щелей в потолке и от вездесущих здесь универсальных светильников — плодов гинго. Сделав несколько шагов, Ротанов остановился и даже не обернулся, когда с грохотом за ним захлопнулась дверь. Он не собирался показывать своим неведомым противникам, какое впечатление произвели на него эти захлопнувшиеся позади каменные врата. И хотя теперь он остался как будто один, он не сомневался, что за ним наблюдает не одна пара глаз.

Храм был прост, величествен и мрачен. Никакие перегородки не разделяли внутреннего пространства огромной конической башни, форму которой он не мог определить снаружи. Сложенные из грубо вытесанных камней стены поддерживали терявшийся во мраке свод. В центре храма, в сотне шагов от входа, возвышалась статуя женщины. От самой позы женщины веяло безысходной тоской, обыкновенным человеческим горем. Мрачноватый храм, слишком мрачноватый для свадьбы. Ротанов подошел ближе к статуе. Лицо ее скрывало едва намеченное покрывало. Что означает этот повторяющийся символ — женщина без лица? Безликая судьба? Или их боги так жестоки, что предпочитают прятать свои лица? Но тогда почему живая женщина тоже должна прятать свое лицо? Во всем этом некогда разбираться, да и не нужно. Есть вещи, не предназначенные для посторонних, принадлежащие только этому народу и этому месту. Он отошел от статуи и лишь сейчас заметил у ее подножия небольшой каменный бассейн, в котором плескалась вода. «Наверно, это и есть священный источник», — подумал Ротанов. Его мысли прервал голос, раздавшийся высоко под куполом храма. Усиленный и отраженный стенами, он, казалось, шел со всех сторон.

— Чужеземец, желающий взять в жены «Ту, что прячет свое лицо», чисты ли твои намерения? Нет ли в мыслях у тебя коварства и зла, скрытых под покровом внешнего? Зачем ты пришел сюда?

— Слишком много вопросов. Я отвечу лишь на последний. Я пришел, чтобы защитить «Ту, что прячет свое лицо».

— Достойный ответ... — Только теперь Ротанов узнал в этих повелительных мрачных интонациях голос жреца. — Подойди же ближе, и да исполнится предначертанное...

Долгий печальный звук, не лишенный мелодичности, пронесся под сводами храма — не то гонг, не то стон... Ротанов подошел вплотную к источнику. Он дал себе слово не оглядываться, не оглянулся и сейчас, хотя отчетливо различил звук шагов за спиной и вздрогнул лишь тогда, когда в его левую руку легла узкая, прохладная женская ладонь. Две или три фигуры, с ног до головы закутанные в темные покрывала, остались у них за спиной. Подошел жрец в оранжевом плаще со своим неизменным ожерельем из прозрачных камней. Он подал знак, и снова прорыдал гонг. Руки статуи, до этого в скорбном жесте прижатые к груди, вдруг распрямились и оказались теперь протянутыми к Ротанову. На раскрытых ладонях статуи, сделанных из неокрашенного дерева, лежал золотистый неведомый плод. «Наверно, это и есть священный плод таны», — подумал Ротанов. Он стоял неподвижно и прищурившись смотрел на ослепительно желтый плод, казавшийся единственным живым и ярким пятном в этом мертвом храме, в мертвых деревянных руках статуи. Возможно, он должен был сам сделать то, что в конце концов сделал жрец. Шагнув к статуе, он молча взял плод с ее ладоней, разломил его над источником, и Ротанов заметил, что несколько капель сока, красных как кровь, упали в воду. Одну половину плода жрец протянул Ротанову, другую женщине.

Взяв свою часть плода, Ротанов повернулся к «Той, что прячет свое лицо». Сегодня покрывало на ее голове было глухим и непроницаемо-черным, он не смог увидеть даже глаз. Вся ее фигура показалась ему неподвижной, похожей на изваяние богини. Голос под куполом храма спросил:

— Согласен ли ты, чужестранец, победивший дрона, соединить тропу своей судьбы с судьбой женщины, что стоит с тобой рядом? — Ротанову почудился какой-то подвох в этой фразе, но он ответил сразу же.

— Да, согласен.

— Тогда вкуси от священного плода таны.

Ротанов отрицательно покачал головой, повернулся к «Той, что прячет свое лицо» и отчетливо произнес:

— Пусть она сделает это первой. В моей стране женщина имеет такое же право выбора, как мужчина.

Тишина, повисшая в храме, выдала замешательство тех, кто режиссировал этот спектакль. Наконец голос под куполом произнес:

— Хорошо, чужеземец. Богиня удовлетворяет твою просьбу. Пусть «Та, что прячет свое лицо» первой совершит обряд. — Не переменяя позы, деревянным движением, словно она и впрямь была статуей, «Та, что прячет свое лицо» приподняла покрывало, поднесла к губам плод таны, надкусила его, и темная, похожая на кровь струйка сока потекла по ее одежде. Торопливо опустив покрывало, женщина шагнула к статуе и вложила в ее протянутые ладони остатки плода.

Доли мгновения оказалось Ротанову достаточно, чтобы узнать «Ту, что прячет свое лицо». Сомнения отпали. Теперь он знал, что делать дальше.

— Твоя очередь, чужеземец! — произнес голос под куполом.

И Ротанов, по-прежнему не отрывая взгляда от темного покрывала, поднес плод к лицу. В эту секунду сдавленный, сбивчивый шепот коснулся его слуха:

— Не делай этого, я тебя прошу, умоляю! Ты погу-

бишь себя, а мне все равно не поможешь. Брось плод в источник!

Плод был терпким, почти горьковатым на вкус. У Ротанова пересохло во рту, и он проглотил душистый, густой сок, затем шагнул к статуе и вложил ей в ладони остаток плода. В последний раз ударил гонг, померкли светильники.

Ротанов заметил, как в почтительном поклоне склонились перед ним служители храма, и понял, что обряд закончен.

Их пригласили к боковому проходу. Ротанов, не отпуская узкой прохладной ладони, чтобы не потерять женщину в этом полумраке, пошел за служителем. Перед ними открылась узкая каменная лестница. Подъем продолжался долго. Они, очевидно, находились уже у купола храма, в каких-то его верхних, расположенных над крышей этажах. Лестница закончилась узкой дверью, почти щелью. Ротанов с трудом протиснулся сквозь нее следом за «Той, что прячет свое лицо». Служители храма остались снаружи, и едва Ротанов переступил порог, как глыбы за его спиной дрогнули и сошлись вплотную, намертво закрывая выход.

Они очутились в небольшом цилиндрическом помещении метров. семь в поперечнике с совершенно гладкими, уходящими вверх стенами. Пол, устланный пушистыми шкурами, был заставлен блюдами с плодами и местными яствами. Стояли кувшины с соком и брагой. Тут и там тускло светились оранжевые плоды, освещая странную, почти нереальную картину окружающего. Окон не было, лишь узкие, в ладонь шириной, щели связывали с внешним миром их новое жилище. Или темницу? Ротанов заметил, что рука его спутницы слегка дрожит. Он провел по ее волосам, едва коснувшись их торопливым движением, как гладят маленьких детей, чтобы их успокоить. Ни слова не было сказано с той самой минуты, как он услышал ее сбивчивый шепот у священного источника.

— Интересно, как долго мы здесь пробудем? — спросил он, осмотревшись.

— Совсем недолго, только до полуночной зари.

Ее рука снова вздрогнула, и он не стал спрашивать, что случится потом. По местному времени до этой самой «полуночной зари» оставалось не больше двух часов. Он осторожно отпустил ее руку, шагнул к щели, заменявшей окно, приподнялся на цыпочки и выглянул наружу. Перед ним внизу раскинулся весь остров. Если бы не полумрак, он бы, наверное, смог отсюда рассмотреть побережье.

— Больше всего я боялась, что ты не послушаешься меня. Я просила тебя не шутить с будущим, которого ты не знаешь.

— Да, я помню. Именно поэтому я предоставил право выбора тебе первой. Ты ведь тоже могла отказаться. Она отрицательно покачала головой.

— Для меня выбор был определен судьбой.

— И все же ты могла отказаться, ведь могла? Ну скажи, могла?

Он заметил, как дрогнули ее плечи.

— Тогда здесь вместо меня оказалась бы другая женщина. Ты не должен был этого делать, Ротанов.

Несмотря на темную вуаль покрывала, несмотря на то, что он по-прежнему не видел ее лица, он понял, как сильно было ее волнение. Голос стал глуше, и снова чуть заметно дрогнули плечи. Стоило riskовать. Стоило проделать все это хотя бы ради того, чтобы узнать, чего она так боится.

Медленно и осторожно Ротанов обошел по кругу все их небольшое помещение. Он старался не упустить ни малейшей детали. Невеселое место. Похоже на крепость. Только осаждающим сюда не добраться. Он вновь подошел к щели, заменявшей окно, и поразился толщине стен. Не меньше двух метров. Очевидно, снаружи стены сложены из тех же грубо отесанных глыб, только здесь есть штукатурка... Неожиданно это открытие за-

интересовало его. Почему внизу в храме штукатурки не было, а здесь она была? Он попробовал ковырнуть стену осколком сосуда, валявшимся на полу. Стена оказалась твердой. Обожженная глина не оставила на ней даже царапины. Цемент? Во всяком случае, что-то не менее твердое... И кому-то было нужно сделать здесь гладкие стены, именно изнутри.

Чем внимательней Ротанов осматривал помещение, тем меньше оно ему нравилось. Не видно ни единой щели, ему пришлось нагнуться, чтобы обнаружить место, где сошлись плотно подогнанные глыбы, закрывавшие вход.

— Отсюда не выйти, но и сюда не так-то просто войти. Как именно они собираются тебя похищать?

— Давай не будем говорить об этом. И не будем думать. Ты все равно ничего не сможешь сделать. У нас осталось мало времени, стоит ли тратить его на бессмысленные теперь вопросы? Отсюда никто никогда не возвращался. Не вернемся и мы.

Впервые он по-настоящему почувствовал, насколько серьезна ее уверенность в безысходности их положения. Это был не страх, не женская боязнь неизвестной опасности. В ее голосе слышалась спокойная уверенность и безнадежная горечь. И он невольно подумал, сколько же мужества нужно этой женщине, чтобы так держаться.

— Ты можешь съесть что-нибудь или выпить. Здесь много вкусных плодов. Вот, например, плод глады, он очень ароматен, попробуй.

Ротанов отрицательно покачал головой. Во рту у него все горело после сока священной таны. Очевидно, он содержал какие-то возбуждающие, наркотические вещества. Ротанов чувствовал легкое головокружение и теплую волну, распространявшуюся по всему телу. Ему было знакомо это состояние, оно обычно наступало после приема стимуляторов, и он знал, что сумеет держать

себя под контролем, какая бы сильная доза ни оказалась в соке.

— Скажи, а на твоей родине, когда мужчина выбирает себе женщину, у вас тоже бывает обряд, скрепляющий этот выбор?

— У нас выбор всегда взаимен. А обряд... Что ж, пожалуй, это можно назвать обрядом. Мы рисуем наши имена в большой красивой книге.

— И ты уже рисовал там свое имя?

— Нет. Не приходилось.

— Значит, я первая твоя женщина?

Ротанов почувствовал, что настала пора объяснить, расставить все по своим местам. Но он медлил, боялся начать, понимая, что своим объяснением скорее всего оскорбит ее, и не мог поступить иначе.

— Я ведь не успел узнать тебя как следует, я даже не видел твоего лица. У нас выбор не бывает таким скоропалительным. В моей стране мужчина и женщина сначала знакомятся, долгое время дружат друг с другом, иногда эта дружба переходит во что-то большее, и, лишь убедившись в этом...

Он замолчал, чувствуя, что постепенно вязнет в болоте бессмысленных слов и что сказанного уже не вернешь назад. Она долго молчала. И вдруг заговорила как будто совсем о другом.

— Хочешь знать, почему существует обычай, запрещающий открывать мне лицо?

Он молча кивнул.

— Я говорила тебе, что в обычаях бореев много рационального. А этот помогает мужчине, после того, как он останется один, не вспоминать лица той, которая его выбрала. Чтобы для него встреча не стала слишком значительной, чтобы некого было вспоминать. Чтобы навсегда, на всю жизнь, во всех твоих последующих знакомствах, «которые» могут перейти во что-то большее, ты вспоминал меня лишь как «Ту, которая не имела лица», не имела права даже на твою память.

Ротанов чувствовал мучительный стыд и не находил слов, чтобы возразить ей.

И вдруг медленным, спокойным движением она сняла серебряный обруч вместе с темной вуалью, закрывавшей ее лицо. Волосы водопадом рассыпались по плечам, открывая высокий лоб, может быть, чуть слишком высокий, нос слегка вздернутый и, кажется, усыпанный веснушками, хотя в этом он не был уверен, и огромные синие глаза... Тысячи лет на его родной планете отделяли от него эту индивидуальную, слишком уж личную красоту. Смещение рас, смешение стилей и как следствие этого неизбежная унификация сначала одежды, а затем и эталонов женской красоты. Нет, она не казалась ему красивой, но почему же тогда как зачарованный не мог он отвести взгляд от ее лица, словно заглянул в родник с чистой водой, увидел в нем русалку и не отрываясь все пил и пил из этого родника чистую холодную воду. А она не отводила глаз, смотрела на него сурово и строго, словно ни секунды не сомневалась ни в себе, ни в том, какое впечатление произведет на него, словно знала заранее, что наказание за его чрезмерную и неуместную гордость будет действенным и суровым.

В нижних помещениях храма зарыдал гонг. Его звук, густой и вибрирующий, вырвался на свободу и поплыл от храма куда-то вниз, в долину. На секунду Ротанову показалось, что эхо, рожденное горами, вернуло им этот звук, и он упал на них откуда-то сверху едва различимым сдержанным вздохом, словно вздохнуло само небо.

— Надо что-то делать. Надо попробовать вырваться отсюда. Покорность не лучший способ справиться с судьбой.

Она отрицательно покачала головой.

— Отсюда не возвращаются, хотя ты мог бы еще отказаться. Еще не поздно, хочешь, я вызову жреца?

— Вызывай! Пусть они только откроют дверь. Мы уйдем отсюда вместе.

Она вновь покачала головой.

— Стражи на лестнице? Они нас не удержат.

— Я знаю. Но тогда сюда приведут кого-нибудь другого. А жребий пал на меня. По твоим правилам можно так поступать?

— Ну нельзя, нельзя так поступать по моим правилам! Хорошо. Мы останемся здесь и посмотрим, чем оно кончится, это их похищение!

И тогда опять откуда-то сверху донесся могучий и грозный гул, словно вибрировали и стонали сами горы. Ротанов поднял голову и только теперь заметил, что у башни не было крыши. Кусок бледного серого неба очерчивал ровный круг стен, почти сливавшихся с его темным фоном. Но сейчас небо посветлело перед рассветом, и он разглядел то, чего не видел раньше. Обозримая поверхность круглых стен была иссечена глубокими бороздами, словно кто-то рвал их гигантскими когтями. А звук, падавший сверху вдоль этих изодранных стен, становился все грознее, переходил в вибрирующий визг, на который мелкой дрожью отзывались двухметровые крепостные стены храма.

5

Получив задание Ротанова, Олег решил найти проводника. Всего несколько часов ходьбы отделяли поселок бореев от побережья, где приземлилась шлюпка, но в чужой стране лучше не путешествовать в одиночку. Нужен был человек, на которого можно полностью положиться. Ротанов просил сохранить экспедицию к шлюпке в тайне, и, наверное, для этого у него были серьезные причины. После долгих раздумий Олег решил побеседовать с Лартом, дальним родственником хозяина хижины, в которой его поселили. Между ними установились почти дружеские отношения. Ларт нравился Олегу немногословностью и открытым добродушием, которым зачастую в избытке обладают сильные, легко

преодолевающие трудности люди. В дополнение ко всем своим достоинствам Ларт считался одним из лучших охотников племени и наверняка хорошо знал окружающую местность и обычаи племен, живущих поблизости.

Ларт встретил Олега как старого друга, усадил на лучшее место, и между ними завязалась неторопливая беседа о погоде, о ближайшей охоте и о прочих мало-значительных вещах. Борей не любили излишней торопливости ни в делах, ни в серьезных разговорах. Наконец Олег решил, что этикет соблюден, и перешел к делу.

— Тебе приходилось бывать на южном побережье?

— Конечно. Сто ночей назад я ставил там силки на курланов. Там много дичи. Раньше мы часто охотились на юге.

— Ты не мог бы проводить меня к тому месту, где опустилась наша огненная лодка?

Олег решил не скрывать цели своего похода от Ларта. Он считал, что если уж приглашать человека для такого дела, то ему следует доверять полностью. Ларт раздумывал минуты две. Наконец он заговорил, глядя в сторону, и было видно, что ответ ему неприятен:

— Теперь там чужая территория. Мы не можем ходить на южное побережье без разрешения роев.

Олег не знал, кто такие рои, в данный момент это его не особенно интересовало, но дополнительное препятствие вызвало тревогу, и поэтому он постарался уточнить.

— Один из бореев встретил нас, как только мы приземлились, разве он спрашивал разрешения у роев?

— Последние сто ночей борей не ходят к побережью.

— Но человек, который проводил нас до поселка, разве он не борей? Он приветствовал нас от имени «Той, что прячет свое лицо».

— Так называют богиню Юстару и ее жриц, она почитается у разных племен нашего острова. Человек, приведший вас в поселок, не был бореем. Он был роем.

— Хорошо, пусть рой. Мы же не собираемся охотиться на их территории. Раз он свободно пришел в поселок, почему бы и нам не сделать то же самое? — продолжал гнуть свою линию Олег.

— У роев нет своего дома, они ходят везде, где хотят. Им не нужен дом.

— Нет домов, но есть своя земля? Я тебя не понимаю.

— Земля на побережье была наша, но рои сказали, она им нужна. Теперь туда нельзя ходить без разрешения роев.

— Хорошо, давай спросим у них разрешения, раз так нужно.

— С роями может разговаривать только жрец или правитель.

Проблема становилась все сложнее; Олег и так уже нарушил указания Ротанова, посвятив в свои планы Ларта. Теперь во что бы то ни стало нужно было найти способ довести дело до конца, уговорить Ларта обойтись без жреца и правителя.

Они сидели у очага и пили из глиняных чаш нечто вроде чечевичной похлебки. Олег уже достаточно разобрался в местных обычаях, эта чаша давала право задавать хозяину любые вопросы и рассчитывать на правдивый и исчерпывающий ответ, поскольку такую похлебку предлагали лишь тому, кого считали другом. Другом в доме Ларта Олег стал с тех пор, как научил хозяина способу особой закалки наконечников специальных копий, единственного оружия, которым разрешалось пользоваться во время охоты. Копья запрещалось вносить на территорию поселка. Во всем, что касалось оружия, у бореов существовал целый свод сложных правил, иногда противоречивых и запутанных. Складывалось впечатление, что часть из них навязана племени извне. Не эти ли самыми роями?

Олег понимал, что разговор о роях не доставляет охотнику особой радости. И хотя положение друга этого

дома давало ему большие права, нельзя ими злоупотреблять. Все же он рискнул спросить прямо:

— Скажи, Ларт, кто такие рои, почему ты должен их слушаться?

Ларт ответил тотчас же, хотя Олег заметил, как напряглись мышцы его больших рук, выдавая скрытый гнев или волнение.

— Рои обладают большой силой. Они могут повелевать случаем.

— Повелевать чем? — не поверил своим ушам Олег.

— Человек, послушавшийся роя, легко может сломать ногу на охоте, у него может загореться дом, он может заболеть, встретить опасного зверя за пределами охотничьей зоны, у него неожиданно может сломаться копье.

— Иными словами, заклятье рано или поздно сбывается... Ловко придумано.

— Ты не прав. Рои не колдуны. Но они могут подменить хороший день плохим, и человеку не будет удачи. С роями нельзя ссориться. Они приходят и уходят, когда хотят. Мы видим их редко, иногда раз-два за всю жизнь.

— Что им нужно от твоего племени? Вы платите им дань?

— Что такое дань?

— Даете вы им продукты, инструменты, оружие?

— Роям ничего такого не нужно. Они не охотятся, дичь сама приходит к ним, когда надо. На дереве, с которого рой сорвал плод, всегда растут самые лучшие, самые спелые плоды. Если рой захочет напиться, источник найдется от него не дальше, чем в двух шагах. У росв не бывает врагов. Любой зверь, любой охотник, даже воины племени даров, которые не боятся никого, и те всегда уступают дорогу роям. Есть только один остров в нашем мире, над которым рои не властны. Но почему это так, я не знаю. Люди нашего племени не бывают в других землях, нам хватает своей.

— А разве вы не обмениваетесь товарами с другими землями?

— У нас все есть. Зачем?

— А ты сам разве не хотел бы поохотиться в новых местах, увидеть новых людей? — не сдавался Олег. Ларт долго молчал.

— Ты говорил мне о своем мире. Он устроен иначе. В нашем мире человек живет недолго. Нам не хватает времени на чужие земли.

Ларт заметно помрачнел, и Олег вдруг вспомнил, что все люди племени бореов молоды, среди них почти нет стариков, разве что жрец да правитель... Он подумал, что должна быть серьезная причина для того, чтобы люди умирали молодыми в этой стране сплошного изобилия, где съедобные плоды растут круглый год чуть не на каждом шагу. И еще он подумал, что расспрашивать об этом Ларта не очень тактично, есть вещи, о которых тяжело говорить чужим. Но пройдет время, и они перестанут здесь быть чужими. Чтобы это произошло, нужно уметь считаться со здешними обычаями и нравами, даже если тебе это не слишком удобно. Олег медленно поднялся, простился с хозяином и пошел к выходу. Ларт остановил его уже за порогом.

— Тебе очень надо побывать на земле бореов?

— Там осталась моя лодка. Вы называете ее «огненной колесницей».

— Скажи, а в твоей лодке есть копья?

— Копья?

— Копья с очень острыми накопечниками, какие ты научил меня делать, очень длинные и сильные копья, которые могут достать до неба?

Олег постарался не показывать, насколько его поразили этот вопрос.

— Да, в моей лодке есть такие копья. Зачем они тебе?

Обычно добродушное лицо Ларта помрачнело. На широком открытом лбу появились морщинки, он от-

кинул назад длинные пряди волос, спадавшие из-под широкого бронзового обруча на плечи. Казалось, он пожалел, что затеял этот разговор.

— Мне нужно не простое копьё. Мне нужно копьё, которым можно убить стрика.

— Какой он, этот «стрик»?

— Ты ещё очень мало знаешь о нашей земле. Стриком пугают наших детей. Мой отец и моя мать умерли молодыми... Ларт замолк и отвернулся.

— Это случилось из-за стрика?

Не поворачиваясь, Ларт кивнул.

— Я думаю, в моей лодке найдется копьё, которым можно убить любого стрика.

— Тогда я пойду с тобой.

— А как же рои?

— Сначала приходят рои, потом прилетает стрик. Они всегда вместе. Ещё никогда и никому не удавалось убить стрика. Сами по себе рои не так уж страшны, но вместе со стриком они непобедимы. Ты хорошо знаешь силу своего копьё?

Теперь уже Олег пожалел, что затеял этот разговор. Он помнил правила, запрещающие применение земного оружия на чужих планетах с разумной жизнью. Правила, продиктованные не прихотью кабинетного чиновника, а долгим и не таким уж безоблачным опытом общения людей с иными мирами. Вот и здесь вслед за уничтожением этого таинственного стрика на острове может вспыхнуть война, так уже было на Гарте, где свирепые хищники, напавшие на землян, считались у местного племени священными животными, принадлежавшими какому-то неведомому божеству... Слишком мало они пока знали об этой планете: слишком велика вероятность ошибки, ложного, неверного шага. Обманывать Ларта он не мог и не знал, как объяснить ему всю сложность создавшейся ситуации. Все же надо было попробовать, не было другого выхода.

— Не знаю, поймёшь ли ты меня, друг, но у нас то-

же есть свои законы, и они запрещают применять наше оружие, то, что ты называешь «сильными копьями», в чужой стране... Может быть, позже, когда мы лучше узнаем вас, мы сможем помочь твоему народу, а сейчас ты должен помочь нам.

— Ларт не требует платы за свою помощь! Но обещаю тебе взять с собой свое сильное копье. Я покажу тебе стрика, и ты сам решишь, что нужно делать.

Такое условие устраивало Олега, и больше они не затрагивали этой темы. Сборы не были долгими. Утро следующего дня они встретили у излучины реки, за которой начинались владения роев.

Мрачный и молчаливый, Ларт оттолкнул от берега сломанный бурей ствол и, убедившись, что он выдержит двоих человек, жестом предложил Олегу следовать за собой. Ни звука, ни шороха не долетело с противоположного берега, в который теперь ткнулся ствол дерева, направляемый уверенной рукой Ларта. С минуту он стоял неподвижно, прислушиваясь, потом осторожно скользнул в заросли, сделав знак следовать за собой. Ларт вел его новой, более короткой дорогой, и все же Олег вскоре узнал излучину, запомнившуюся при посадке. Их окружали знакомые заросли, из которых выбежал на своих паучьих лапах «странник». Ларт удвоил осторожность. Его движения стали медленны и плавны. Казалось, он все время прислушивался к чему-то. Но тишину не нарушал ни один звук. Даже крики вездесущих куков, доносившиеся с противоположного берега, звучали здесь приглушенно и редко. Сердце Олега забилося учащенно, когда, раздвинув ветви, он увидел прогалину, посреди которой лежала шлюпка. Тусклые серебряные отсветы играли на ее бортах. Старые следы занесло песком, а новых не было видно. Казалось, за все это время ни одно живое существо не приближалось к шлюпке. Олег знал, что иначе и не могло быть. Защитное поле, автоматически включившееся после их ухода, не пропустит на поляну никого чужого.

На открытой прогалине, отделявшей их теперь от шлюпки, не было ничего угрожающего, но Ларт застыл на месте, выставив вперед свое короткое копье. Олег, привыкший доверять чутью своего друга, последовал его примеру. В полной тишине одна за другой текли секунды, и ничего не происходило, но вот наконец Ларт шевельнулся и произнес одними губами:

— Там рой...

Словно подтверждая его слова, справа на прогалину вышли три человека и остановились метрах в сорока от зарослей, скрывавших Олега и охотника. Теперь они преграждали им дорогу к шлюпке, и хотя их руки не сжимали оружия, а в небрежных позах, казалось, не было ничего угрожающего, тревога Ларта наконец передалась и Олегу. Слишком уж неожиданным было появление незнакомцев. Одеты все трое были чрезвычайно просто: в короткие полотняные рубахи, стянутые у пояса кушаками и украшенные не то орнаментом, не то символическим узором. Ноги обуты в сандалии из сыромятной кожи, должно быть, удобные и легкие. Тот, что стоял поодаль, держал в руках странные деревянные трубки, входящие одна в другую, не то посох, не то копье без наконечника. Судя по тому, как расположились рой, по насмешливым взглядам, направленным в заросли, они действительно знали об их присутствии. Повернувшись к Ларту, Олег сказал:

— Что бы ни случилось, не двигайся. Жди меня здесь.

Не обращая внимания на протестующий жест Ларта, он раздвинул кусты и шагнул на прогалину. Рой не изменили поз, не повернулись, и лишь тот, что стоял на тропе, ведущей к шлюпке, сказал, надменно глядя в сторону:

— Сюда нельзя, чужестранец.

— Это наша лодка. И мы будем ходить здесь тогда, когда нам нужно, — спокойно ответил Олег и неторопливо шагнул к человеку, стоявшему у него на пути. Не-

большой камешек, этаким округлый, скользкий булыжник, оказался на тропе как раз в том месте, где опустилась его стопа. Нога подвернулась, и совершенно неожиданно Олег растянулся на земле.

— К роям не подходят без разрешения, это знает любой дикарь.

Ах вот как... Олег сел, приподнял этот камешек и вдруг очень точным и неожиданным движением, почти щелчком, послал его вперед. Камешек ударил стоявшему на тропе человеку в солнечное сплетение, и тот согнулся от боли.

— Это тебе за дикаря. Невежливо так встречать гостей.

Олег поднялся, отряхнул песок. Стоявшие в стороне рои оказались теперь на тропе, преграждая ему путь к шлюпке. Олегу очень не нравились деревянные трубочки, угрожающе выставленные навстречу, они могли оказаться незнакомым оружием, и он уже совсем было собрался попробовать выбить их из рук роев, как вдруг тот, кого он весьма чувствительно щелкнул камешком, предостерегающе поднял руку.

— Подождите. Пусть он сначала покажет дорогу в небесную лодку.

— Ну что же, — усмехнулся Олег, — это совсем несложно. Идите за мной.

Он знал, что защитное поле настраивается индивидуально и никого постороннего не пропустит к шлюпке, так что он ничем не рисковал. Обернувшись на всякий случай и убедившись, что Ларт не показался из зарослей, Олег удовлетворенно улыбнулся. Этот человек нравился ему все больше. Несмотря на всю свою гордость и прирожденную независимость, он прекрасно понимал, как важна дисциплина в сложной обстановке, и если в дороге через заросли Олег беспрекословно подчинялся всем его указаниям, то теперь, у шлюпки, он так же безоговорочно выполнил его распоряжение, — и можно

было не сомневаться: он останется в зарослях до тех пор, пока не вернется Олег.

Дальнейшее было совсем просто. Олег свободно, будто здесь и не существовало никакой преграды, прошел сквозь защитное поле, а трое роев, идущие за ним шаг в шаг, отпрянули, получив ощутимый упругий толчок. Почти сразу же тот, что нес деревянные трубочки, приподнял одну из них, и на границе защитного поля, в том месте, где секунду назад была спина Олега, сверкнуло пламя. Не зря он опасался этих трубочек. Люк открылся при его приближении, а на границе защитного поля сверкнула еще одна вспышка. Судя по мощности, там было что-то вроде реактивного ружья... вот тебе и деревянные палочки, примитивное оружие древних. Одно очевидно: не так просты эти рои, как хотели бы казаться. Где-то у них должна быть производственная база, не на деревьях же растут такие трубочки...

Как только захлопнулся люк и Олег повернулся к пульту, его взгляд приковал к себе уровнемер топлива. Активного вещества оставалось совсем немного, гораздо меньше, чем после посадки... В условиях этой планеты защитное поле сжирало столько энергии, что накопители работали почти на пределе, еще пару недель такого режима, и у них вообще не останется энергии. Олег сел в кресло пилота и задумался. Батареи разряжаются через несколько часов, не работает индивидуальная защита, оружие, передатчики. Энергия словно проваливалась в какую-то дыру. Планета высасывала ее, как насос. С этим что-то нужно делать немедленно. Но что? Можно переключить защиту так, чтобы она включалась, лишь когда датчики дадут сигнал опасности. Это не так надежно, как постоянное поле, зато продлит их энергетические ресурсы почти на месяц. Найти бы здесь активное вещество, способное заменить топливо... Да где его взять? В принципе преобразователи шлюпки могли использовать обычную воду для водородного синтеза, но в том-то и дело, что вода этой планеты оказалась не-

обычной, в ней совершенно отсутствовал дейтерий — изотоп тяжелого водорода, а без него реакция не пойдет. Годились и тяжелые урановые элементы, но, чтобы найти их, надо вести специальные геологоразведочные работы, для бурения скважин опять нужна энергия — получался замкнутый круг.

Месяц не такой уж малый срок, однако если за это время они не придумают чего-нибудь стоящего, со шлюпкой вообще придется расстаться, иначе она попадет в чужие руки, не зря тут дежурят эти рои. Он вспомнил, каким беспомощным почувствовал себя на арене, когда дрон бросился на Ротанова, а его бластер вместо плазмы выплюнул безобидный огненный факел. Судя по рассказам Ларта, здесь есть звери пострашней дрона. Да и вообще, не применяя оружия против людей, лишь располагая надежной защитой, они чувствовали бы себя намного уверенней на чужой планете и смогли бы заставить с собой считаться тех же роев... Что-то нужно придумать уже сейчас. Потому что, как только он выйдет из шлюпки, рои не останутся в долгу... Он вспомнил сицеватую вспышку у себя за спиной и поежился — конечно, защита скафандра будет действовать часа два на свежезаряженной батарее, но где гарантия, что за это время им удастся избавиться от роев? Что, если они последуют за ними в поселок? Ротанову тоже понадобится помощь, не зря он послал его к шлюпке. Мысль Олега лихорадочно работала, он упорно и последовательно искал выход, перебирал и отбрасывал различные варианты — все упиралось в энергию. Все механизмы планетарного комплекса, вообще все земные механизмы работали от маленьких, чрезвычайно емких мезонных батарей, и, лишившись их, они, по существу, стали беспомощны... Но раньше, до того, как стали применяться эти батареи, на Земле существовала неплохая техника и оружие было... «Стоп, над этим стоит подумать». Он понял, что наконец натолкнулся на действительно ценную мысль. Раз не работает современное

оружие, нужно сделать что-нибудь попроще, что будет действовать в условиях этой необычной планеты. К тому же правила внеземных контактов разрешают в случае необходимости использовать оружие и снаряжение, принципиально не отличающееся от известного местной цивилизации. И если удастся изготовить такое оружие, он, пожалуй, сможет выполнить просьбу Ларта... Рои применяют реактивные ружья, значит, здесь годятся химические взрывчатые вещества. Дело за немногим: надо определить состав, рассчитать скорость истечения газов во время взрыва и изготовить оружие, способное действовать на такой основе. Пока работают механизмы шлюпки, изготовить все нужное для этого нетрудно, сложнее будет с расчетами, вряд ли в памяти малого мозга, управляющего шлюпкой, найдутся нужные данные. Придется вспомнить все, что он знал из школьной программы. Включив экран дисплея, Олег сделал предварительный расчет и теперь в общих чертах знал, что ему нужно. Все же без эксперимента не обойтись, и значит, нужно дать предварительное задание планетарному производственному комплексу. Понадобятся чертеж и общий принцип действия, исходные данные. Все остальное сделает расчетный центр... Пока есть энергия, он хозяин положения. Итак, что нам нужно? Прежде всего химическое вещество, которое при нагревании или ударе выделяет достаточное количество газа. Причем скорость истечения не должна быть слишком большой, иначе не выдержит ствол. Какое-нибудь азотистое соединение... Несколько раз Олег набирал на пульте разные комбинации, и конвертер послушно выдавал небольшие порции веществ. Олег испытывал их в закрытой камере, измерял давление и давал новое задание. Наконец после двух часов напряженной работы пироксилиновый порох, основательно забытый на Земле, был вновь изобретен... Затем он приступил к расчетам качества стали, толщины стенок ствола. Цифры предварительных расчетов ложились на чертеж. Наконец в об-

ших чертах Олегу стало ясно, что у него получилось. Это было нечто среднее между древним пороховым карабином и реактивным ружьем. Оружие достаточно портативное и в то же время способное поразить любого зверя. Пришлось пойти на увеличение массы пули и калибра оружия. Зато ствол получился коротким, а если к нему добавить съемный приклад, карабин можно будет носить на поясе... Оставался прицел, тут уж Олег не пожалел времени. Бластеры стреляли широким лучом, и не нужно было заботиться о точности попадания, так что снайперскими навыками они не обладали. Из этих соображений он и исходил, пристраивая наверху ствола мощную современную оптику с корректировкой. Закладывая чертеж и окончательные расчеты в машину, он задумался. Рои располагали реактивным оружием, бореи — примитивными копьями, да и те фактически находились под запретом. Остров не такой уж большой, и с этими реактивными ружьями роям ничего не стоило обезопасить поселения бореев от опасных животных, однако бореи почему-то умирали молодыми, и роев, похоже, это не беспокоит.

Имеют ли они право вмешаться в этот запутанный баланс сил, не разобравшись толком, кто есть кто? Вполне может случиться, что у них не останется времени разбираться; оружие легко пустить в ход, и гораздо трудней ликвидировать причиненное им зло. А исполнительные механизмы в нижнем этаже шлюпки безостановочно урчали, выполняя его задание. Люди не могли стать пешками в чужой игре, не затем послала их сюда Земля. И не стоит сейчас думать об общих стратегических вопросах. Его задача гораздо проще — вернуться к Ротанову и помочь, если успеет. Дорога оказалась слишком сложной, сложнее, чем он ожидал. Слишком много времени потеряно. Зачем роям понадобилась шлюпка? На простое любопытство невинных дикарей их действия мало похожи... После того очень уж кстати подвернувшегося под ногу камешка его скептицизм к

рассказах Ларта о сверхъестественных возможностях роев несколько поубавился. Конечно, в основе их умения управлять случаем лежат объективные причины, но если такое управление в принципе возможно и если они действительно им владеют, справиться с роями будет нелегко, и его пороховые ружья окажутся против них жалкими игрушками... Ну, это мы еще проверим. Несмотря на свое могущество, в шлюпку рои не вошли. Там, где требуется одной силе противопоставить другую, они чувствуют себя неуверенно, но там, где можно схитрить, нанести удар из-за угла, они не знают себе равных, недаром Ларт говорил о неожиданно ломающихся копьях, о замаскированных ямах, попадающихся на пути неугодного роям охотника. Лучше всего было бы не связываться сейчас с роями, поднять шлюпку и перевести ее в другое место, как просил Ротанов. Если бы не дефицит топлива, он так бы и поступил. Но в условиях Энны полет даже на самое близкое расстояние полностью лишит их всех остатков активного вещества. Олег вздохнул и пошел к люку, ведущему в машинный отсек. В конце автоматической линии формирующих агрегатов, соединенных с конвертером, производящим любые нужные материалы, мигала зеленая лампочка, сигнализируя о том, что его заказ выполнен. Олег достал из приемника еще теплое оружие, оно получилось неказистым и, пожалуй, не очень удобным. Зато в мощности и точности боя сомнений у него не было... Заказав две сотни зарядов и еще четыре таких карабина, Олег вышел из шлюпки с твердым намерением проверить свое оружие.

Рои находились неподалеку и, как только увидели Олега, тут же подняли свои деревянные трубочки. Две вспышки на границе защитного поля заставили их прекратить бессмысленную стрельбу. Видимо, они не понимали, в чем тут дело, и не могли объяснить неуязвимости человека. Защитное поле обладало односторонним действием. Извне оно не пропускало никакие посторон-

ние материальные предметы, зато наружу путь был открыт. Этим Олег решил воспользоваться. Интересно, как себя поведут избалованные безнаказанностью надменные повелители случая, если с ними поменяться ролями? Не торопясь он поднял карабин и стал крутить кольцо наводки. Приклад оказался неудобным, зато оптика превзошла все его ожидания, он мог рассмотреть аккуратно выщипанную клинообразную бородку того, чье лицо заполняло сейчас перекрестье прицела. Он опустил ствол карабина ниже, отвел его чуть правее и плавно нажал спуск. Тяжелая пуля с визгом ударила о камень в полуметре от роя. Осколки камня и брызги свинца заставили его подпрыгнуть. Он с криком бросился к зарослям. Второй выстрел выбил у него из-под ног изрядный кусок земли. Рой споткнулся и трусливо юркнул в расселину. Второй рой поднял свою трубку и выпустил в Олега три заряда подряд.

— Давай, давай... Привык стрелять по безоружным, а как тебе это понравится?

Олег поймал в перекрестье прицела конец деревянной трубки, прицел позволял класть пули с точностью почти до сантиметра, он убедился в этом, когда после выстрела расщепленные остатки оружия выпали из рук его противника. Еще два-три выстрела, и роев с поляны как ветром сдуло. Путь был свободен. Вернувшись в шлюпку, он забрал боеприпасы, остальные карабины, комплект батарей и уже совсем было собрался уходить, когда подумал о том, что на этой планете слишком много случайностей... Слишком много неожиданных и непредвиденных обстоятельств. А если они сложатся так, что никто из них к концу этого месяца не сможет сюда вернуться? Нельзя рисковать. Подойдя к пульта, Олег отстучал управляющему центру шлюпки программу, по которой последние остатки энергии в накопителях будут израсходованы на уничтожение шлюпки. Теперь, по крайней мере, можно быть уверенным, что она не попадет в чужие руки. Олег вскинул за плечи изрядно по-

тяжелевший мешок, подключил к костюму свежую батарею и покинул пределы защитного поля.

Ларт ждал в том месте, где он его оставил. Видимо, баталия, разыгравшаяся около шлюпки, произвела на него неизгладимое впечатление. Охотник был мрачнее тучи.

— Рои отомстят нам обоим.

Олег усмехнулся.

— Теперь у нас есть копья, о которых ты просил. С ними не страшны никакие рои.

— Копья роев сильнее. И они никогда не прощают обид.

Словно подтверждая это, огромный стебель, мимо которого они проходили, вдруг обломился у самой вершины. Тяжелый ствол с острыми как бритва краями ударил Олега в спину. Если бы не включенная защита костюма, он был бы убит на месте. Удар оказался настолько силен, что костюм, ставший монолитным в момент удара, на несколько сантиметров вдавился в землю, а обломок отлетел в сторону.

— Основательно они действуют, — пробормотал Олег... — Если так будет продолжаться, нам непоздоровится. Должно же быть и у них какое-нибудь уязвимое место! Надо выяснить, откуда они пришли и что собой представляют в действительности их таинственные способности по подстраиванию таких вот неожиданных пакостей.

— Вся их сила от стрика. Когда прилетает стрик, умирает много бореев, а рои становятся непобедимы. Если твое копьё победит стрика, мы сами справимся с роями.

— Ну что же, давай искать твоего стрика.

— Его не нужно искать. Он пролетит мимо вон той скалы. Если мы сможем добраться до вершины, если рои не убьют нас по дороге, ты увидишь стрика.

Гигантское сорокаметровое тело крылатого змея обвилось храмом. Шесть пар перепончатых кожистых крыльев сложились в уродливые бугры на спине. Тяжелая обрубленная голова оканчивалась узкой, вытянутой вперед пастью, усеянной острыми и длинными зубами. Сейчас из пасти то и дело показывался и исчезал раздвоенный розовый язык, шершавый и покрытый пеной. Змей тяжело дышал. Полет отнял у него много сил, и сейчас он отдыхал, удобно разместив свое длинное тело между выступами храмовых стен. Много лет подряд прилетал сюда змей, и мельчайшие детали того, что должно было произойти через несколько минут, всегда повторялись. Рождались ли какие-нибудь мысли в этой крошечной по сравнению с гигантским телом голове? Или там находили свое место лишь одни желания: жрать, спать, пить?

Как бы там ни было, змей привык к повторявшемуся ритуалу. Он был стар, безнадежно стар, и потому его одолевала усталость и голод. Вот он зевнул, потянулся, тысячи суставов в его многометровом позвоночнике захрустели. Пора было приступить к делу.

Ротанов со дна каменной чаши не мог видеть всей картины в целом и не представлял себе размеров чудовища. Наверно, поэтому голова, показавшаяся в овале стен, не произвела на него особого впечатления. Возможно, он ожидал чего-то большего. Трехметровая пасть, источавшая зловонное дыхание, с тарелками бессмысленных мутных глаз, показалась ему слишком уж простым решением вопроса. Не таких монстров встречал он на Земле Брамова. Он не растерялся, не потерял ни секунды. Шея у огромной головы змея была слишком толстой, слишком неповоротливой. Чудовище не спешило, и у Ротанова оказалось достаточно тех растянутых долей секунды, которые приходят к хорошо тренированному человеку в напряженный момент. Он

успел отбросить женщину, увернуться от щелкнувших рядом с его рукой зубов, успел достать нож и нанести первый удар, прежде чем голова отпрянула в сторону и вверх. Удар был неудачен. Лезвие скользнуло по роговым чешуям, не задев глаза, и лишь сбоку располосало язык змея. Рев его был ужасен. Казалось, не выдержат барабанные перепонки и рассыплются каменные стены храма.

Только сейчас по этому реву Ротанов почувствовал и оценил всю титаническую мощь чудовища, напавшего на них. И почти сразу же последовал следующий бросок, теперь уже направленный на одного Ротанова, гораздо более точный и более стремительный, чем первый. И все же Ротанов вновь сумел увернуться. Голова змея со страшным грохотом ударилась в стену храма. Во все стороны брызнули осколки камня, стена треснула, змей вновь взревел и на секунду потерял ориентировку после удара. Этого оказалось достаточным для того, чтобы Ротанов оказался рядом и глубоко, по самое плечо, погрузил руку с ножом в пасть змея. Он сделал это почти инстинктивно, не особенно рассчитывая на успех, лишь отыскивая уязвимое место в бронированной со всех сторон, похожей на наконечник огромного тарана голове. Нож был длинным, казалось, неведомый оружейник специально рассчитал длину и прочность этих голубоватых негнущихся лезвий. Змей попытался сомкнуть челюсти и окончательно заклинил нож, причинивший ему неожиданную боль.

Теперь на какое-то время он был лишен возможности пользоваться своим главным оружием — острыми полуметровыми клыками и длинными рядами челюстных зубов, но и Ротанов остался без ножа... Чудовище разъяренно ревело, ослепленное болью. Ротанов обернулся к женщине. Она стояла у стены, совсем не в том месте, куда он отбросил ее в начале поединка. Стояла спокойно во весь рост, гордо скрестив руки на груди и откинув голову. Ни тени страха или тревоги не было на ее

лице, он почувствовал, что в ее неестественном спокойствии кроется нечто важное.

Змей изловчился и ударил снова. Ротанов рванулся в сторону, но на этот раз не совсем удачно. Его нога попала в скользкую кашу из плодов. Он почувствовал, что теряет равновесие, и в ту же секунду оказался на полу. Высоко над ним толстая двухметровая шея сократилась и раздулась. Щиток головы был теперь направлен прямо в его грудь. Он подумал, что на этот раз ему уже не увернуться. Подумал об этом совершенно спокойно и откровенно, словно речь шла о ком-то постороннем. Смерть под этой многотонной глыбой мяса казалась ему слишком нелепой и оттого нереальной. А между тем голова уже двинулась вниз, ускоряя свое смертоносное движение. Женщина, до сих пор безучастная, вдруг сделала шаг вперед и выбросила руку, словно закрывая его беспомощное тело. Ее губы шептали что-то, какие-то слова, незнакомые и странные. Голова змея вдруг дернулась, словно наткнулась на невидимую преграду. Рванулась назад и исчезла.

Ротанов уже был на ногах. Несколько секунд он смотрел на женщину, стараясь осмыслить только что виденное.

— Я знаю древнее заклятие, иногда оно помогает...

— Ну конечно, заклятие... Как я сразу не догадался! Это же так просто!

— Ты мне не веришь?

— Я во что хочешь поверю, если этот монстр оставит нас в покое.

Она отрицательно мотнула головой.

— Это невозможно. Он не оставит нас в покое... Я не должна была, но он хотел тебя убить, и вот теперь он знает...

— Знает что?

Она молчала, он бросился к ней, схватил за плечи и встряхнул. Наверху, у кромки стен, ворочалось и шур-

шало чудовище, и Ротанов подумал, что короткая пере-
дышка сейчас кончится.

— Ну же, у нас мало времени! Скажи, что он знает, что?

— Он понял, что я не бореяка. Они охотились за мной много лет и теперь не оставят в покое... Змей, это так... Змей не самое страшное. Гораздо страшней остров Рин. Если бы ты послушался меня и остался в храме. А теперь...

Она не договорила, потому что сверху на них обрушился тяжелый шелестящий клубок щупалец. Ротанов боролся несколько минут. Но противостоять этим живым канатам было невозможно. Они оплетали, сдавливали тело, мешали дышать. Толстые и мощные, похожие на тело земного питона, необычайно гибкие и подвижные щупальца в несколько минут сделали то, что было не под силу клыкастой пасти. Ротанов почувствовал, что не может двигаться. Он был скован, он задыхался и почти ничего не видел вокруг, кроме этих извивающихся, покрытых сухой и горячей кожей, отвратительно упругих и живых веревок.

Змей расправил одну за другой пары шелестящих и звенящих крыл, похожих на паруса древних фелюг, тяжело оторвавшись от здания храма, взлетел и медленно начал набирать высоту, унося с собой плотно спеленатых Ротанова и женщину.

Позиция, выбранная Лартом, казалась удобной, почти неприступной. Единственная тропинка, ведущая между осыпей по крутому склону горы, здесь обрывалась. На вершине горы оказалась небольшая, плоская как блюдечко площадка, защищенная со всех сторон обломками скал и тяжелыми валунами. Олег прилег за выступ и осмотрелся. Ни один человек не смог бы подняться сюда незамеченным. Пока не кончатся заряды, им здесь ничто не грозит. Роям дорого обойдется этот бой.

Два часа, с той самой минуты, как на Олега обрушился обломок ствола, рои гнали их через лес, прижимая к скале и отрезая от поселка бореев.

Казалось, реактивные снаряды падали с деревьев, как перезревшие плоды. Им ни разу не удалось увидеть своих преследователей, так искусно маскировались рои. Когда Олег понял, что батареи, заряженные в шлюпке, вновь начинают терять свою силу, они сменили позицию. И вот теперь они на вершине скалы стрика. Рои наверняка уже окружили эту одинокую гору и не выпустят их отсюда. До заката, возможно, удастся продержаться, а там посмотрим, ночью у них появится шанс прорваться.

Олег повел прицелом вдоль тропинки. Ни движения, только мертвые камни поблескивали в голубоватом окуляре прицела. Рои осторожны, они не станут лезть напролом, подставлять свои драгоценные головы под выстрелы. Они придумают что-нибудь иное, какую-нибудь очередную пакость. «Честный поединок не для роев», — заметил Ларт, а он хорошо знал тех, о ком говорил. Не прошло и получаса, как внизу, на тропинке, показался парламентар, размахивающий черным листом джуты, — у бореев это означало что-то вроде белого флага.

— Не верь ему. Рои предложат мир, они дадут тебе награду, если ты согласишься уйти с этой скалы.

— Давай хотя бы послушаем, что он скажет.

— Слушать роя опасно. Убей его.

— Разве борей убивают тех, кто приходит с веткой джуты?

— Нет. Но для тех, кто начал войну с роями, не существует законов.

— Значит, мы не первые? Кто-то уже пробовал справиться с роями?

— У бореев много храбрых воинов. Они нарушили запрет и не вернулись. Никто не узнал, как они погибли. Мы тоже не вернемся.

Олег поставил карабин на предохранитель и прислу-

шался. Звук шагов идущего по тропинке человека не долетал до них, он слышал лишь свист холодного предрасветного ветра.

— У нас тоже есть свои правила. Мы их не отменяем даже для роев.

Олег расстегнул рюкзак с немудреными запасами, взятыми с собой из шлюпки, и достал несколько банок с яркими этикетками. Здесь были консервированные соки, фруктовое желе — пожалуй, это подойдет. Расстелив на камне бумажную обертку, он стал сервировать на ней импровизированный ужин, добавив горсть душистых плодов, сорванных по дороге.

— Зачем ты это делаешь сейчас, ты голоден? — не выдержал наконец Ларт, со все большим изумлением наблюдавший за его приготовлениями.

— У людей принято встречать гостей за столом.

— Это рой гость? Ты хочешь угостить роя?! — Ларт попятился. — Он не примет твоего приглашения, человек, а если примет, так знай — отведавший пищу за одним столом с роем не может вернуться в племя. У него одна дорога — остров Рин.

— Мы уважаем чужие законы и правила. Но сейчас это касается только меня одного. Ты можешь не есть. Никто тебя не принуждает.

Ларт, не скрывая своего возмущения, отошел в дальний угол площадки. Послышался шум осыпавшейся земли, и через несколько секунд на площадке появился рой. Это был важный и очень серьезный рой. Три сверкающие полосы, украшавшие его плащ, говорили о высочайшем ранге посла. Олег шагнул навстречу.

— Легка ли была дорога? — начал он разговор с обычного приветствия бореов.

Рой усмехнулся.

— Ты хорошо узнал наши обычаи, чужеземец. Дорога была нелегка, и я пришел сюда не для пустых разговоров.

— Не спеши. Утоли сначала голод, если дорога была нелегкой, это поможет нашей беседе.

— Рои знают силу тех, кто летает на огненных лодках, и потому мы хотим предложить тебе договориться на честных и почетных условиях, — сказал рой, полностью игнорируя предложение Олега к совместной трапезе.

— Те из вас, с кем я встретился раньше, не хотели разговаривать...

— Они простые воины. Им было поручено охранять лодку, они не могли говорить с тобой. Для этого пришел сюда я.

— Что же хотят предложить нам рои? — спросил Олег, непринужденно и как бы невзначай пододвинув к себе салфетку с обедом.

Бореи считали, что, если один из собеседников во время важных переговоров уделяет время для пищи — это свидетельствует о его мирных намерениях, а ему очень хотелось закончить начавшийся конфликт с роями мирным путем. Для того чтобы разобраться в обстановке на планете, им нужен был мир со всеми племенами, населявшими ее. С другой стороны, он понимал, как невыгодно и даже опасно показывать свою слабость. Слишком откровенное желание мира могло быть истолковано превратно, и потому, подержав в руках плод, он положил его обратно на место и стал ждать ответа на свой вопрос. Рой, внимательно наблюдавший за всеми его действиями и не упустивший ни одного жеста, нахмурился.

— Те, кто летает на огненных лодках, часто вмешиваются в дела, в которых ничего не понимают, это всегда кончается плохо.

— Для кого? — с невинным видом спросил Олег.

— Прежде всего для тех, кто вмешивается, а также для тех, кому вы хотите помочь. — Рой метнул многозначительный взгляд в сторону Ларта. — Это скала стрика, ты пришел на нее с оружием, нарушив все наши за-

коны. Человек, который привел тебя сюда, заплатит за это жизнью. Тебе же лучше всего уйти обратно в свою страну. Тебе никто не мешает. Дорога открыта. Рои готовы забыть нанесенные им обиды, если ты уйдешь с миром.

— Не так уж много обид нанесли мы вам. И прежде чем ответить, я хотел бы знать, за что вы преследуете наших друзей бореев?

— Мы никого не преследуем. Мы лишь управляем нашей страной, а управление без суровых мер невозможно. Каждому народу определено его собственное место на Энне.

— Кто же определяет это место?

— Ты хочешь знать слишком много, чужеземец.

— Вами тоже кто-то управляет?

— А разве вы не подчиняетесь своей судьбе?

Олег усмехнулся.

— Не всегда. Иногда мы ее изменяем.

— Никто не может противиться неизбежному, а человек из двух зол всегда выбирает меньшее. Вот и вам придется покинуть эту скалу.

Олег, не переставая улыбаться, взял плод, надкусил его и только после этого проговорил:

— Не раньше, чем я узнаю, что собой представляет стрик.

— В таком случае вы оба погибнете.

— Тем не менее мы останемся здесь.

Рой вздохнул и поднялся.

— Я знал, что не смогу тебя убедить. Но мне нравится ваше мужество, и на прощанье я скажу: не рои желают вам зла.

Посланец поднялся и неторопливо пошел по тропинке вниз. Вскоре звук шагов затих, затерялся в свисте холодного ветра, навалившегося на вершину скалы с востока. Казалось, ветер плакал о чем-то, разрываясь на иззубренных скалах. Несколько минут прошло в полном молчании.

— Все, что предсказывают рои, всегда сбывается, — мрачно пообещал Ларт, и, как бы подтверждая его слова, скала дрогнула у них под ногами. Гул тяжелого подземного удара прокатился во все стороны. Очертания окружающих предметов размазались. Олег увидел, как с ближайших скал отрываются огромные куски породы и с грохотом катятся вниз. Второй подземный толчок сбил его с ног.

Ротанов не чувствовал боли. Его как будто запеленали в толстый резиновый шланг, податливый и упругий, плотно обволакивающий тело, сковывающий движения, но не причиняющий боли. После упорной борьбы ему удалось согнуть в локтях руки и подтянуть их к туловищу. Упираясь коленями и локтями, он слегка ослабил хватку щупалец, создавалась даже иллюзия их слабости, но он уже узнал, что это не так. В определенный момент мускулы напрягались, и тогда пружина, обернувшая его тело, становилась твердой как сталь. Хуже всего полная физическая беспомощность, он даже не мог узнать, что произошло с «Той, что прячет свое лицо». Ротанов пытался окликнуть ее, но скорость полета была слишком велика, и свист ветра заглушал голос. Он не оставлял попыток освободить хотя бы голову. Наконец ему удалось образовать узкую щель, сквозь которую можно было смотреть. В багровом свете утра он видел под собой смутные очертания лесов и холмов, над которыми они летели. Он не знал, сколько прошло времени. Очевидно, остров в эту сторону вытягивался далеко, во всяком случае, моря пока не было видно. Ротанов сосредоточился на проплывающей внизу местности. С такой высоты она казалась грубо нарисованным куском холста, и не составляло особого труда в уме перевести ее в картографическую схему. Змей летел теперь медленно, и Ротанову показалось, что они начинают терять высоту. Изрезанные ровными просеками заросли

стали как будто ближе. Далеко впереди он заметил высокую, отдельно торчащую скалу, словно каменный зуб, вознесшийся к горизонту. Змей явно направлялся к этой скале. Далекий и непонятный гул донесся оттуда. Очертания скалы дрогнули и расплылись. Казалось, какая-то неведомая чудовищная сила встряхнула ее с вершины до самого основания. «Землетрясение, — догадался Ротанов, — там внизу землетрясение или, быть может, извержение вулкана... Вряд ли он будет сюда садиться...» И действительно, змей вновь часто и тяжело хлопал крыльями, стараясь вернуть потерянную высоту. Ему удалось это сделать уже перед самой скалой. Вершина скалы пронеслась под ними. Это произошло так быстро, что Ротанов не успел рассмотреть ничего, кроме небольшой красноватой вспышки, мелькнувшей внизу. И почти сразу же резкий звук выстрела разорвал воздух. Еще и еще раз мелькнули внизу вспышки, и раскаты второго и третьего выстрелов нагнали их в полете. Но прежде, чем звук третьего выстрела хлестнул в уши, змей дернулся так, словно раскаленная игла пронзила его тело. Щупальца судорожно сжались, и Ротанову показалось, что это конец, такой нестерпимой была боль от железных тисков, сдавивших ему грудь. Это продолжалось всего несколько секунд, змей выравнивал свой полет, однако крылья хлопали теперь чаще и не так ритмично, как раньше. Живые канаты, сжимавшие тело Ротанова, неожиданно ослабли. Упираясь подошвами ног и локтями, он смог теперь продвинуться вперед настолько, что голова оказалась свободной. Эта маленькая победа придала ему новые силы, и, протиснувшись еще на несколько сантиметров, он сумел наконец повернуть голову и посмотреть, что случилось с девушкой. Однако его ждало разочарование. Живой кокон щупалец, скрывавший ее, остался непроницаемым. Ни движения, ни звука не долетало с той стороны. Возможно, последняя конвульсивная хватка змея оказалась слишком сильной, и «Той, что прячет свое лицо» уже не

было в живых. Возможно, она лишь потеряла сознание, помочь ей он пока не мог. Змей летел теперь быстрее, чем прежде. Ротанов всмотрелся в однообразную поверхность, простиравшуюся внизу, и понял, что это уже море.

Прошел час, может быть, больше. Ротанов терпеливо выжидал момент, когда чудовище ослабеет. Он не сомневался, что выстрелы, прозвучавшие с вершины горы, не прошли для змея бесследно. Лишь бы дотянул до какой-нибудь суши. Но змей слабел гораздо быстрее, чем хотелось Ротанову. Поверхность воды становилась все ближе, и все реже, все судорожней бились над головой перепончатые кожистые крылья. Теперь разжать кольца щупалец оказалось уже нетрудно. Он освободил руки, и передняя часть его туловища повисла в пустоте. Несколько раз он пытался ухватиться за костяные выступы, тянувшиеся вдоль всего тела чудовища, и наконец после очередной попытки ему это удалось. Выступ оказался иззубренным, неровным, держаться за него было не так уж трудно. Отталкиваясь ногами от слабо сопротивлявшихся щупалец, Ротанов медленно, сантиметр за сантиметром, стал подтягиваться вверх и наконец, обхватив гигантскую лапу, оказался сидящим на широком кожистом основании, из которого росли щупальца пальцев. Теперь он мог дотянуться до кокона, спеленавшего девушку. После долгих усилий раздвинув, наконец, живую пружину, он освободил ей лицо.

Порыв свежего ветра принес с собой мелкие водяные брызги. Женщина открыла глаза и посмотрела на Ротанова.

— Где мы?

— Жива! Самое главное, ты жива... Летим пока что, но кто-то подстрелил нашего змея, и, похоже, лететь нам осталось недолго.

— Подстрелил змея? Этого не может быть. Змеей неприкосновенен для всех племен. К тому же его охраняют, разве только кто-то из ваших...

— Я посылал своего друга к шлюпке, но стреляли не из нашего оружия. Далеко ли до ближайшей земли? Если мы упадем в океан, оттуда не выбраться.

— К острову Рин змей обычно прилетает к вечеру. День пути... Но сегодня он очень спешит, слышишь, как часто бьют крылья? На нашей планете нет ничего страшнее острова Рин. Если мы туда долетим, нас ждет рабство. Унизительное, бесправное рабство, о котором вы не имеете ни малейшего представления. Ни ваши исторические книги, ни видеокристаллы не могут передать чувства того, кто сам его испытал... И неизвестно еще, сумеем ли мы что-нибудь изменить.

— Постой... Я не понимаю... ты знаешь о наших книгах, о видеокристаллах? Откуда?

— Я многое знаю, Ротанов, и ты давно догадался, что я не простая борейка. Когда-то я была хозяйкой этой планеты, и тогда здесь не было рабства. Но это долгая история, и ни к чему тебе теперь бесполезные сведения. Если мы долетим, я расскажу все.

— Давай я помогу тебе выбраться, щупальца слабеют все больше...

— Не надо. Если змей почувствует, что в лапе ничего нет, он может повернуть обратно. К тому же у меня не хватит сил держаться наверху.

Она надолго замолчала. Ветер постепенно усиливался. К счастью, он дул им в спину и лишь ускорял полет. Совсем уже близко под ними плясали яростные гребни покрытых пеной валов. Ветер пропитался влагой как губка, и если бы не плотная ткань скафандра, Ротанов промок бы насквозь. Он подумал, каково сейчас девушке, и нагнулся, чтобы хоть немного прикрыть ее от воды. Но, к его удивлению, она оказалась совершенно сухой. На ее платье вода не задерживалась и стекала крупными блестящими каплями, словно грубое дмотканное полотно было пропитано каким-то гидрофобным составом. Даже на лице он не увидел капель, и лишь

глаза сверкали в полумраке непередаваемым синим светом.

— Не жалеешь, что вышла за меня замуж? Муж из меня неважный, охотиться я не умею, да и на змеях раньше не летал, не знаю, как это правильно делать. — Ротанов хотел пошутить, но шутки не получилось, а она ответила неожиданно серьезно:

— Я долго решала, поверь. Мне нелегко было сделать выбор, потому что я искала не мужа, а человека, способного разделить со мной ответственность за судьбы многих людей на этой планете. Ты оказался настоящим мужчиной. Когда вы встретили в космосе старый корабль, вы не посчитались с опасностью, рискуя жизнью, пошли на стыковку и сделали все, чтобы выяснить, что случилось с его экипажем. И потом, уже на планете, после твоей схватки с дроном я поняла, что нашла тех, кого ждала так долго, что мое страшное одиночество кончилось.

— Откуда ты знаешь о старом корабле? — Он спросил ее о том, что поразило его больше всего, словно все остальное было не так уж важно.

— Я видела вас.

Только теперь он вспомнил фотографию, снятую с прибора «Симанса», и понял, почему ее лицо казалось ему знакомым.

— Жаль что я не знал этого раньше.

— Почему?

— Мы нашли бы способ избежать этого бессмысленного полета, ненужного риска.

— Но ведь мы летим на остров Рин. Туда нет иного пути. И только там может решиться судьба этого мира. Так что все правильно, и ты бы все равно полетел со мной. Если у нас хватит мужества и сил, если мы сумеем победить и нам помогут твои друзья, все еще может измениться, еще не поздно... Но об этом потом, сначала нужно долететь до острова, а змей совсем ослабел,

жаль, если так нелепо закончится наше путешествие, этого я не могла предвидеть...

Змей падал, как огромный аэростат. Его неуклюжее тело все еще висело в воздухе, поддерживаемое судорожными рывками беспорядочно хлопавших крыльев, но хвост уже задевал гребни волн, и в море за ними тянулся отчетливый пенный след.

В последний раз Ротанов осмотрел горизонт и не увидел ничего, кроме равномерной серой поверхности моря, испещренной гребнями волн. Впереди сверкнула далекая зарница, и в ее неверном свете на какую-то долю мгновения он заметил очертания скал, но уже в следующую секунду молния ослепительным блеском озарила все небо, и огромный ветвистый разряд понесся от этих призрачных скал к поверхности океана, и он подумал, что там скорее всего лежала низкая грозовая туча.

Сколько могут они продержаться на поверхности моря? Полчаса, час. Нелепо вот так погибнуть, пролететь бездну пространства, почти вплотную подойти к разгадке тайны Эппы, встретить эту женщину, завоевать ее доверие и после всего этого очутиться в холодном враждебном море без всякой надежды добраться до берега... Их полет закончен. До воды оставалось всего несколько метров. Каждую секунду чудовище могло рухнуть вниз и раздавить их своей массой. Нужно было немедленно прыгать. За свистом ветра и грохотом волн слов не было слышно. Он попытался жестами объяснить девушке, что делать, и не знал, поняла ли она его. Решительно раздвинув оплетавшие ее живые, но уже почти бесильные канаты, он подхватил девушку, прижал ее к себе и прыгнул, стараясь сохранить равновесие, чтобы не удариться о воду боком. Все же он неправильно рассчитал высоту. В полумраке, среди кипящей под штормовым ветром валов нетрудно было ошибиться. Удар оказался сильнее, чем он предполагал, и на несколько секунд оглушил его. Этого оказалось достаточно, чтобы оказаться на значительной глубине под поверхностью

моря. Ротанов отчаянно боролся, но руки были заняты, и он поднимался слишком медленно. Перед глазами шли уже темные круги, когда он наконец вырвался на поверхность и, едва отдышавшись, увидел, как впереди в какой-то сотне метров от них змей с ревом обрушился в воду. Он был слишком велик, чтобы противостоять волнам. Несколько минут его голова еще торчала над водой, то и дело захлестываемая валами, но вскоре они остались совсем одни на безбрежной поверхности чужого океана.

7

А на Земле тем временем шли незапланированные дожди. Обширный циклон, перемещаясь с экватора в северном направлении, не поддавался никаким воздействиям метеорологов. Погода словно взбесилась. За последние два года, с тех пор как вернулась из своей неудачной экспедиции «Каравелла», потерявшая без следа особую группу, циклоны следовали один за другим, игнорируя все усилия земной службы погоды. Словно планета решила доказать своим самоуверенным детям, что, несмотря на все их могучие технические игрушки, в природе существовали силы, неподвластные им.

Рейсовик Земля — база обогнул Луну и, раскрыв невидимые купола гравитационных парашютов, начал медленно спускаться. В иллюминаторы светило солнце. Светофильтры не могли полностью подавить его ослепительный режущий блеск. Прищурившись, Анна старалась рассмотреть приближавшуюся поверхность лунного кратера. Самой базы не было видно. Ее основные помещения, ангары звездных кораблей, мастерские, жилые отсеки — все ушло глубоко под поверхность Луны, и только диспетчерская рубка старого космодрома выделялась на сером фоне однообразных скал.

С высоты рубка казалась увеличенным кристаллом

горного хрусталя, естественным порождением дикой лунной природы. Ее вытянутые стеклянные грани сверкали в солнечных лучах сотнями разноцветных огней. Словно среди безжизненных черных провалов и серых хребтов лежал драгоценный камень.

— Через пять минут наш ракетоплан совершит посадку, пожалуйста, пристегните ремни, закройте кресла...

Анна слегка запоздала исполнить последнюю просьбу, и темный защитный купол, подчиняясь команде автомата, опустился сверху без ее участия, отрезав ее от внешнего мира. На небольшом экранчике перед самым ее лицом бежали строчки последних сообщений:

«...Закончено строительство флагманского корабля «Орфей». Эскадра в сто сорок кораблей готова к старту в район Черной. На внешних базах седьмой колонии состоялась новая стычка с «черными кораблями». Атака отбита. Погашены восемь кораблей из десяти нападавших. С нашей стороны потерь нет. Сегодня Высший Совет утвердил кандидатуру Торсона на должность командующего эскадрой. Старт к Черной назначен через месяц, подбор участников экспедиции уже завершён. Из двухсот тысяч добровольцев комиссия отобрала восемьсот специалистов, не входящих в экипажи кораблей. Ученые, инженеры и техники, вошедшие в эту специальную группу, составят научное ядро экспедиции и будут обеспечивать выполнение проекта энергетического прорыва оболочки Черной планеты...» Анна закрыла глаза и тяжело вздохнула. Она не вошла в эту группу счастливцев, хотя сделала все, что могла, все, что от нее зависело. Слишком высокие требования к подготовке и физическому состоянию кандидатов предъявляла комиссия, слишком тяжелый груз достался ей в наследство от Гидры, слишком много испытаний, болезней и горестей вместились в ее не такую уж длинную жизнь, иным хватило бы и на две... Она невольно позавидовала моло-

дым, загорелым парням и девушкам, воспитывавшимся в интернатах Земли, не знавшим жесткой хватки чужих планет. Им открыта дорога, а не ей. Она надеялась, что будет принят во внимание ее опыт, но, видимо, медицинское заключение оказалось настолько неблагоприятным, что ей все же было отказано, и вот теперь у нее оставался один-единственный шанс. Руководитель экспедиции мог своей властью включить в состав экспедиции десять человек, не считаясь с заключением комиссии... Вот только захочет ли? Сумеет ли она в течение короткой беседы убедить Торсона? Как передать ему ощущение безысходности, безвозвратной утраты самого близкого человека? Поймет ли, согласится ли с тем, что она должна быть там, не может не быть... Захочет ли вообще ее выслушать, ведь он так занят в эти предстартовые дни! Что ему просьба какого-то незнакомого биолога, бывшей колонистки, летевшей с Гидры на его корабле? Он и лица ее, наверное, не запомнил, прошло столько лет...

Корабль едва заметно тряхнуло. С протяжным свистом защитный колпак ушел вверх и сложился у нее над головой едва заметной гармошкой. В иллюминаторе виднелась бетонная поверхность щита, закрывавшего причальный шлюз. Через несколько секунд над ними мелькнула широкая арка входа, и корабль прочно стал на причальные опоры ангара. Они уже находились под поверхностью Луны, все вокруг заливал мягкий рассеянный свет люминофорных покрытий... Можно было выходить. Пассажиры задвигались и нетерпеливо потянулись к выходу. Одна Анна все еще сидела в кресле, словно ждала какого-то продолжения, знака; может быть, она надеялась, что Торсон пришлет кого-то или хотя бы известит ее по информационной сети о том, что ее радиограмма получена... Но ничего подобного, конечно, не случилось, и она одиноко побрела к выходу.

В штабе ей сказали, что ответа на радиограмму пока нет и что командующий никого не принимает без спе-

циального вызова. Придется ждать. Анна предвидела подобный результат своей эскапады и потому предприняла на Земле кое-какие шаги. Она обратилась за помощью к своему учителю — члену Совета профессору Грунскому, и он совершенно определенно пообещал оказать поддержку в ее деле. Она не знала, в какой форме он это сделает и хватит ли ему времени для того, чтобы довести результаты своих действий до Торсона. Времени оставалось мало, слишком мало...

Удивительная вещь время. В юности оно стремительно несется и кажется бесконечным, в зрелые годы постепенно и незаметно снижает скорость, и только тогда человек начинает замечать, как мало его осталось...

Торсон сидел за столом, заваленным перфокартами, заставленным автоматами прямой связи с различными цехами и кораблями, с центральным информатором Земли. Напротив находились пятеро его ближайших помощников. В данный момент, стараясь перебить друг друга, говорили сразу двое. На столе мигал красными вспышками экран вызова прямой связи с Советом. Центральный информаторий начал, наконец, выдавать на дисплее запрошенные еще вчера расчеты пиковых траекторий при подходе к Эпсилону, и Торсон впервые ощутил, какую непосильную громаду дел взвалил на свои плечи, чувствуя, что запутывается в них, теряет ощущение важного и второстепенного, тонет в лавине информации.

Почему, собственно, он согласился с этим назначением? Ведь он же прекрасно понимал, что должность не для него, что она намного превосходит его возможности? Что заставило его согласиться? Совершенно отчетливо, ярко, со всеми мельчайшими подробностями и деталями вспомнился день, когда к нему пришел человек, пришел и вернул ему дальние звездные трассы. Потом они часто спорили, не раз между ними возникали неразрешимые разногласия, этот человек так нико-

гда и не стал его другом. Но остался долг. «Каравелла» вернулась на Землю, оставив часть своих людей на Черной. Прошло два года. Земля до сих пор не знает, живы ли они. И не было у него иного выхода. Он должен был вернуться на Черную. Если для этого понадобилась эскадра в сто сорок кораблей, что ж, он вернется во главе этой эскадры...

Конечно, Земля снаряжала такую огромную экспедицию не только для выяснения судьбы группы Ротанова. Нужно было установить, кто бросил вызов земной цивилизации. Чьи неуловимые корабли все чаще и чаще атаковывали границы Федерации? Какие цели они преследовали, почему до сих пор не удалось установить с ними контакт, кто определял их маршруты, ставил им задачи? Земля до сих пор сомневалась даже в том, есть ли у нее разумный противник, или человечество столкнулось с какими-то изощренными, злобными, но все же неразумными силами природы? Все это и было задачей второй экспедиции на Черную.

Спорившие за столом люди замолчали вдруг все разом, и это вернуло Торсона к действительности; они смотрели на него выжидающе, словно ждали ответа или решения, но он не знал даже, о чем шла речь.

— Ну что же, с этим мы разобрались, — сказал он неопределенно и выжидающе замолчал. Никто не возражил. — Что там у нас дальше?

— Колосовский сообщает, что энергоприемники не выдерживают расчетной мощности.

— В линиях энергопередачи должен быть тройной запас надежности, — жестко сказал Торсон. — Тройной. И не расчетный. Они должны выдержать тройную нагрузку во время полигонных испытаний...

— Это же девятьсот гигаватт на каждый канал! Это невозможно даже теоретически!

— Значит, нужна другая теория и другие линии. Вы что, не понимаете, что «Орфей» будет висеть на этих линиях как на канатах? Стоит отказать одной из них,

и кораблю уже не справиться с гравитацией Черной. Одним словом, нужна тройная надежность.

Торсон поднялся, давая понять, что на сегодня с него довольно.

— Все остальные вопросы на ваше усмотрение. В конце концов, для чего-то существует штаб экспедиции? А за надежность энерголиний отвечать будет лично Ланов. Я потом проверю.

— Линии — это не мое дело. На мне и так все хозяйство экспедиции!

Торсон несколько секунд в упор смотрел на своего щеголеватого заместителя, с трудом сдерживая гнев. Его морщинистая, словно продубленная, шея покраснела, но, когда он заговорил, ни в движении, ни в интонации голоса ничего не изменилось, разве что голос стал грубее и как-то шершавей.

— А проверять ваши ведомости по два раза — это, по-вашему, мое дело? И давайте сразу договоримся. Для тех, кто полетит к Черной, такого слова не существует. Каждому из вас я могу поручить любое дело и хочу быть уверен, что оно будет выполнено добросовестно. Сейчас еще не поздно отказаться, желающих, как вы понимаете, достаточно.

Он вышел не попрощавшись. Дурное настроение краслось за ним по пятам с самого утра, то и дело заставляя говорить людям резкие, порой незаслуженно обидные слова.

Он не взял кара и пошел пешком. Он шел мимо каменных домиков по широкой площади центрального проспекта. Под кратером геологи обнаружили гигантские пустоты, и, когда строили базу, места не экономили. Большинство окон в домах закрывали непрозрачные экраны, и хотя сквозь щели кое-где пробивался свет, ему казалось, что дома ослепли. Часы на табло показывали четыре часа утра по земному времени... Вторая смена еще не заступила, но люди, наверное, уже пьют кофе. Ему казалось, что он ощущает в воздухе

легкий пряный аромат, Торсон подумал, что свои маленькие привычки, делающие жизнь такой уютной, человек унесет с собой на любые звезды.

Огромное квадратное здание Луна-парка было ярко освещено, оттуда слышался смех, музыка, ему захотелось войти, но он поборол искушение, понимая, что своим появлением помешает веселью собравшейся там молодежи. На улице почти никого не было в этот срединный между двумя сменами час, и Торсон шел не торопясь, с удовольствием вдыхая прохладный стерильный воздух, чуть пахнувший резиной и пластиком регенераторов. Постепенно улица становилась уже, дома стали попадаться реже, а искусственный небосвод с голубым шаром Земли наклонился и стал как будто ниже. Уже виделся конец проспекта — глухая стена из серого базальта словно отсекла живое тело города, расколола и погасила небосвод за собой. Где-то здесь должен был быть лифт. Только сейчас Торсон почувствовал, как ему не хватает широкого, ничем не ограниченного пространства, без этого экрана над головой. Рука сама собой нащупала в кармане его личный универсальный ключ, открывавший на базе любую дверь. Шахта этого лифта соединяла нижние этажи базы с диспетчерской старого, законсервированного ныне космодрома. Вот уже третий год космодром бездействовал. Его оборудование и навигационные приборы безнадежно устарели, а вся управляющая аппаратура нуждалась в модернизации. Базе пока хватало двух запасных площадок. Все резервы были отданы его экспедиции, у администрации не хватало рабочих рук для космодрома. Сейчас это его устраивало. Торсон не нуждался в обществе дежурных диспетчеров. Хотелось побыть совершенно одному.

К его удивлению, специальный ключ не понадобился — кабина лифта, связывавшего город с диспетчерской, оказалась открытой. «Разгильдяи», — подумал Торсон. И еще он подумал, что люди все никак не могут поверить в серьезность этой войны, в реальность

противника. В необходимость быть собранней, осторожней. «Наша беспечность нам дорого обойдется. Надо спросить Логнева, почему не выставлены посты у всех наружных выходов. Впрочем, в рубке нет шлюзов, и вряд ли кому-нибудь удастся проломить снаружи ее силикатовую прозрачную оболочку...» Маленькая кабинка неохотно, со скрипом понесла его вверх.

Когда Торсон вошел в рубку, в глаза ему ударил голубой свет Земли, слишком яркий для него после сумрачной кабины лифта. Несколько секунд он почти ничего не видел, кроме горного кольца, такого же яркого, как и вся остальная лунная поверхность, не попавшая в тень. Совершенно непроницаемые куски черной тьмы, заменявшей на Луне тени, выхватывали из горного хребта отдельные скалы и прятали их под своим покрывалом.

В рубке было сумрачно и тихо. Едва слышно щелкал какой-то дежурный прибор, да желтый огонек светился на правом пульте. Постепенно из полумрака выступили контуры предметов. Торсон, все еще ошупью, нашел кресло.

Прошло, наверное, несколько секунд, прежде чем он понял, что в соседнем кресле слева от него кто-то есть. Рука механически метнулась к пульту в поисках знакомых переключателей корабельного освещения, которых здесь не было. Прежде чем он успел что-либо предпринять, глаза окончательно освоились с полумраком, и он разглядел наконец своего соседа. Это была спящая женщина... Он не видел ее лица, но слышал ровное дыхание, видел волосы, широкой волной раскинувшиеся по пульту. Она спала, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

— Что вы здесь делаете? — непроизвольно спросил Торсон.

Она проснулась сразу, мгновенно; как просыпаются люди, ждущие неведомой опасности. Резким движением откинула назад волосы, и ее голос прозвучал в пустом

помещении рубки звонко и отчетливо, словно она и не спала вовсе секунду назад:

— Я жду здесь одного человека, а вы кто?

— Какого человека? — еще более сурово спросил Торсон, досадуя на себя, что прервал ее сон, и в то же время не будучи в силах смириться с явным нарушением устава. В диспетчерской рубке не имел права находиться ни один посторонний человек. В конце концов, это же не зал свиданий.

— Капитана Торсона.

— Я Торсон.

Она недоверчиво хмыкнула, потом протянула руку и щелкнула на своем пульте каким-то выключателем. Боковая потолочная панель осветилась, и теперь, наконец, они смогли рассмотреть друг друга. Это была совершенно незнакомая ему женщина с излишне суровым, но все же красивым лицом. Ей было, наверное, около тридцати. Она сразу же узнала его, потому что вся сникла и явно растерялась.

— Простите... Мне сказали, что вы здесь бываете, что это единственный способ встретиться с вами, в общем-то я не очень поверила, тем не менее я дежурю здесь третьи сутки. У меня не осталось иного выхода.

— Почему бы не прийти ко мне обычным путем, как это делают все, кому я нужен? — проворчал Торсон.

— А вы как-нибудь попробуйте записаться к себе на прием под чужой фамилией, тогда узнаете, как это просто.

— Не пускают?

Наконец-то он улыбнулся. Женщина вздохнула.

— Не то слово. Наверное, в прошлом легче было получить аудиенцию у какого-нибудь короля.

— Что делать. Слишком много людей хотели бы меня видеть, и чаще всего по пустякам. У меня не хватает на всех времени. Зато у меня есть заместители. Целая куча заместителей!

— Я не могла обратиться к заместителям, мне нужны были вы.

— Хорошо, слушаю вас.

— В двух словах: мне нужно попасть в вашу экспедицию. — Она явно волновалась, говорила сбивчиво, отрывисто. — Очень нужно. Необходимо.

— Я вам верю, — неожиданно мягко сказал Торсон. — Иначе бы вы не сидели здесь трое суток. Но все же не волнуйтесь и постарайтесь яснее изложить причины.

— Вы меня совсем не помните? Впрочем, конечно, нет... Десять лет назад экспедиция к Гидре, эвакуация остатков Земной колонии, я была в числе колонистов, которых эвакуировал ваш корабль. Еще раньше вас на Гидре побывал Ротанов... Так вот, Ротанов...

— Какая у вас специальность?

— Я космобиолог. У меня есть опыт лечения людей после контакта с антипространством... Я была в числе колонистов на Дзете.

— Вы обращались в комиссию?

— Да.

— Отказ?

— Не знаю точной причины, но, очевидно, не все в порядке со здоровьем, после Гидры это не удивительно. — Он долго молчал, и Анна растерянно спросила: — Вам нужны еще какие-нибудь данные?

— Нет, того, что вы сказали, достаточно. — Торсон не знал, что ей ответить. Он не мог просто так подарить этой женщине одно из своих резервных мест и лишиться в результате какого-то нужного специалиста. Кроме того, ему не хотелось создавать прецедент отмены решения комиссии. Если бы она обратилась к нему раньше, до того, как получила официальный отказ, вопрос решался бы проще. С другой стороны, он понимал, что не юношеская погоня за романтикой и не пустой каприз привели ее к нему. Здесь что-то серьезное. Что-то очень

серьезное. Ротанов, Ротанов... Ну а допустим, летел бы не я, а Ротанов, взял бы он ее с собой?

— Почему вы не хотите ждать на Земле, как ждут все?

— Потому что я слишком долго ждала как все, много лет, потому что экспедиция вообще может не вернуться обратно. Но и в этом случае я должна знать, что там... Потому что, кроме этого последнего шанса увидеть его, у меня ничего больше не осталось, даже надежды...

Торсон думал о том, почему люди не могут жить просто. Почему они никогда не довольствуются тем, что им по силам. Однажды он попытался, и ему почти удалось начать новую жизнь так, как учили древние философы, — в тишине и смирении. Но потом пришел человек, которого звали Ротанов, и вновь подарил ему эти звезды... И вот теперь он получил право решать судьбы других людей... Он уже почти знал, каким будет его решение, когда она заговорила вновь.

— Ждать на Земле может лишь тот, кто знает, что он ждет. Человек, которого ишу я, не вернется ко мне даже в том случае, если вернется на Землю. Он строит воздушные замки, гоняется за химерами. Но только его замки почему-то иногда оказываются крепче каменных, а химеры... Слишком живыми... Где-то на перекрестке пути я должна встретить его еще раз, как встретила однажды. Только так может что-то свершиться, нечаянно, вдруг. Ждать... мне больше нечего.

— Не очень-то вы смиренны...

— Смиренна? Нет, не такое племя меня воспитало. Вспомните Гидру, вы ведь хорошо ее знали... Смиренные там не выживали. Но меня воспитали гордой, и только поэтому я все же ждала так долго. Сейчас ничто меня уже не остановит.

— Скажите, только честно, как вы поступите в том случае, если я откажу в вашей просьбе?

— Тогда мне придется проникнуть на один из ваших кораблей нелегально. Я знаю одиннадцать способов.

— В ваши годы я знал пятнадцать. Оставьте ваше заявление в штабе. То есть нет, не оставляйте. Дайте мне его сейчас. Так будет надежнее. Я вовсе не хочу, чтобы у меня на кораблях появлялись зайцы. Да, и вот еще что. Старт решено ускорить. Так что летите на Землю, заканчивайте все свои дела и прощайтесь надолго. Это будет трудная экспедиция. Может быть, самая трудная из всех, какие я знал...

8

Карабин заклинило после четвертого выстрела. Олег заметил взметнувшееся на тропинке легкое облачко пыли в том месте, куда ударила последняя пуля. Почти сразу же рядом с ним раздался глухой звук разрыва. Костюм действовал, батарея сохранила заряд, и только поэтому он остался жив. Но в голове от контузии все помутилось. Поплыла и изогнулась линия тропинки, земля стала неустойчивой, зыбкой. Он еще видел вскочившего во весь рост Ларта, на которого навалилось сразу человек десять. Мелькали копья, но все это он воспринимал нечетко, словно во сне. Последнее, что он вспомнил, прежде чем рухнул под тяжестью навалившихся на него тел, была мысль о том, что все три выстрела достигли цели, разворотив внутренности летающему монстру, которого так ненавидел и боялся Ларт. Змей судорожно задергался в воздухе, беспорядочно захлопал крыльями. «Недалеко теперь улетит этот ваш стрик», — подумал Олег, и это была его последняя мысль.

Очнулся он на рассвете от свежего морского ветра, холодившего кожу. Защитного комбинезона на нем уже не было... Он приоткрыл слипшиеся веки и увидел себя сидящим на палубе какого-то примитивного судна, использующего для своего движения ветер. Грубые растительные веревки стягивали тело и причиняли сильную боль. Они обхватывали его несколько раз, прочно притягивая к мачте и лишая возможности двинуться... Толь-

ко изодранное белье прикрывало его избитое, израненное тело. Рюкзака с планетарным комплектом тоже, конечно, не было. «Плохо дело, — уныло подумал Олег, — совсем плохо».

Палуба судна, собранная из травянистых стеблей, казалась непрочной, да и само судно не внушало доверия. Олега поразило почти полное отсутствие команды, только на носу маячила фигура человека. Во все стороны до самого горизонта расстился безбрежный чужой океан. Бежать отсюда было некуда и незачем. Хотелось пить, левое плечо, поврежденное во время последней свалки, распухло и сильно болело. Стиснув зубы и не обращая внимания на боль в плече, Олег напряг все мышцы, стараясь разорвать или растянуть стягивавшие его путы. Из этого ничего не вышло, но неожиданно сзади он услышал стон. Насколько возможно, он повернул голову и увидел, что с противоположной стороны мачты, спиной к спине вместе с ним был прикручен Ларт. «Хорошо, что мы вместе». Ему сразу стало легче, даже боль стала глуше. «Вместе мы что-нибудь придумаем, выберем момент, и тогда это судно пойдет туда, куда нам надо. А куда, собственно?» — сразу же спросил он себя и понял, что без карт и без навигационных приборов они будут совершенно беспомощны в чужом море. «Интересно, умеет ли Ларт плавать? Кажется, он говорил, что никогда не покидал своего острова. Значит, придется ждать конца путешествия». Оно окончилось быстрее, чем он предполагал.

К вечеру следующего дня на горизонте показался большой остров. Очевидно, над ним бушевала сильнейшая гроза, каскады молний водопадом обрушивались со скалистых вершин в море. Такой грозы Олегу никогда не приходилось видеть, в ней было что-то неестественное, грозное. Подошел рой, единственный рой, составлявший всю команду судна. Молча, как делал все, рой протянул каждому пленнику чашу с зеленоватым растительным соком. Жажда была настолько нестерпимой, что

Олег не стал раздумывать и осушил свою одним глотком. Сразу же предательское расслабляющее тепло поплыло по всему телу. Несколько минут он еще пытался бороться, потом его обмякшее тело бессильно повисло в петлях канатов. Рой поднял толстую раковину и, повернувшись к берегу, протрубил сигнал. В грохочущем каскаде молний образовалась узкая щель. Направляемое уверенной рукой судно скрыла полыхнувшая позади него огненная завеса молний.

Человек стоял в ряду одинаковых, похожих друг на друга как две капли воды, обритых и обнаженных людей, странно безликих, странно равнодушных, странно покорных. Человек не знал, кто он. Не знал, почему здесь стоит, и лишь смутно помнил, что в этой шеренге есть кто-то, кого он знает, кто ему нужен. Человек старался вспомнить, старался найти знакомое лицо, но все лица выглядели как зеркальное отражение друг друга. Те, кто стоял впереди него, по команде, один за другим, через равные промежутки времени, исчезали в распахивающихся дверях. Тогда весь ряд продвигался вперед, и двери продвигались навстречу человеку. Он понимал, что лицо друга необходимо обнаружить, прежде чем его поглотит эта страшная дверь. Почему-то ему казалось это очень важным. Важным для чего? Важным кому? Он не знал, но с каждым шагом, с каждой секундой, проведенной в молчаливом строю, в мозгу человека рождалось все больше вопросов и мыслей. Мысли не были равноценны. Одни вызывали в его голове мягкое ласкающее тепло и улыбку на лице, другие почему-то рождали боль. Он думал о том, как хорошо стоять вот так тихо и ровно, как все. Ни о чем не думать, ничего не хотеть, и на лице блуждала улыбка. Когда же он пытался понять, как он здесь очутился, резкая боль словно простреливала его голову от лба до затылка. Тогда он разбил эту простую, в сущности, мысль на еще

более простые. На еще более элементарные мысли. Вот он входит. Дверь закрывается. Но до этого он стоял совсем в другом месте. Можно его представить: низкий, сводчатый потолок. Хороший, надежный потолок из бетона. Длинный металлический стол, ремни, приковавшие тело к его поверхности... Укол. Еще укол... тонкое жужжание в ушах... и потом у него не стало имени... А раньше? Раньше имя было... Но об этом сейчас не надо, потому что обманутая боль возвращается с новой силой. Постепенно вызывая ее и укрощая, человек изучал характер этой боли, находил в ней слабые места, учился бороться и думать вопреки запрету... У него было слишком мало времени, слишком неравными казались силы, и потому он стал искать в череде однообразных лиц лицо друга... Искал и не находил. А до двери оставалось всего четыре шага. Четыре минуты. И тогда, приказав себе вытерпеть все до конца, он преодолел болевой порог и включил закрытое от внешних воздействий подсознание. Когда-то он умел это делать, когда-то его этому учили. Он не помнил, кто и где, да и неважно это было, важен был результат. В глубинных слоях памяти, в подсознании хранилось не только имя... И, покачнувшись, едва не потеряв сознание, едва не упав, Олег все же выпрямился и замер с неподвижным лицом. Теперь он вспомнил все и был готов к продолжению своего нелегкого пути. Боль, побежденная просветленным сознанием и волей, загнанная в угол, уже не властвовала над ним.

Олег снял со своего мозга чужое воздействие, чужие запреты, чужую волю. Он снова стал человеком. «Прежде всего Ларт. Необходимо найти Ларта». Но Ларта не было. Олег стоял последним в ряду. Значит, Ларт вошел раньше, с тем, что ждет его за этой дверью, ему придется встретиться один на один, без помощи друга. Дверь открылась, и Олег вошел внутрь. Небольшая комната, голые стены и стол посередине. Лишь через секунду он понял, что это не стол. Вернее, не совсем стол. Четыре ножки, широкая поверхность с рулонами и кар-

точками, все это было, но, кроме этого, было еще и человеческое лицо. Голова была огромна и безобразна. Она уставилась на Олега немигающими глазами и пожевала губами, затем две маленькие ручки, росшие откуда-то из шеи и не замеченные им вначале, начали шарить по ровной поверхности стола. Нашли какую-то карточку, приподняли ее, и немигающими глазами голова стала разглядывать эту карточку. Затем тонкий, до смешного визгливый голос пропищал:

— Имя, фамилия, должность! Отвечать сразу и быстро!

— Должности нет, имени не помню! — не задумываясь ответил Олег, не желавший раньше времени показывать, что к нему вернулась память.

— Правильно. Должность получите позже. Задаю следующий вопрос: кто является главным врагом нашего горячо любимого острова?

— Врагов не знаю! — четко отрапортовал Олег и сразу же понял, что на этот раз промахнулся.

— Вы не знаете врагов? — Стол заволновался, его поверхность слегка изогнулась, и огромный лоб нахмурился, а ручки беспорядочно забегали среди бумаг. — Чем они там занимаются, в отделе нормативов! Ко мне поступает совершенно неподготовленный материал! Придется отправить на повторную обработку!

Олег понял, что терять ему нечего. Перед ним был робот. Обыкновенный биологический робот, довольно примитивного класса. Вот только вел он себя несколько странно для робота, слишком по-человечески он удивился... Роботы не умеют удивляться. Тем не менее в таком узкоспециализированном существе — механизме не может быть большого интеллекта. На этом он и решил сыграть, да еще на том, что в роботах должна быть определенная программа, руководство к действию. Нужно было поставить робота в тупик, выбить из привычной колеи, заставить принять нестандартное решение. Как

минимум это даст ему дополнительное время, а там посмотрим, как сложатся обстоятельства.

— Обработке не подлежу! — все тем же казенным уставным тоном заявил Олег.

— Не подлежите обработке? Это еще почему? — Искренне удивился робот, и его удивление укрепило в Олеге убежденность, что он действует правильно.

— Это тайна. Но вам, только вам, я могу ее доверить.

Олег хотел приблизиться к роботу, но тот сразу же отскочил.

— Но, но! Соблюдать дистанцию! Никаких фокусов я не позволю!

— Я только хотел вам, лично вам... — Олег оглянулся: — Кругом враги, вы понимаете, тайну нельзя разглашать!

— Врагов на острове нет! Можете говорить. У меня хороший слух!

— Дело в том, мой дорогой друг, что я Человек. Человек не подлежит обработке.

— Человек, человек, человек... — забормотал робот, его толстые уродливые губы скривились не то в усмешке, не то в гримасе непонимания. Одна из ножек стола дрогнула и вдруг, нелепо изогнувшись, почесала голову. Если бы не трагизм положения, в котором находился Олег, этот забавный уродец вызвал бы у него улыбку. Маленькие ручки торопливо перебирали карточки на столе, словно отыскивали среди них ответ. Видимо не найдя его, робот наконец спросил:

— Что такое «человек»?

— Человек — это существо, обладающее свободой воли и разума. Ты знаешь, кто тебя создал?

— Конечно. Великий Эсхин. Высшее счастье состоит в выполнении воли Эсхина. Тебя надо исправить, дорогой «человек». Тебя надо отправить на переделку, чтобы ты мог постигнуть высшую истину и познать наконец, в чем состоит счастье любого живого существа.

— В чем же оно?

— В выполнении божественной воли Эсхина, только его предназначения...

Олег перестал слушать. У него не было времени вникать в смысл этой бредовой проповеди. «Похоже, с ним не договоришься. У него сняты все ограничители, бредовая программа, заложенная в его блоки, требует беспрекословного подчинения, нашел с кем спорить о высоких материях, к нему нужен ключ, простой и безотказный, как правила, вбитые в него этой чертовой программой... Интересно, есть ли у них тут охрана? Или этот ходячий буфет сам управляется со своими жертвами? Что-то наверняка должно быть, хотя бы оружие, к тому же он настороже, и стоит применить силу... Да и как ее применишь, если неизвестно расположение его нервных центров... Есть, наверно, выключатель программы. Может быть, словесный, какое-нибудь кодовое слово, но его надо знать. Фролов умел разговаривать с этими тварями». Биороботов Олег всегда недолюбливал.

— Эсхин — человек? — Почти выкрикнул он в широкое лицо робота свой вопрос, следуя внезапно родившемуся в его сознании плану.

— Эсхин — это Эсхин.

— Эсхин — человек. Я тоже человек. Мы с твоим господином одного племени. Ты можешь послать в обратку Эсхина?

Он заметил, как мелко затряслись ножки и унылое лицо покрыла предательская бледность.

— Что ты говоришь, человек! Эсхин велик! Только почтение...

— Да погоди ты со своим почтением! Представь себе, что я и он одного племени, что с тобой будет, если ты сейчас ошибешься, как у вас поступают с роботами, нарушившими основные правила программы?

— У меня нет данных, что Эсхин человек! Нигде нет таких данных! — в отчаянии воскликнул робот.

— Может быть, у тебя есть данные, что Эсхин не че-

ловека? — задал свой самый коварный вопрос Олег, надеясь, что этот орешек из логики древних окажется не по зубам роботу. У него были все основания продолжать эту дурацкую беседу хотя бы для того, чтобы выиграть время. С каждой секундой он чувствовал, как его тренированный организм справляется с отравой, введенной в его кровь. Все четче становилась мысль. Стальной обруч боли, стискивавший виски, слабел. Медленно, осторожно он напряг мускулы; глубоко вздохнул и задержал воздух. Пожалуй, можно попробовать... В помещение вели две двери, через одну он вошел и не хотел возвращаться обратно, там слишком сильная охрана, оставался один путь — вперед. Четыре шага, отделявшие его от двери, он проделал в одно мгновение, распахнул ее и исчез, прежде чем робот сообразил, что, собственно, произошло. Отчаянный вопль робота долетел сквозь захлопнувшуюся дверь.

— Эсхин — человек! Эсхин может быть человеком, потому что нет данных, опровергающих это! Теперь я знаю — великий Эсхин человек!

— Ну все, этого ему хватит надолго, — пробормотал Олег, стремительно продвигаясь вдоль длинного, ярко освещенного коридора. Сюда, видимо, поступал обработанный и прошедший контроль «материал». Охранять этих несчастных уже не было надобности. Впервые за весь сегодняшний день он почувствовал, как удушливая волна гнева перехватила дыхание, и понял, что окончательно пришел в норму.

— Ну я вам покажу «великого Эсхина...»!

Коридор тянулся метров на пятьдесят. Первым делом надо было сбить с толку погоню и раздобыть какое-нибудь оружие. Еще одна дверь... Хорошо, что нет запоров — запоры им здесь не нужны, те, кто идет этим путем, вряд ли справятся с запорами.

Огромный, вытянутый в длину зал. Четыре узких прохода, перегороженных невысокими, не достигающими до потолка стенами. Между этими стенами узкие длин-

ные ячейки. В них неподвижные, похожие на мумии фигуры. Роботы? Скафандры? Вдруг он понял, что это такое... Где-то здесь среди этих безвольных, усыпленных кукол должен был быть Ларт... Он задержался, вглядываясь в одинаковые, похожие друг на друга лица... Зал слишком велик, на поиски уйдет много времени, и ничем он не сможет ему сейчас помочь, даже если найдет... Надо добраться до тех, кто управляет этим паноптикумом, до тех, кто позволил себе превращать живых людей в механических кукол... Ларт поймет... На его месте он сделал бы то же самое. Вот, значит, куда деваются вошедшие в возраст, набравшиеся опыта охотники племени...

Он услышал за дверью грохот тяжелых ботинок. Погоня уже совсем близка. Судя по звуку, там закованные в тяжелые скафандры роботы внешней охраны. Ему показалось, что по коридору несется стадо слонов, и он понял, что не успеет перебежать зал, не успеет достичь противоположной двери — охранные роботы наверняка вооружены. Достаточно одного выстрела, они не промахнутся... Надо что-то немедленно придумать, у него оставалось две-три секунды. И вдруг, взглянув на серые лохмотья, заменившие его одежду, он понял, что нужно делать... Пустая ячейка нашлась почти сразу, вполне возможно, что она предназначалась именно для него...

Втиснуться в каменный четырехугольник, замереть, заставить тело окостенеть — все это было не так уж сложно. Гораздо труднее оказалось ждать. Все внутри его клокотало от гнева. Его, звездолетчика, землянина, побывавшего в десятке труднейших экспедиций, хотели превратить в механическую куклу, лишить памяти, воли. «Вы у меня еще узнаете, что такое человек». Шаги все ближе, сквозь прищуренные веки он видит, как разделилась охрана. Их четверо, и четыре прохода. «Значит, здесь пройдет лишь один...» Он с трудом сдерживал искушение броситься на бронированную глыбу робота с голыми руками. Но лишь задержал дыхание.

Слился со стеной, стал неотличим от сотен серых недвижимых фигур, втиснутых в каменные ячейки. Робот промчался мимо. Грохнула дверь, послышался удаляющийся топот. Охрана миновала зал, но все ли они ушли? Или оставили засаду? Не надо недооценивать противника. Не так уж глупы эти охранные роботы. Он имел возможность познакомиться с ними, когда корабль пристал к берегу. Первая схватка закончилась его полным поражением. Оглушенного и беспомощного, его приволокли на операционный стол, сделали инъекцию — больше он им этого не позволит.

Осторожно и плавно, стараясь не издать ни одного лишнего звука, он выглянул из своей ниши. «Так и есть. Один робот остался у двери». Он даже не очень скрывался. Уставился в проход своей безликой тупорылой мордой. Щитки на шлеме скафандра тускло поблескивали. Электронный разрядник он держал стволом вниз — но Олег уже знал, какова реакция этих механизмов, и не сомневался, что стоит ему обнаружить себя, как его уложат на месте... Мощность выстрела таких разрядников регулировалась, он почти не сомневался, что его не станут убивать, но от этого не легче... Что же делать? Через дверь не прорваться. Возвращаться назад? Бессмысленно, там этот стол, и вряд ли он теперь один... Может быть, подождать? Не вечно же там будет стоять пост... Вряд ли у роботов меньше терпения, чем у него, в конце концов он выдаст свое присутствие. Если ушедшая в глубь помещений погоня не увенчается успехом, пост здесь они скорей всего не снимут... Горячка первых минут прошла, и теперь он чувствовал озноб и усталость. Все-таки уколы не прошли для него даром, и неизвестно, надолго ли хватит сил. Нужно немедленно что-то предпринять... Еще раз внимательно, не упуская ни малейшей детали, Олег осмотрелся. Он мог видеть только часть потолка, пол и противоположную кабину прямо перед собой, в которой стояла неподвижная окостеневшая фигура. «Как-то они

их включают, наверное, как-то передают им команды, должна быть хотя бы линия связи...» Он обернулся и увидел у себя за спиной медные шины контактов. «Так и есть — вот она, линия...» Он почувствовал, как похолодела спина от мысли, что мог бы сейчас стоять здесь неподвижно, ко всему безучастный, а эти контакты прикасались бы к его обнаженной коже... Неожиданно послышался щелчок, и между шинами проскочила синяя искорка разряда. Фигура стоящего напротив него человека-робота дернулась, вытянулась и медленно поползла вверх. Очевидно, полы в каждой ячейке одновременно были плитами подъемника, медленно поднимавшегося теперь к потолку, где уже открылись квадратные люки.

Вот он, выход! Но его собственная кабина оставалась неподвижной. Медленно и бесшумно справа и слева от него оживали ячейки, унося свое содержимое в какой-то верхний ярус. «Тревога, тревога по всему острову — им понадобилось подкрепление, и это хранилище роботов получило команду оживить свое содержимое, вот откуда этот разряд, и вот почему осталась неподвижной его собственная кабина! Ее контакты оказались не замкнуты человеческим телом...» Можно было поискать какой-нибудь металлический обломок и замкнуть контакты, но Олег не хотел рисковать. Соппротивление между зажимами должно быть вполне определенным, и он хорошо понимал, каким именно... В конце концов, это не так уж страшно — разряд пройдет лишь через руку, не задев жизненно важных органов. У него не было времени раздумывать. Кабины справа и слева почти достигли потолка, позже его собственный подъемник вообще может не сработать. Стиснув зубы, он схватился левой рукой за обнаженные шины контактов. Удар был резкий, но не сильный — все же рука онемела на некоторое время, но теперь это не имело значения, потому что его кабина быстро поползла вверх, догоняя остальные.

Вода была теплой. Высокие плоские валы то и дело подбрасывали Ротанова на несколько метров вверх, и тогда он видел прямо перед собой мрачную тучу, лежащую на поверхности моря. Ветвистые разряды молний летели из нее во все стороны. Ему нужен был какой-нибудь ориентир, а так как ничего другого не было, он старался держать направление на эту тучу. Впрочем, они почти не двигались. Одной рукой он поддерживал ослабевшую девушку, другая уже плохо слушалась от усталости. Все же туча постепенно становилась больше и ближе. То ли ветер гнал ее к ним, то ли течение несло их вперед, навстречу грозе. Только сейчас Ротанов заметил странную особенность: очертания тучи со временем не менялись. Приблизившись вплотную, он прокричал, что это может быть остров. Она согласно кивнула.

— Не понимаю, откуда тогда эти молнии?

— Это не молнии. Это электрические орудия острова Рин.

Ему показалось, что он ослышался. Слишком уж неправдоподобным выглядел фейерверк яростных разрядов, направленных против бушующего пустого моря.

Теперь он уже не сомневался — перед ними земля, и течение несло их прямо в зону разрядов. Кипящая от непрерывных ударов молний полоса воды была уже совсем близко. Девушка что-то крикнула ему, но из-за сплошного рева ничего не было слышно... Неожиданно наступила странная, неправдоподобная тишина. Плеск волн и свист ветра после раскатов грома казались шепотом.

— Интервал полчаса. Сейчас, пока они накапливают энергию, надо успеть проскочить зону защиты, может быть, нам повезет...

Она старалась помочь ему как могла, но сил у обоих осталось немного. Все же Ротанову показалось, что они двинулись вперед быстрее. Через некоторое время он заметил, что темнота перед ними уплотнилась, превратилась в сгусток, в верхней части которого угадывались неясные очертания горных вершин. Неожиданно вновь сверкнула молния. Широкий плоский разряд осветил небо и ударил в море позади них. Вода забурлила. Несмотря на то что место удара отделяло не меньше ста метров, Ротанов почувствовал, как по ногам прошел слабый электрический разряд. В трепетном свете молнии ясно виднелись очертания берега. Они находились уже в мертвой зоне и через полчаса стояли на берегу. Бухточку, в которой они очутились, отделяли от берега отвесные скалы. Недалеко от линии прибоя нашелся защищенный от ветра небольшой грот, выбитый в скалах морскими валами. Здесь было тепло и тихо.

Вода попала за воротник защитного костюма, и Ротанов чувствовал себя так, словно все его тело обложили солеными компрессами.

— Извини. Я должен раздеться и вылить воду.

Она усмехнулась.

— Ничего. Ты же теперь мой муж. Можешь не стесняться.

Он стянул с себя защитный комбинезон. Убедившись, что она все же отвернулась, снял и выжал белье.

Темный рубиновый огонек тлел у него на груди. Камень из диадемы рэнитки стал его постоянным спутником. В трудные минуты его странный живой свет, принесенный неведомо из каких миров, согревал его. Вот и сейчас он снял с шеи цепочку и положил на ладонь трепетную алую искорку и, уже одевшись, заметил, что девушка не отрывает взгляд от его руки. Ее лицо искажено волнение, а губы шептали срывающиеся сбивчивые слова: «Этого не может быть... Не может!» Она едва владела собой.

— Откуда это у тебя, Ротанов? — Она указала на камень дрогнувшей рукой.

— Подарок. Я тебе говорил, что наши колесницы летают на далекие звезды, на одной из них прекрасная принцесса подарила мне этот талисман.

— Перестань разговаривать со мной как с дикаркой и оставь свои шутки. Это слишком серьезно!

— Ну а если серьезно, так в одной из дальних экспедиций я встретился с рэнитами. Так себя называли пришельцы из далекого прошлого, победившие, казалось, само время и жестоко наказанные этим самым временем за свое чрезмерное самомнение. — Он осторожно погладил широкие светлые грани и улыбнулся, вспомнив лицо рэнитки, в диадеме которой некогда сверкал этот камень. — Ее звали Вельда. Это ее подарок. Все, что осталось от рэнитов, кроме развалин на далеких планетах и еще, пожалуй, памяти...

— Ты хоть знаешь, что это такое?

— Я же тебе сказал — талисман. Талисман на счастье.

— Это не талисман, Ротанов. Это ключ от Хронара.

— Ключ от... — И вдруг он осознал то, что она сказала. — Ты знаешь, что такое Хронар?!

— Еще бы мне не знать! Я была его хранительницей целых... Впрочем, это неважно. Так, значит, ты знаком с моим народом?.. Как странно... Иногда мне кажется, что у времени есть своя душа и свой разум. Не зря многие народы строили ему храмы. Иногда в будущем угадываются ростки далекого прошлого. Кто мог подумать, что именно ты знаком с рэнитами? Что именно тебе делают такой подарок?.. — Расскажи мне подробнее о вашей экспедиции, — потребовала она. — Как это случилось? Когда?

И он рассказал ей о планете Реане, о своем броске сквозь время, о женщине, что называла его коротко и певуче Ролано...

— Перед тем как лететь сюда, на Энну, я побывал на

Реане еще раз и не нашел там никого. А в комнате, где я жил когда-то, на столе лежал этот камень. Вот, пожалуй, и все. Теперь твоя очередь рассказать все, что ты знаешь о Хронаре.

— Это долгая история, Ротанов. Долгая и печальная.

— Однажды мне уже пришлось выслушать долгую и печальную историю, связанную с Хронаром. Наверное, в глубинной структуре времени скрыты вещи, на изменение которых человек не имеет права.

Она молчала, словно обдумывала услышанное, а может быть, собиралась с духом, и Ротанов не торопил ее.

— Кажется, я знаю, о какой экспедиции ты рассказывал. Наша была значительно позже. В каждой экспедиции, чтобы избежать случайностей, необдуманных поступков, злоупотреблений, наконец, всегда назначалась хранительница Хронара. Как правило, это была женщина. Может быть, потому, что женщины острее чувствуют ответственность за все живое, а использование Хронара всегда сопряжено с опасностью для различных форм жизни. Без согласия хранительницы нельзя воспользоваться Хронаром. Он мог быть включен только таким вот ключом и только в присутствии той, чьи биотоки отпечатаны в структуре этого кристалла. Я уничтожила свой кристалл. Не было другого выхода. — Она надолго замолчала. И он тоже молчал, понимая, что бывают минуты, когда неосторожный вопрос может причинить человеку слишком сильную боль.

Волны с шумом разбивались о камни одна за другой. Казалось, в самом ритме их скрыто все то же время, все тот же огромный маятник, отмеряющий прошлое и будущее, ошибки и заблуждения, дороги и тропинки, несмотря ни на что, ведущий вперед в будущее...

Наконец она продолжила свой рассказ:

— На каждом корабле рэнитов был свой Хронар. Наши корабли летали со скоростью, близкой к скорости света, и время многократно замедлялось во время поле-

та. К далеким мирам мы прилетали в их будущее, на нашей родной планете проходили сотни, тысячи лет, и вот тогда на специально выбранной планете включался Хронар.

— Чтобы уничтожить этот мир в настоящем, отбросить его в далекое прошлое!

— Значит, ты знаешь и это... Мы выбирали безжизненную планету.

— Так не бывает, не бывает полностью безжизненных планет! Вы не могли знать, какие формы жизни зародились бы на них в последующие тысячелетия!

— Да, ты прав. Но в данном случае мы выбрали планету, которой в недалеком будущем грозила гибель. Наши ученые рассчитали, что Эпсилону грозит гравитационная смерть, вместе со звездой должна была погибнуть и Энна. Я дала согласие на включение Хронара... Тогда мы еще не знали, что области «черных дыр» соприкасаются с иной Вселенной. И что время в таких районах относительно, иногда условно...

— Что значит «условно»?

— Сейчас ты поймешь... Экспедиция еще не выполнила своей основной задачи... Наши ученые, да и не только они — весь народ рэнитов не мог оставаться безучастным к тому, в чьи руки попадет наследство рэнитской цивилизации. Ученые знали, что развитие любого народа имеет конец и начало. Рэниты уже клонились к закату, а на одной из планет в окраинном рукаве Галактики разведчики, улетающие в далекое будущее, обнаружили ростки новой жизни, обещавшие дать в будущем обильные и разумные всходы. Время нашей экспедиции было рассчитано так, чтобы можно было убедиться в том, справедливы ли надежды. Но это не главное. В том, что жизнь на этой планете развивалась так, как мы рассчитывали, мы убедились сразу же, перед нами стояла еще одна задача, гораздо более важная. Мы хотели помочь молодой цивилизации в ее развитии...

Хотели ускорить и облегчить ей путь вперед, постараться выпрямить зигзаги истории. Вывести эту расу на ровную и верную дорогу. Здесь очень велика вероятность ошибки, никакие расчеты не могли бы дать правильного ответа. Нужен был социальный эксперимент.

Ротанову показалось, что он ослышался:

— Социальный эксперимент? Как это понимать?

— Брались несколько особей разных племен, помещались в изолированные тепличные условия, и на них проверялись воздействия различных факторов, как положительных, так и отрицательных.

— Это людей вы называли «особями»? На них проверяли воздействие отрицательных факторов?

— Не спеши, Ротанов, не все так просто. Мы еще только подходим к понятию «мнимое время». Представь теперь, что такой эксперимент проводится на планете, которая затем, после получения всех ответов, отбрасывается назад, в прошлое. Как, по-твоему, что произойдет с участниками эксперимента?

— Ну, те, что были подопытными кроликами, вероятно, попросту будут уничтожены.

— Нет, Ротанов, они вернутся в свое начальное состояние, поскольку к прошлому этой планеты они отношения не имеют, все время, проведенное здесь, будет для них мнимым, иными словами, как бы не существовавшим.

— А горе, а боль утрат, а потеря близких; наконец, просто обыкновенные физические страдания, они что, тоже были мнимыми?

— Конечно. Ведь даже памяти об этом не остается в сознании тех, кто участвовал в эксперименте.

— А в тот момент, когда вы проводили этот свой «эксперимент», они что, ничего не чувствовали, были куклами, роботами?!

— Ни одной секунды времени не должно было исчезнуть в их настоящей жизни на родной планете. Как только включался Хронар, они возвращались в то самое

мгновение, из которого были изъяты. И не было для них никакого эксперимента, не было, понимаешь?!

— Зачем же ты кричишь?

— Извини. У тебя какой-то странный взгляд на вещи. Как будто средства важнее цели. Мы хотели создать счастливую жизнь целого мира, для всех народов, его населявших.

— Где-то я уже слышал нечто подобное, несколько в другой формулировке: «Цель оправдывает средства». Правда, потом оказалось, что счастливое общество невозможно построить грязными руками. И кто вообще дал вам право вмешиваться в развитие чужой цивилизации? Тоже мне «боги», носители «лучшей доли». Следили бы лучше за своей собственной планетой! Знаешь ты хоть, во что превратилась в конце концов ваша собственная Гидра?

— Что такое Гидра?

— Так люди называли вашу Лаолу. Чудовищные, искаженные остатки вашей научной деятельности дошли до нашего времени.

— Не наша в том вина... Мы искали бессмертия, победы над временем. Придет пора, и ваша собственная цивилизация займется этими же проблемами. Ты судишь нас слишком строго.

— Возможно, ты и права. Слишком много развалин остается после неудавшихся экспериментов, слишком много они приносят с собой людям самого обыкновенного горя.

— Успокойся, Ротанов. Из нашего эксперимента ничего не вышло. Во всяком случае, не вышло ничего хорошего.

— Вот как? Интересно, что ты называешь «плохим», если все остальное было «хорошим»?

— Ты заставляешь меня пожалеть о начатом разговоре. Я бы вообще его не начала, если бы не этот камень на твоей ладони — его не дарят кому попало.

— Хорошо. Я постараюсь тебя не перебивать. А все,

что думаю, выскажу в самом конце. Сейчас самое важное — информация, которой ты располагаешь, а не твое уязвленное самолюбие... В конце концов нам всем вместе придется исправлять сделанные на этой планете ошибки.

Она долго молчала, и он не знал, хватит ли у нее мужества признать его правоту. Но он не мог иначе, не мог не сказать ей всего, что думал, потому что искал в ней друга, союзника и не хотел становиться причастным к тому, что они сделали раньше на этой планете и на далекой отсюда Реане.

— Что собой представляет остров Рин? Это тоже ваше детище?

— Это наша бывшая база. Здесь располагалась биологическая лаборатория, здесь изготавливались различные биороботы, необходимые для наших экспериментов. Кроме того, здесь был установлен Хронар. Однако после его включения произошло... Не знаю, сумею ли я объяснить... Мы сами многого не понимаем до конца. Скорее всего в момент включения мощный энергетический импульс вызвал смещение времени в обратную сторону, так иногда бывает вблизи больших масс, предрасположенных к гравитационному коллапсу...

— Иными словами, время стало ускоряться, и система вместо прошлого сдвинулась в будущее?

— Да, но ненамного. В обычных условиях такой выброс в будущее легко компенсировался, но здесь он попал на момент гравитационной смерти звезды. Звезда вместе с планетой начала проваливаться в «черную дыру». Весь процесс вышел из-под нашего контроля. В принципе коллапс должен быть мгновенным, но в данном случае этого не случилось. Создалось впечатление, что внутри самой системы кто-то «выключил» время, остановив все процессы в неустойчивом равновесии. Имевшимися средствами в данной ситуации мы ничего не могли изменить. Даже Хронар вел себя необычно, он не выключился полностью после завершения цикла.

Часть энергии из него продолжала поступать к звезде, и мы вынуждены были смонтировать специальные энергетические установки для его подпитки. Установившееся равновесие было настолько неустойчивым, что мы боялись предпринять что-либо, чтобы не вызвать катастрофы. Нельзя было трогать ни одной установки, связанной с Хронаром. Мы знали, что в системе Центавра одновременно с нами работает другая наша экспедиция. Корабль и большинство членов группы улетели к Центавру за помощью.

Они так и не вернулись, и я не знаю, что с ними произошло. Здесь, на Энне, осталось всего три человека: я, как хранительница Хронара, обязана была остаться. Мы ждали примерно год по местному биологическому времени. За это время за пределами нашей закрытой системы должны были пройти десятки, а может быть, и сотни лет, но никто так и не пришел к нам на помощь. А потом появилось озеро Забвения... И при очень странных обстоятельствах пропал руководитель нашей экспедиции командор Слэнг.

— Что собой представляет озеро?

— Собственно, это не озеро. Воды в нем нет. Это некая неизвестная нам субстанция, проникающая в наш мир из другой Вселенной. Ты знаешь, конечно, что «черная дыра» — ворота в иной мир. Наша оказалась воротами, открытыми в обе стороны. Через них чужой мир проник в нашу Вселенную. Я слишком мало знаю об этом. Сразу же после появления «озера» исчез Слэнг, и Эсхин захватил власть. На острове началась схватка между роботами, программа которых осталась неизменной, и теми, которых Эсхину удалось использовать в своих целях. С роботами вообще творилось что-то странное, порой они выходили из-под контроля и начинали действовать самостоятельно... Во всяком случае, я потерпела полное поражение в своей борьбе с Эсхином. Он захватил Хронар и остров, правда, Хронаром без ключа он все равно не мог управлять, именно тогда я уничтожила

свой ключ. Мне удалось бежать и скрыться у бореев под видом дочери жреца, не этого жреца... Этот родился значительно позже. С тех пор у бореев сменилось уже два поколения, и все это время я оставалась «Той, что прячет свое лицо». Не знаю, искал ли меня Эсхин или моя судьба стала для него безразлична... Он воспользовался станцией для своих собственных целей. Для установления господства на всей планете, для подчинения всех местных племен и использования их для каких-то своих, неведомых мне целей.

— Как он это сделал?

— С помощью биороботов. Эсхин предпочитает не покидать острова, но он вывел целые стада различных монстров, приблизил к себе, а затем полностью подчинил своей воле племя роев и сделал их своеобразными надсмотрщиками.

Как бы подтверждая ее слова, над островом прокатился удар грома, от которого содрогнулись скалы. Ослепительное синее полотнище молнии заполнило весь горизонт.

— Почему так расточительно действует защита острова?

— Защиту Эсхин создавал уже значительно позже, когда он не располагал всеми нашими техническими средствами. К тому же с тех пор, как появилось «озеро», энергетический баланс планеты нарушился. На всей Энне образовался острый дефицит энергии, она стала вырождаться, исчезать. Зато здесь, на Рине, вблизи самого «озера», наоборот, образовался ее избыток, мне даже кажется, что Эсхин был вынужден построить эти установки, чтобы избавляться время от времени от лишней энергии, переполнявшей его хранилища, сбрасывать ее в море. Вот почему так расточительно работают электрические пушки острова.

— Похоже, это своеобразные разрядники... Но тогда, если это так...

Он не договорил, сдерживая волнение, рванул за-

стежку рюкзака и вынул мезонную батарею. Индикатор разряда чуть заметно тлел у самого нижнего деления, а это означало, что в полностью разряженной батарее появилось пока еще ничтожное количество энергии. Ротанов знал, что в определенных условиях, в сильных электрических полях, например, батарея обладала способностью к самозаряду, и похоже, что здесь по истечении какого-то времени защита вновь начнет действовать. Теперь важен каждый лишний час. Он осмотрелся. Волны по-прежнему с грохотом набегали на песок, уже ослабленные узкой горловиной бухты, и обдавали берег каскадом брызг. Прямо за их спиной вверх уходили мрачные громады скал, вершины которых тонули в темном беспросветном небе. То и дело ослепительно сверкали сполохи молний, и каждый раз глухие удары грома били сверху в уши как молот.

Скалы казались ровными и гладкими, а бухта, прирастившаяся у их подножия, совсем крохотной. Здесь не было ни крупных камней, ни растительности, только пятячок песчаной отмели у самого подножия скал да неглубокий грот.

— Негде даже укрыться, мы здесь как на ладони, как только начнется рассвет, нас обнаружат.

— Нас давно обнаружили. На острове очень чувствительные биологические детекторы, кроме того, Эсхин наверняка следил за полетом змея.

— Так где же он?

— А зачем ему спешить? Мы полностью в его власти. Возможно, ему интересно наблюдать за нашим поведением.

— Ты думаешь, он нас видит?

— Почти наверняка. Скажи, тебе страшно?

— Обычно у меня не остается на это времени, — проворчал Ротанов.

— Я всегда мечтала, что придет день, когда я вновь буду стоять на берегу этого проклятого острова и рядом со мной окажется такой человек, как ты.

Шум возник внезапно, на границе слышимости. Вначале Ротанов не обратил на него внимания. Но постепенно звук окреп, превратившись в назойливое жужжание. Неожиданно в скале перед ними образовалось отверстие. Монолитный гранит в этом месте рассыпался, превратившись в раскаленный дымящийся песок. Все стихло. В тишине и напряженном ожидании прошло еще несколько минут. Казалось, тот, кто проложил этот ход сквозь гранитную скалу, не очень-то спешил им воспользоваться.

Наконец в глубине хода послышались чьи-то тяжелые шаги. Судя по звуку, шло сразу несколько человек. Ротанов почувствовал, как горячая ладошка Элны сжала его руку.

Из прохода появился высокий человек, закутанный в длинный темный плащ. За его спиной виднелись фигуры охранных роботов с тупорылыми, блестящими металлом мордами. Незнакомец показался Ротанову очень худым, очень высоким и очень старым. Сумеречный рассеянный свет позволял хорошо рассмотреть черты его лица. Мертвенная, слегка желтоватая кожа плотно обтягивала широкий лоб и казалась иссушенной временем. Глаза так глубоко запали в глазницы, что почти не были видны. Незнакомец поежился и плотнее закутался в свой плащ, словно ему было холодно, хотя от разогретого песка несло нестерпимым душным жаром. Ротанов осторожно высвободил руку, но прежде, чем успел сделать шаг, Элна шепнула:

— Будь осторожен. Это сам Эсхин. Не верь ему.

Ротанов кивнул, шагнул наконец вперед и остановился перед Эсхином.

— Добро пожаловать на остров Рин, чужестранец. Я давно жду вашего прибытия.

Ротанов не решил, как держаться с этим надменным человеком, в презрительной улыбке которого ему чуди-

лось что-то знакомое, виденное, и он никак не мог вспомнить, что именно.

— После столь трудной дороги следует отдохнуть. Пойдемте.

Эсхин круто повернулся и шагнул к туннелю, словно ни минуты не сомневался в беспрекословном исполнении своих пожеланий, весьма смахивающих на приказы. Роботы расступились в стороны, открывая проход, но Ротанов не двинулся с места. Уже у самого входа Эсхин обернулся и, удивленно приподняв бровь, спросил:

— В чем дело?

— Дело в том, что мы пока предпочитаем остаться на этом месте.

— Мне кажется, вы неправильно понимаете ситуацию.

— В чем же?

— В сущности. Вы мой пленник. Не советую злоупотреблять моим терпением.

— Другой разговор, — спокойно сказал Ротанов. — Теперь, по крайней мере, все стало ясно. Но вам придется увести меня отсюда силой, если, конечно, удастся.

Было заметно, как побледнело от ярости и без того бледное лицо Эсхина. Быстро справившись с собой, он кивнул роботу:

— Стул! — Робот приподнял пистолет, похожий на ракетницу, навел его на кучу песка и нажал кнопку. В том месте, куда ударил невидимый луч, образовалось невысокое завихрение, через секунду уплотнившееся и принявшее очертания удобного гранитного кресла, в точности повторявшего все особенности тощей фигуры владельца острова. Тяжело опустившись в кресло, он кивнул на Ротанова: — Ему тоже.

Ротанов, не дожидаясь приглашения, уселся напротив Эсхина. Несколько секунд длилось напряженное, гнетущее молчание. Добившись пусть маленькой, но, если учесть их положение, не такой уж пустяковой уступ-

ки, Ротанов не стал перегибать палку и заговорил первым, стараясь смягчить слишком напряженную обстановку.

— Давайте сразу уточним ситуацию. Кто я, вы, очевидно, знаете. В данном случае я официально представляю на вашей планете Земную Федерацию. Но мне не совсем понятно, кто вы.

Эсхин презрительно хмыкнул:

— Бросьте, Ротанов, никого вы не представляете. Ваш корабль ушел, шлюпка не может двинуться с места, а экипаж... В настоящее время это кучка разобщенных людей. Мы оставили вас в покое только потому, что не было необходимости в вашей изоляции.

— Если все так, стоит ли тратить ваше драгоценное время на эту беседу?

— Почему нет? На нашем острове довольно скучно, отчего не побеседовать со свежим человеком? Что касается вашего вопроса о том, кого я представляю, то представляю я самого себя. — Он хрипло рассмеялся. — Не правда ли, это приятно — всегда представлять самого себя?

— Не знаю, не пробовал, — сухо ответил Ротанов.

Он все не мог понять, чего, собственно, добивается от него Эсхин. Зачем ему понадобилась эта встреча, что за всем этим кроется? Поэтому он не спешил, стараясь получить максимум возможной информации. Собранные факты рано или поздно выстраивались в стройную систему, превращались в знание. В оружие, которое помогало ему с честью выходить из самых сложных обстоятельств. И сейчас, разглядывая Эсхина, его надменную позу, он подумал о том, что Эсхин больше играет в могущество, чем обладает им на самом деле. Остатки техники, не им созданной и, вероятно, уже изрядно потрепанной, роботы да несколько диких племен, подчиненных роям и, вероятно, недовольных своим положением. Не так уж велика его власть... Вряд ли он имеет отношение к «черным пузырям»... Хотя, кто знает, Элна на-

мекала, что как-то он связан с этим таинственным «озером». Вот где надо искать разгадку. Значит, нужно договориться с ним, во что бы то ни стало остаться здесь на острове, в любом качестве... Найти дорогу к этому «озеру», узнать больше, а тогда посмотрим... Нельзя дать Эсхину понять, как важен сейчас для него этот договор.

— Собственно, я не спешу, — мрачно усмехнувшись, вновь заговорил Эсхин. — У меня уйма времени. А вот вы — долго ли сможете быть в этой бухте без воды и пищи? Предположим, нам не удастся договориться, и я предоставляю вас своей судьбе... С острова не уйти. Подумайте, стоит ли нам ссориться.

— Может, и нет. Может, вы и правы. Но если вы действительно собираетесь со мной договориться, то признайте во мне равного партнера и попробуйте толково и откровенно изложить суть дела. Что вам от меня нужно?

— В сущности, ничего. Ничего важного. Это простая формальность, или, если хотите, предосторожность. В вашем нынешнем качестве вы не представляете для меня интереса. Однако существует очень незначительный шанс, пусть даже один на миллион, что обстоятельства изменятся... Но ведь вы все равно ничего не поймете и ни во что не поверите, пока не убедитесь во всем сами. Я слишком хорошо изучил вас за это время, Ротанов. Противника всегда нужно хорошо знать. Итак, я вам предлагаю пойти со мной в центральный пост моей базы. Я кое-что вам покажу. Заметьте, я приглашаю туда далеко не всякого...

Ротанова удивило, что Эсхин намеренно демонстративно не замечает присутствия Элны. Что-то за всем этим крылось... Что-то очень важное. Больше он не стал возражать.

Они шли вырезанным в скале проходом, и Ротанов, внимательно всмотревшись в отполированные до блеска

стенки, подумал, что здесь скорее всего поработал молекулярный резак. Может быть, фотонный. Неплохая техника, совсем неплохая...

Коридор вскоре кончился, и они вошли в зал, вид которого заставил Ротанова тихонько присвистнуть. Если Эсхин собирался поразить его, то ему это удалось. После поселений бореев, после храмов и замков рэни-тов он ожидал чего-то старинного, древнего или хотя бы стилизованного под глубокую старину. Но они очутились в современном управляющем центре. Сюда сходились исполняющие и командные устройства, индикаторы и дисплеи, волноводы и энерговоды... Вогнутые зеркала огромных пустых экранов заполняли почти все стены. Назначение многих устройств казалось Ротанову непонятным, но в общих чертах рубка чем-то напоминала корабельную и не вызвала ощущения, что ее создатели — существа иного разума... Вот разве что мебель... Все кресла, столы, рабочие шкафчики были какого-то однообразного пепельного цвета и очень странной формы.

Не задерживаясь, Эсхин подошел к центральному пульту. Элна и Ротанов остановились у самого входа. Девушка шепнула:

— Когда-то мы принимали отсюда наши корабли. Мне кажется, с тех пор прошла вечность. Странно, что аппараты все еще действуют...

Элна не скрывала своей печали, и он хорошо понимал ее состояние. Эсхин тем временем поворачивал рукоятки и переключатели. Загудели скрытые под полом моторы, шторы на центральном экране раздвинулись. Но прошло достаточно времени, прежде чем экран осветился тусклым желтоватым светом. Может быть, Эсхину трудно было справиться с управлением, в конце концов, здесь должен был бы работать не один оператор. Да и сами механизмы, странный светящийся пластик экрана, следы желтых потеков, поврежденные кожухи устройств — все говорило о том, что время не пощади-

до это некогда совершенное творение чужого инженерного гения.

Ротанов начал уже терять терпение, ему показалось, что Эсхину так и не удастся справиться с аппаратурой, когда по экрану одна за другой побежали темные полосы... Что-то не ладилось. Барахлила развертка, капризничали волноводы, видимо, датчики изображения находились слишком далеко отсюда... Страшно было подумать, где они должны были находиться, если это не запись... Потому что на экране постепенно наперекор всем помехам проступило изображение кокона, некоего темного яйца, занимавшего полэкрана. Со всех сторон этого темного образования пылали огоньки звезд!

Ротанову достаточно было одного взгляда на экран, чтобы узнать это небо. Перед ними была система Энны и Эпсилона, кокон свернутого пространства, и, следовательно, датчики находились снаружи и каким-то непостижимым образом передавали информацию внутрь купола. Эсхин проворчал: «Не та сторона. Придется поворачивать изображение!» Он начал крутить ручки, похожие на штурвалы и явно не относящиеся к первоначальной конструкции рубки, приделанные позже, что называется, на живую нитку. Таких штурвалов было четыре — по одному у каждого операторского кресла. Эсхину приходилось то и дело бегать между этими креслами, доворачивать то один, то другой штурвал. Видимо, он старался не нарушить синхронную работу внешних систем, и, судя по тому, что звезды на экране наконец дрогнули и поплыли в сторону, ему это наконец удалось. В полной тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием Эсхина, купол замкнутого пространства на экране начал медленно поворачиваться. Изображение стало отчетливей, ближе, и Ротанов едва сдержал крик, потому что сбоку, из-за края черного яйца, вдруг выплыла сверкающая огненная пирамида, нацеленная своим острием в скорлупу кокона свернутого пространства.

Острие погрузилось уже достаточно глубоко, и там,

внутри кокона, его конец светился тусклым оранжевым светом. Ротанов сразу понял, что это такое. Пирамида состояла из отдельных огненных точек, связанных между собой жгутиками раскаленных до синевы нитей. Точек было много, слишком много, он никак не мог сосчитать их, не смел надеяться, не хотел произнести вслух название этих точек, словно боялся спугнуть, боялся разрушить то чувство огромной гордости, силы, уверенности в себе, которым веяло на него от этой пирамиды, потому что каждая точка была отдельным, самостоятельным кораблем. Потому что синие нити были энерговодами, передающими в эту секунду от корабля к кораблю целые реки энергии, способные испепелить планету, высушить море или зажечь звезду! Потому что острие этой огненной пирамиды все глубже уходило внутрь кокона, изливая вокруг себя сверкающий водопад энергии, противостоять которому, казалось, не могло уже ничто. Даже Эсхин молчал, потрясенный и замороженный этим грандиозным зрелищем.

— А ведь они скоро прорвутся, им осталось не так уж много! — не в силах сдержать торжества, произнес Ротанов.

— Сопротивление возрастает с глубиной. Они еще не прошли зону наибольшей плотности. Теоретически это вообще невозможно. Но кто знает, при таких мощностях многие физические законы нарушаются и материя ведет себя иначе... — Эсхин бросил в его сторону быстрый взгляд и продолжил: — Боюсь, вам меня не понять, Ротанов, вы еще молоды, слишком молоды по сравнению со мной и потому не поймете... Я устал ждать, устал балансировать на грани пропасти. Вы многого не знаете, и пока что я не готов поделиться с вами всей информацией. Достаточно с вас и того, что я отдам вам эту планету со всеми ее потрохами и проблемами в обмен на энергию вашего флота. Мне хватило бы пяти минут, чтобы зарядить свои пустые емкости, и тогда я прошусь с вами и оставляю вам Энну. Что ж вы молчите? Устроят

вашего капитана эти условия? Ведь я прошу не так уж много...

— Я не уполномочен говорить от имени командира флотилии. В вашем предложении многое неясно. Мы не собираемся мстить вам или наказывать здесь кого бы то ни было. Мы не имеем на это права. Но мы должны быть уверены, что наша помощь вам не будет использована во зло другим существам. Для чего вам энергия? Что именно собираетесь вы с ней делать? Кораблей у вас здесь нет, насколько мне известно. — Эсхин молчал. — Думаю, все это вам придется объяснить, прежде чем соглашение будет достигнуто.

— Вот поэтому мне и нужны вы, чтобы не отвечать на некоторые вопросы. Узнав, что вы мой заложник, командир флотилии не будет слишком требователен, а, Ротанов? Он ведь согласится ограничиться той информацией, которую я ему предоставляю, не так ли? Это будет вполне добротная, хорошо подобранная информация, ее будет достаточно для любого отчета.

— Вряд ли это пройдет. Так или иначе мы узнаем правду, прежде чем примем решение о серьезных действиях. Наши принципы...

— О принципах мы поговорим позже, когда ваш флот прорвется сквозь купол. Это не так-то просто. Я вам уже говорил, шанс прорыва ничтожен. Исчезающе мал...

— Так ли? — насмешливо спросил Ротанов. — Вряд ли вы разговаривали бы со мной здесь, если бы всерьез не опасались вот этого, — Ротанов кивнул на огненную пирамиду, вгрызавшуюся в черный купол сжатого пространства, и оба они некоторое время вновь молча рассматривали это грандиозное зрелище.

— Будущее покажет, кто из нас прав. — Эсхин наконец отвернулся от экрана. — И раз уж мне не удалось сделать вас единомышленником, я хочу иметь хотя бы заложника. В каком качестве вы предпочитаете остаться? В качестве гостя или в качестве пленника?

— Собственно, мне все равно. Я не стану возражать, если в наш договор будет включен еще один пункт.

— Какой же?

— Вы освободите Элну.

— Она меня давно не интересует. Пусть отправляется куда хочет.

Какую-то странную грусть подметил Ротанов в этой фразе, а может быть, не такую уж странную.

— Ей предоставят транспорт и отправят, куда она пожелает.

Ротанов посмотрел на Элну:

— Можно ему верить?

— В этом да. Когда ему выгодно, он умеет держать слово.

— Ты вернешься к бореям? Где тебя искать?

— Я найду тебя, когда придет время. Не беспокойся обо мне и будь осторожен.

«Стоило проделывать столь трудный путь на остров, чтобы согласиться так просто вернуться. Впрочем, если ее целью было лишь доставить меня сюда, тогда конечно...» Тревожные мысли приходили в голову, и где-то в глубине сознания он понимал, что не последнюю роль играли здесь обида и уязвленное мужское самолюбие. Слишком легко согласилась она с ним расстаться, слишком уж легко...

Странные сны снились Ротанову. Странные и беспокойные... Вечерами, когда бессонница наваливалась на него, как глыба, он ничком валился на койку в своей роскошной комнате, излишне просторной. Свобода передвижения сохранялась за ним в известных пределах, он мог подниматься и выходить на внешнюю обзорную галерею острова, расположенную выше кольца электрических батарей. Мог скитаться по всем этажам среднего яруса, запущенным и покинутым много лет назад,

и лишь вниз, в действующие жилые и рабочие помещения базы, путь для него был закрыт. Вначале он считал, что и этого слишком много, что Эсхин предоставил ему слишком большую свободу, но уже через несколько дней понял, что его противник неплохо все рассчитал. Шли дни полного одиночества. Казалось, время остановилось. Информация о далеком прошлом рэнитской базы могла бы, наверное, заинтересовать земных археологов. Но он не был археологом, его деятельная натура плохо переносила бездействие и изоляцию. Кроме охран-ных роботов, он не видел больше никого, ни одного живого существа, и по вечерам его грызла глухая тоска... Не в силах справиться с ней, не в силах заснуть, он доставал свой заветный алый камень, и, глядя в текущие разводы красноватых огней в его глубине, вспоминал оставшуюся за барьером времени, растворившуюся в каких-то неведомых мирах гордую и смелую женщину, что звала его певуче и странно: «Ролано...» Ее биотоки записаны в этом камне, крохотная частичка ее сущности. Он сжимал камень, закрывал глаза и старался представить ее лицо, но вместо этого отчетливо и объемно, словно разорвал некую завесу, увидел однажды лицо совсем другой женщины — той, что осталась на далекой Гидре в племени синглитов, столь далеко и странном, что понять его до конца люди оказались не в состоянии. Может быть, потому он все время видел между собой и ее лицом сверкающий прозрачный барьер, стеклянную стену — ту самую, что невозможно разбить, невозможно разрушить и разорвать, несмотря на всю ее кажущуюся непрочность. Стену непонимания, стену иной, нечеловеческой сущности... Вот и о ней осталась лишь память, горькая память... Потом он увидел лицо своей «жены», жрицы племени бореев. Своими слабыми и беспомощными руками она заслонила его от клыкастой пасти чудовища. Казалось, все эти образы жили в кристалле красного камня. Казалось, он копил их специально, чтобы в причудливом сплетении снов

преподнести Ротанову квинтэссенцию собственной памяти. Что-то в них было общее, во всех этих лицах. Что-то глубинное, тайное, понять этого он не мог и знал, что, пока не поймет, будет вечно метаться среди пыльных дорог по чужим мирам, по чужим тропинкам, не находя своей собственной, что ведет человека к такому простому, казалось бы, счастью. К ощущению дома, близкого человека. Но так уж устроена жизнь, что сильным людям нередко достаются трудные дороги, приносящие им удачу, славу, почет, — все, что угодно, кроме обыкновенного человеческого счастья.

У каждого человека бывают горькие минуты, когда все ему видится в черном свете, — простые истины кажутся безнадежно запутанными, очевидное — тайным, истина — ложью. В такие минуты больше всего человеку нужен друг, но рядом с Ротановым не было друга, разве что этот камень... Из его глубин всплывало новое лицо, лицо, которое он не помнил, которое когда-то значило для него немало и которое он давно и основательно забыл. Забыл так прочно, что даже сейчас, засыпая, не мог вспомнить, кто она, из какого далекого неведомого мира, и лишь губы почему-то шептали имя родной планеты...

11

Центр пирамиды неумолимо сносило. Ни один прибор не мог уловить вертикаль в этом смятом, повернутом сразу вокруг нескольких осей пространстве. Луч лазера искривлялся, закручивался жгутом, уходил в сторону. Направляющие пеленги локаторов вообще не доходили до впереди идущих кораблей.

То и дело рвалась связь между идущими рядом кораблями. Ко всему этому добавились еще и временные разрывы. Иногда капитаны кораблей вдруг получали еще не отданные приказы, иногда получали их с запозданием в несколько дней.

Единственным надежным каналом остались энерговоды. Огненные реки мощностью в сотни тысяч гигаватт, низвергавшиеся от кораблей поддержки к атакующей десятке центра, прожигали в изуродованном пространстве свой собственный, независимый от него канал. Если бы не это обстоятельство, флот давно вынужден был бы прекратить прорыв.

Связисты приспособились с помощью модуляции мощности передавать по энергетическим каналам самую необходимую информацию, и только в одном они не могли помочь — в установлении направления атаки флагманскому кораблю. Перед «Орфеем» не было энергоприемников. Вертикаль ускользала, корабль то и дело сносило в сторону. Нужен был луч огромной мощности, способный пробить себе дорогу в пространстве. Время от времени Торсон давал залп всеми носовыми батареями, и тогда фиолетовый столб пламени, прямой, как древко копья, уносился перед «Орфеем» в непроглядную черноту спрессованного пространства.

Торсон сидел в своей адмиральской рубке, связанной с центральной рубкой корабля прямыми каналами. На его экраны поступала информация со всех кораблей поддержки. К сожалению, информация то и дело искажалась во времени, и, хотя в энергетических каналах влияние временных разрывов не сказывалось так сильно, как на остальных каналах связи, все же и здесь ошибки постепенно накапливались и линии траекторий на объемном экране, выводимые компьютером по мере поступления данных, то и дело искривлялись.

Ровный строй пирамиды сминался. То и дело недопустимо растягивались энерговоды, грозя разрывом. Один из четырех каналов уже был разорван; если выйдет из строя еще один, «Орфей» не выдержит повышенной гравитации и, оторвавшись от кораблей поддержки, рухнет внутрь гравитационного купола. Никто не мог предсказать, куда вынесут их тогда завихрения сжатого пространства...

Второй канал выдавал всего семьдесят процентов мощности. Положение становилось угрожающим. Торсон до минимума сократил расстояние между «Орфеем» и первой линией поддержки, надеясь вновь поймать энергию на разорванный канал. Но это не помогло. Дальнейшее сближение кораблей в ненадежном изменчивом пространстве грозило столкновением. То и дело возникали неожиданные рывки, скачком сближавшие корабли или, наоборот, разбрасывавшие их в стороны. Понимая, что постепенно он теряет контроль над движением «Орфея», Торсон вызвал в рубку главного энергетика.

— Когда закончат ремонт преобразователей второго канала? — В минуты серьезной опасности Торсон всегда разговаривал с подчиненными мягко, стараясь по возможности разрядить напряженную обстановку.

— Мощность непостоянна. В этом все дело. Энергетические каналы не приспособлены для передачи информации. У нас все время выбивает фильтры в преобразователях.

— Так замените их!

— Мы уже дважды меняли пластины во всех четырех каналах. Все резервные запасы израсходованы. Необходимо немедленно затребовать дополнительные комплекты решеток с кораблей поддержки!

— Это в такой-то обстановке? Где я вам возьму шлюпку, которая сможет подойти к кораблю в этой дьявольской мешанине?

— В таком случае максимум через два часа потухнет и третий канал.

Секунды две Торсон раздумывал.

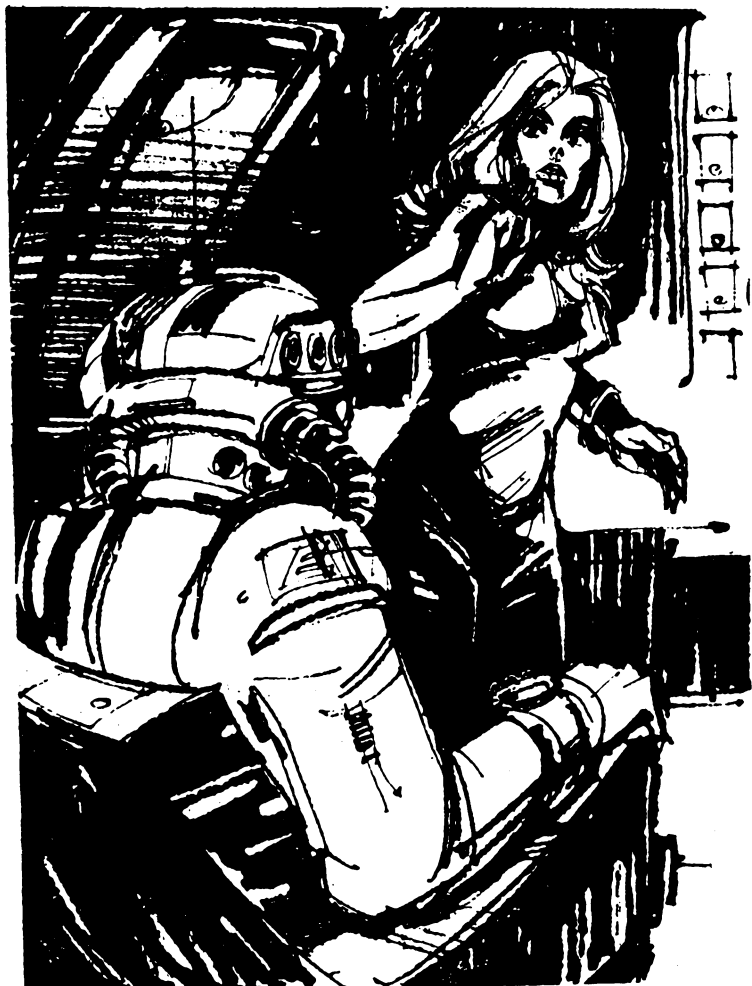
— Хорошо, я попытаюсь. У нас не остается иного выхода. — И, переключив селектор на связистов, приказал: — Передайте на «Н-15»: пусть срочно подготовят десять ракет с решетками и высылают их одна за другой с разных направлений в сторону «Орфея».

Он отключился и откинулся на спинку кресла, сомневаясь в том, что хоть одна из этих десяти ракет достигнет цели.

Через полчаса на пульте запрыгали зеленые огоньки, подтвердившие, что флот начал беспорядочный обстрел своего флагмана грузовыми ракетами. Автоматика отказывала, пять ракет подряд бесследно исчезли, едва оторвавшись от кораблей. Седьмая и восьмая разбились о борт флагмана, разбросав в пустоте свой бесценный груз, и лишь девятую удалось наконец состыковать с грузовым ангаром. Не успел Торсон оценить эту дорогостоящую победу, как с «Н-17» сообщили, что на одной из первых бесследно исчезнувших в пространстве ракет находился человек.

Ночь смотрела в иллюминаторы корабля. Плотная ночь открытого космоса. «Н-17» не участвовал в штурме свернутого пространства. Он находился в самом верхнем слое пирамиды, направленной своим острием к закрытой и невидимой планете. В задачу этого корабля не входил прорыв. Он не должен был совершать посадки даже в случае успеха, а лишь оставаться на внешней орбите вместе с другими кораблями поддержки, обеспечивающими бесперебойное снабжение энергией группу прорыва, состоявшую из тринадцати кораблей. На «семнадцатом» находились биологи, физики, математики — научный центр экспедиции.

Анна не совсем понимала, что должны делать биологи внутри железной коробки корабля, лишенного права посадки на планету. Она вообще многого не понимала. Не понимала, почему Торсон так осторожен и медлителен. Почему прорыв к планете проходит так неудачно. Почему их, несмотря на чудовищные мощности, затраченные на прорыв, раз за разом выбрасывает наружу. Наконец, она не понимала уже и того, для чего вообще оказалась здесь. В конце концов поверхность Черной

осталась для нее столь же недоступной, как и там, на Земле. Столь же далекой, почти нереальной.

Разве что изображение всех ста сорока кораблей на экранах центрального информатора создавало некое ощущение надежды, некое ощущение пути, еще не пройденного до конца. И цели, столь же далекой и нереальной, как раньше. Только теперь во всем этом появился еще и оттенок безысходности. Потому что с каждым днем, с каждым часом она все больше и больше теряла веру в себя. Теряла веру в успех экспедиции, в то, что когда-нибудь еще раз хоть на секунду увидит лицо человека, память о котором позвала ее в эту дальнюю и нелегкую дорогу.

Знакомые до последней мелочи стены ее маленькой каюты окружали Анну, знакомые вещи, знакомые кристаллы видеокниг. Ее рабочее кресло у письменного стола. Она не чувствовала больше желания сесть в него. Даже работа, всегда дарившая ей забвение и утешение, казалась теперь бессмысленной. Расслабившись, Анна лежала на узкой койке и старалась заснуть. Не помогали с детства заученные правила аутогенной тренировки. Оставалось последнее средство. Она потянулась к коробочке с красной полосой, лежавшей на столике у изголовья, — нетрин даст ей долгий и спокойный сон. Забвенье и потом на некоторое время притупление всех рефлексов и эмоций. Она ненавидела это лекарство и все же была вынуждена теперь все чаще прибегать к нему. Ей казалось, что ядовитое химическое соединение разрушает даже память. Делает ее равнодушной, бесчувственной куклой... Она отшвырнула коробочку, так и не открыв ее, и рывком приподнялась на койке. Было от чего.

Секунду назад ее рабочее кресло, находившееся прямо у нее перед глазами, было пустым, а теперь в нем сидел человек... Она совершенно точно знала, что не спала. И никто не открывал дверь. И не было сигнала входного инфора. И все же в кресле сидел незнакомец

в планетарном скафандре высшей защиты. Инспекционная служба? Чушь! В таком скафандре никто не станет разгуливать по кораблю. Черт возьми, не хватало только галлюцинаций! Кажется, она довела себя до самой последней точки и пора обратиться к психологу. Пусть будет нетрин, что угодно, только не это! Она потянулась к коробочке, угловым зрением наблюдая за посетившим ее призраком. Он сидел в кресле, вытянувшись, опустив плечи, и казался усталым, лица за непрозрачным светофильтром шлема не было видно, а сквозь лежащие на подлокотниках руки едва заметно просвечивали стены каюты. Больше она не сомневалась, что перед ней самая обычная галлюцинация, оставалось принять таблетку.

— Не спешите, Анна, нам надо поговорить, — сказал призрак и совершенно домашним жестом попробовал растереть себе шею — впрочем, сквозь воротник скафандра вряд ли ему это удалось.

— Убирайтесь к дьяволу, не хватало только разговаривающих призраков.

— Я не призрак.

— Да? Кто же вы?

— В прошлом один из звездолетчиков, раньше вас посетивших эту планету. А ныне, впрочем, этого вы, пожалуй, не поймете.

— Ах, в недавнем прошлом звездолетчик... — Она не скрывала насмешки, скорее всего адресованной самой себе.

— Вы помните синглитов?

— Как вы сказали?.. — Впервые она растерялась.

— Тогда вам нетрудно будет меня понять. Считайте меня синглитом, если хотите, хотя это далеко не так, но у меня нет сейчас времени объяснять вам все. Важно, что я ваш друг, что недавно я был мыслящим существом, хотя и принадлежал к другой, малознакомой вам звездной расе, и еще важнее то, что я должен вам сообщить. Поэтому постарайтесь не перебивать меня и

выслушать внимательно. И не просто выслушать, вы должны поверить, что все, что я говорю, истина.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что от этого зависит слишком многое.

Она быстро овладела собой и сидела теперь на своей койке, выпрямившись, уставившись на него чуть расширенными, внимательными глазами, и ни испуга, ни сомнения не было в ее взгляде. Только безграничное удивление и интерес.

— Я слушаю вас, слушаю. — Она положила коробку с таблетками на столик.

Человек в скафандре взглянул на часы. Времени для долгих объяснений не было. Он должен был убедить ее сразу же, или все теряло смысл.

— Итак, слушайте. Ровно через сорок две минуты с флагманского корабля поступит приказ выслать ваш резервный катер с ремонтным оборудованием. Запомните — катер номер пять, он находится в пятом шлюзе. Вы знаете расположение нижних помещений на корабле?

— Я знаю расположение помещений, продолжайте.

— Так вот, этот катер не долетит до флагманского корабля... Благодаря нашему грубому вмешательству в законы природы на этой планете в далеком прошлом образовались разломы в пространственно-временном континиуме. Главное сейчас то, что в окружающем ваши корабли пространстве-времени есть трещины. В одну из таких трещин и провалится теперь уже через сорок минут ваш пятый катер. В этой трещине время течет в обратную сторону, катер опустится на Энну в далекое прошлое. В момент, когда туда только что прибыла наша экспедиция. Рэниты, так зовут мой народ, найдут этот катер, а в нем они найдут ребенка... Маленькую девочку. Они воспитают ее, примут в свою семью, сделают рэниткой... Этой девочке суждено будет сыграть важную роль в развитии целой цивилизации... Она станет хранительницей Хронара, не позволит совершить предательство и чудовищную ошибку, потом она будет

жрицей богини Юстары в диком племени бореев, потом встретится с человеком, которого полюбит... станет его женой, поможет ему победить зло на этой планете, поможет ему исправить совершенные ошибки. Удивительная и прекрасная жизнь будет у этой женщины... Но ничего не дается даром. За это ей придется расплатиться памятью о прошлом, своей прежней жизнью... Правда, не навсегда, возможно, придет час, когда разрывы во времени затянутся, скрученное, изуродованное пространство выпрямится, и тогда она, может быть, вспомнит, кем была на далекой планете Земля... Это будет зависеть от нее самой и от того человека, которого она встретит и полюбит на Энне... Этого человека она знала и раньше, от судьбы в ее главных, узловых моментах не уйти, не сбежать и сквозь время...

— Кто он? — дрогнувшим от волнения голосом спросила Анна.

— Игорь Ротанов.

Она долго молчала.

— А что будет, если в катере никого не найдут?

— Судьбы целой цивилизации в этой части космоса изменятся, изменится сама реальность. Бывают узловые моменты, поворотные пункты, которые определяют всю дальнейшую дорогу истории, весь ход становления реальности... Если девочку не найдут, хранителем Хро-нара впервые в истории рэнитской цивилизации будет избран мужчина. В самый ответственный момент он примет неверное решение, и эта планета будет уничтожена, а в вашей Вселенной образуется брешь, которую уже невозможно будет заделать. Все силы вашей цивилизации уйдут на бесконечную, бессмысленную войну. Ни конца, ни победы в ней нет.

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю теперь все. Прошлые и будущее едины и открыты в том мире, где я нахожусь. Я сделал все, что мог. Теперь и ты знаешь будущее. Судьбы вашего мира и твоя собственная судьба в течение оставшихся

тридцати минут будут зависеть только от твоего решения. Прощай.

Никого не было в кресле. Человек исчез сразу. Какую-то долю мгновения она еще видела его неясные, туманные контуры, обрисовавшие фигуру в скафандре, и вот нет уже ничего... И лишь часы на крошечном табло у изголовья неумолимо отсчитывали секунды.

Чтобы добраться до катера, ей нужно минут пятнадцать. Значит, еще есть время. Немного, но есть. Есть время, чтобы одуматься, чтобы стряхнуть наваждение, навалившееся на нее. Что это было? Кто?! Существо иного мира, могущественный враг? Ну а если все так и есть, как он сказал, что тогда?.. И по тому, как оборвалось сердце, она уже знала, что поверила ему и не станет больше мучить себя. Такие решения надо принимать сразу без фальши, без жалости к себе, чтобы не грызть потом локти от бессильного сожаления. Такие мгновения бывают лишь раз в жизни. Один только раз.

И вдруг иная, страшная мысль сковала ее: «Потеря памяти — это же фактически смерть... Смерть ее личности, всего, что ей сегодня принадлежит; все, что ей дорого, будет уничтожено забвением, даже ее любовь. Там, у рэнитов, другая женщина, кто знает, какой она будет... Мог ли он до конца заглянуть в столь далекое будущее, и даже если он прав, что ей от того, ей, Анне?»

А минуты шли, она видела, как зеленые цифры на циферблате сменились. Осталось всего тринадцать минут, ей уже не добежать до катера, не надо себя обманывать, все это бред! Образы больного, измученного воображения! Через тринадцать минут последний раз мелькнут цифры — все будет кончено. Раздастся стартовая команда, корабельные переборки отзовутся на легкий толчок уходящего пустого катера. А она навсегда останется здесь, в этой железной коробке корабля. Наедине со своим знанием и со своей совестью...

И вдруг как вспышка сверкнула мысль, все опреде-

лившая и все расставившая на свои места: если все происшедшее бред, галлюцинация — так и не будет никакой стартовой команды! Катер останется в ангаре. В грузовом отсеке одни автоматы, даже объяснять ничего не придется, и она, ничем не рискуя, через пятнадцать минут спокойно вернется в свою каюту!

По коридору она бежала так, как когда-то бегала на соревнованиях, вкладывая в этот бег всю себя без остатка, словно гналась за собственной тенью... Поворот, еще поворот. Лифт наверху! Не ждать! Во втором ярусе есть еще один! Вниз по лестнице. Кто-то стоит на пути, энергетик Семин, не останавливаться, не задерживаться. Он что-то крикнул ей вслед — неважно! Все теперь неважно. Вот еще поворот, и кабина лифта: «Девятая грузовая палуба» — лифт тронулся. Бешено, у самого горла, колотилось сердце, а может быть, это стучал мотор над кабиной лифта...

Упругий толчок. Двери распахнулись, и она очутилась в грузовом отсеке. На аппаратах лежали длинные сигарообразные тела грузовых ракет, наполовину утопленные в герметических стартовых шлюзах. Первая, вторая, четвертая, следующая должна быть пятой... но завывли сирены, замигал красный свет. Как она могла забыть! Две минуты предстартовой подготовки, сейчас будут заблокированы все выходы, все люки ракет! Она опоздала! И уже по инерции, не снижая скорости, ткнулась в корпус с огромной белой цифрой 5. Рванула на себя и повернула по часовой стрелке ручку люка. К ее удивлению, крышка поддалась. Уже внутри, завинтив за собой люк, она поняла, в чем дело: пока в ангаре находился человек, автоматы блокировки не могли включиться. Зато теперь сирена с новой силой взывала в последний раз и умолкла. В полутьме она с трудом нащупала кресло пилота, застегнула ремни. Вообще-то эти ракеты не были предназначены для людей и только в случае аварии могли быть использованы как спасательные шлюпки, потому тут и стояло это кресло.

Кровь неистово стучала в висках, а мысли текли неторопливо и холодно, почти отрешенно, словно все происходящее уже не касалось ее, словно она думала о ком-то другом, совсем постороннем для нее человеке. В конце концов, сама по себе сирена еще ничего не значит, это могло быть простым совпадением, могли отправить совсем другую ракету! Но в глубине души она уже знала — никакое это не совпадение, не бывает таких совпадений, и именно эту ракету через несколько секунд автоматы вышвырнут в космос...

Новая мысль уже ничего не добавила к ее состоянию... Она задержала старт, пока бежала по ангару, она не знала точно, на сколько, может быть, всего на минуту. Но и этого могло оказаться достаточно для того, чтобы траектория ее ракеты не попала в ту трещину, о которой ей говорили... Что же тогда? Куда она приземлится? Может быть, никуда? Вечно будет кружить в пустоте? Или через полчаса в ангаре флагмана она увидит разгневанные и удивленные лица своих товарищей? Что она скажет Торсону? Как объяснит свой поступок? Но ничто не могло уже вывести ее из каменного оцепенения. Все страхи, опасения, расчеты скользили по краю ее сознания, не проникая внутрь ее существа, сжавшегося в маленький испуганный комочек, и лишь секунды звучали там, секунды, которые отсчитывал неведомый метроном... «Все это чушь! Не будет вообще никакого старта! Ракета останется в ангаре!» И в эту секунду шумно вздохнули вакуумные насосы, и невидимая лапа гидравлического поршня толкнула ее ракету вперед.

Ровно через четыре минуты стартовавшая к флагману грузовая шлюпка под номером пять исчезла сразу со всех экранов.

Эсхин сдержал слово. Корд взмыл в небо, и Элна осталась одна. Она стояла у входа в свое тайное жилище в ущелье племени бореев. Пещера показалась ей

холодной и чужой. До последней мелочи знакомые вещи вызывали раздражение. Странная пустота и безразличие овладели ею. «Все сделано правильно, — успокаивала она себя, — так и должна была поступить хранительница времени. Законы звездолетчиков не отменяются никогда... Ты выполнила пожелание своего командира, приказ, если угодно». Беда была в том, что Эсхин перестал быть ее командиром с тех пор, как захватил власть на планете, нарушил устав и закон своей родины. С тех пор, как в неравной схватке был убит и брошен в озеро Забвения ее названный брат. «Ну что же, — жестко сказала она себе, — в таком случае ты можешь считать, что выполнила просьбу Эсхина, пусть теперь не командира. Пусть он ошибся, совершил преступление, но он человек твоего племени, и ты должна была выполнить его просьбу — это вполне естественно. В предстоящей схватке с чужеземцами ты должна быть на стороне племени, которое вскормило тебя, воспитало, вложило в твои руки знание и почти неограниченное могущество...» Где оно, это могущество? И где это племя? Жалкая горсточка, рассеянная на дальних звездных системах, все, что осталось от великой цивилизации...

Жестокая правда, холодная и безжалостная, вдруг встала перед ней без единого покрова. Она еще пыталась оправдаться. У нее еще были в запасе серьезные доводы. В конце концов, она не совершила даже предательства. Она не виновата, что желания разных людей совпали в одном-единственном пункте. Один из них во что бы то ни стало хотел разгадать тайну Энны и для этого должен был попасть на остров Рин. Второй просил ее любой ценой доставить на остров Рин руководителя земной экспедиции. Каждый из них получил то, что хотел. Землянин был так наивен и доверчив... И у него были такие добрые руки... Вдруг что-то на нее нахлынуло — боль какая-то, неизведанная раньше, сладкая и горькая. Она даже названия ей не знала... Только слез сдержать не смогла, согнулась от этой боли, ощупью

нашла скамейку и опустилась на нее. Сидела неподвижно и тихо. Очень долго сидела, а по лицу, незамеченные, одна за другой катились крупные слезы. Человек этот, чужого племени, оказался ей вовсе не безразличен. «Это невозможно, неправда! — крикнула она себе. — Он чужак, он человек чужого племени!» Слова звучали пусто и жалко. Она продолжала казнить себя. «Ты ведь знала, что его ждет. Ты догадывалась, что не заложник нужен Эсхину. Дорога к озеру Забвения — вот что ему предстоит!.. Нет, Эсхин не посмеет. В конце концов, землянин не первобытный дикарь — его мозг способен сопротивляться постороннему воздействию, Эсхин побойтся рисковать, с «озером» шутки плохи...» Элна металась по пещере, не находя места. И воспоминания, яркие как видения, подстегивали ее... Вот опустились вниз деревянные руки богини, открывая священный плод, и он предоставил ей право выбора, право решения... Вот отшвырнул ее прочь от пасти змея и загордил своим телом... Вот он борется с волнами, ни на секунду не выпуская ее обессилевшего тела, не давая себе передышки. А потом там, на острове Рин, когда Эсхин так легко согласился освободить ее и она промолчала, принимая это условие, он не сказал ни слова, лишь посмотрел на нее. Теперь она будет помнить этот взгляд всю оставшуюся жизнь.

И, не сопротивляясь, каким-то мертвенным, сломленным жестом она, не зажигая света, нащарила на столе граненый стеклянный шар, так удививший Ротанова, когда он впервые пришел к ней сюда. Стеклянный шар осветился, наполнился клубами тумана. Туман сгустился плотным светящимся облаком, приобрел форму, и вот уже знакомая хищная усмешка скривила губы человека, которого она так ненавидела и боялась...

— Ну, что тебе? У меня мало времени.

— Мне нужен землянин, Эсхин. Я передумала. Верни мне его.

— А больше тебе ничего не нужно? — Эсхин пожевал губами, и на его костлявом лице словно из самых глубин проступила издевательская усмешка. Ей показалось, что он видит ее насквозь, и она даже передернулась от внезапного чувства гадливости, так неприятна оказалась для нее его догадливость.

— Увы, девочка. Пожалуй, в этом я не смогу тебе помочь. Землянин нужен мне самому. К тому же я не меняю своих договоров.

— Ты не сможешь отдать его «озеру» — это слишком опасно. Верни мне его.

Она сама почувствовала, как неубедительно звучит ее голос, как откровенно слышны в нем растерянность и мольба. На этот раз он даже не усмехнулся.

— А вот это уж не твое дело. Я сам решу, как поступить с землянином.

Внезапно она почувствовала гнев. Все ее существо охватила неведомая раньше ярость, а в голосе зазвучал металл, несвойственный и незнакомый ей.

— Послушай, Эсхин. Если ты не вернешь землянина, ты пожалеешь об этом, я тебе обещаю.

Несколько секунд он молча разглядывал ее.

— Видимо, я поспешил отпустить тебя с Рина. Но это еще можно исправить.

Он сразу же отключился, и волна холодной ярости помогла ей справиться с извечным страхом перед этим человеком. Теперь, по крайней мере, она знала, что надо делать дальше. В глубинах ее памяти много лет хранились бесполезные знания бывшей звездолетчицы, хранительницы Хронара, знания жрицы, богини Юстары. В них было немало такого, о чем до сих пор не подозревал даже Эсхин. Ей были известны тайные пути, ведущие на остров и к его сердцу — Хронару, пути, о которых, кроме нее, не ведал никто.

Так, значит, она снова увидит землянина... И сразу же перед ней со всей очевидностью встал вопрос: «Что дальше?» Что она ему скажет, что сделает? Был

один-единственный путь победить Эсхина и освободить землянина из его рук. Один-единственный, сомнительный и рискованный путь. Она знала, зачем Ротанову понадобился остров Рин. Без ее помощи он никогда не сможет осуществить задуманное. И он даже не скрывал своих планов.

Он хотел остановить, а затем и совсем уничтожить механизм, управляющий временем, охранять который ей было поручено много лет назад. Старые законы и правила прочно сидели в ее голове, вбитые вместе с первыми шагами, с первыми словами родного языка... Впрочем, родного ли? Почему она так и не смогла узнать, кто были ее родители? Почему вообще от нее скрыли тайну ее рождения? Разве это важно сейчас? Разве не для того, чтобы оправдаться в собственных глазах, вспоминала она сейчас все мелкие обиды, все, что могло пошатнуть, разрушить ее привязанность к родному племени? «Чужеземец не имеет права видеть Хронар, не имеет права знать о нем. В интересах других народов это устройство не может быть использовано никогда» — так гласили правила, часть из которых она уже нарушила, а оставшиеся... Впрочем, она не была уверена в том, что, принеся ему в дар все, что могла принести, свою любовь и свой погранный долг, она добьется успеха даже такой ценой... Никто не смог бы теперь предсказать, к чему приведет остановка Хронара после того, как на планете появилось озеро Забвения...

Сомнения обессилили ее, и она отложила решение самой важной проблемы на более поздний срок, как будто это что-то меняло... Главное, она увидит его снова, и эта простая мысль заслонила все остальное, оказалась важнее всех ее рассуждений, высоких обязанностей, долга... Она не ведала, сколько времени будет продолжаться это наваждение, не желала ничего рассчитывать, предугадывать. Она знала, что летит к нему, летит сейчас же! Не одному Эсхину подвластны корды,

у нее есть своя птица, о которой не знает никто. Она берегла ее на самый крайний случай, кажется, теперь он настал. Ей хотелось выглядеть перед ним так, как выглядят женщины его страны, но, к сожалению, она не знала о них ничего. И в конце концов решила одеться как можно проще, распустила волосы широкой светлой волной. Мудрый глубокий инстинкт руководил каждым ее поступком, словно стоял у нее перед глазами образ женщины из далекого далека... Не зная ничего об Анне, она неосознанно подражала ей. И, уже не скрывая от себя обжигающей радости, помчалась навстречу человеку, которого видела так мало и которого любила так, будто знала его долгую жизнь, словно могла она поверить в обряд, совершенный в храме Юстары, словно была она с ним одной крови, одного племени...

И как только решение было принято, как только корд взмыл в воздух, за тысячи километров отсюда, за барьером свернутого пространства, в одном из кораблей поддержки открылся грузовой люк, и гидравлический поршень вытолкнул в пространство крошечную ракетку, в которой, сжавшись от страха и уже победив его, сидела другая женщина... Но соединилось кольцо разорванного времени, и странные картины, рожденные пробуждающейся памятью, проносились в голове той, что летела сейчас по небу Энны к человеку, которого ждала так долго...

Корд сложил крылья и ринулся вниз с огромной высоты. У Элны заложило уши, а плотный поток воздуха рвал волосы, забивался в легкие, мешал дышать. Она ту же затащила ременные тяжи, крепящие ее тело к седлу корда. Внизу под ней вращался игрушечный остров Рин — крохотное колечко гор среди безбрежного океана. Наблюдатели сразу же заметили чужой корд, и уже на высоте в два километра защитные батареи открыли огонь. Элна знала, что батареи не рассчитаны на атаку сверху и надежно защищают остров лишь с моря. Пле-

мена, живущие на Энне, не располагали летательными аппаратами, и Эсхин не опасался вторжения извне, сквозь купол свернутого пространства.

Несмотря на опасность, вопреки страху странная пьянящая радость завладела всем ее существом, словно залпы электрических батарей были всего лишь фейерверком, зажженным в ее честь, словно она мчалась на праздник...

12

Наверно, нет ничего тоскливей штормового пустынного моря без паруса, без клочка суши на горизонте. Лишь свинцовая, испещренная рябью поверхность воды раскинулась во все стороны, постепенно растворяясь во мраке. Даже горизонта не было видно.

Ротанов стоял на верхней галерее один. Давно заброшенные помещения верхнего яруса не нуждались в охране, отсюда был один выход — вниз.

Шаги он услышал сразу же, но не показал вида. Кто-то крался у него за спиной. Это не были шаги робота, но в верхних галереях острова не встречались люди... Может быть, Эсхин? Человек подошел уже совсем близко, Ротанов не стал больше ждать и резко обернулся.

Перед ним стояла Элна. Широкий светлый плащ волнами окутывал ее фигуру, незнакомая прическа так сильно изменила лицо, что в первую секунду он ее не узнал и удивился своему волнению:

— Ты? Но откуда? Как ты здесь очутилась?

Она ответила едва слышно, одними губами, и не отрывала глаз от его лица, словно видела впервые:

— Когда-то я была хозяйкой этого острова. Мне известны тайны, о которых не знает даже Эсхин... Но ты, кажется, не рад мне?

— Не знаю, — честно признался он, — слишком это неожиданно.

Никогда его не подводила память, а вот сейчас он не мог сказать, почему таким знакомым и одновременно чужим показалось ему ее лицо, словно встретил другую женщину... А она без улыбки, серьезно и испытующе смотрела ему в глаза.

— Ты знаешь, почему я здесь?

Он отрицательно качнул головой.

— Со мной произошла странная вещь. Когда мы расстались с тобой, когда Эсхин отпустил меня с миром, мне казалось, что все правильно, что я сделала все так, как должна была сделать. Ты попал туда, куда стремился... Я тоже выполнила свои обязательства, одним словом, оставалось улететь со спокойной совестью. Не получилось. Не должна я была возвращаться, не должна была говорить тебе то, что собираюсь сказать. И вот, однако... — Она замолчала, и он не произнес ни слова, чувствуя, что в эту минуту ничем не может помочь ей, только она сама имела право решить, что делать дальше. — Ладно. Как говорят борей: «Никто дважды не может пройти мост, не возвращаясь». Нельзя дважды принимать решение. Да и некогда нам раздумывать. Эсхин уже знает, что я здесь. Слышишь свистки охраны? Через минуту они будут здесь. Пойдем.

— Но куда? Отсюда один выход в галерею, там роботы.

— Пойдем. Я покажу тебе Хронар. Самое большое достижение нашей цивилизации и самую большую ее тайну.

— Разве ты имеешь право это делать?

— А ты как считаешь?

— Может быть, я сам?

— Туда не сможет войти никто посторонний. Пойдем, а то передумаю.

Совсем уже недалеко, за поворотом, послышался лязг металлических подошв. Охранные роботы не теря-

ли времени даром... Она достала откуда-то из складок своего плаща небольшой предмет, больше всего похожий на игрушечный карманный пылесос, и нажала кнопку. Ничего особенного не случилось, лишь прибор протяжно взвыл и тут же смолк. Она схватила его за руку и толкнула к стене. Все еще не понимая, чего она хочет, инстинктивно, от ее толчка, он оперся о стену и почувствовал, что рука свободно входит в вязкую массу. Она опять подтолкнула его — ну же! И тогда он шагнул прямо в стену. И стена раздалась, пропустила его и сразу же сомкнулась вновь. Элна была уже рядом, и оба они стояли в соседнем помещении. Очевидно, это была комната для наблюдений и подслушиваний. Странные механические уши уродливо присосались к стенам, сверкали линзы, направленные в щели... Сейчас здесь никого не было. Элна вновь приподняла свой «пылесосик» — молекулярный дезинтегратор, ослабляющий на время связи между молекулами любого вещества.

— Ты не мешкай при переходе, а то можешь оказаться замурованным в стене.

И вновь она нажала кнопку, снова взвыл прибор, и вот они как во сне проходят сквозь стены из комнаты в комнату, мелькает длинная анфилада залов, коридоров, складов... В одной из комнат он увидел ошарашенные лица охраны... Коридор, еще коридор. Очень толстая стена в конце. Показалось, что не хватит энергии прорваться. Он шел вслед за Элной и, собрав всю силу, рванулся вперед. Стена уступила, и оба они теперь стояли в огромном зале... Зал был почти пуст, лишь в центре, на каменном постаменте, покоился огромный куб из серого металла. Десяток наклонных колонн шли к нему с разных сторон. По их вибрации, по смрадному жару, пахнувшему в лицо, по отвалившейся кое-где термоизоляции он понял, что эти колонны — энерговоды, каждую секунду поставлявшие в холодное металлическое тело этого куба целые реки энергии. Они подо-

шли ближе, и лишь теперь Ротанов оценил размеры всего сооружения. Куб был высотой с двухэтажный дом. Ни трещины, ни единой ссадины не оставило время на его матовых, тускло блестевших боках.

— Хронар?

Элна молча кивнула и отвернулась. Он хотел было обойти куб, но она рывком остановила его.

— Не спеши. Часть защиты я отключила, но тут могут быть блоки, неизвестные даже мне. Посторонним не полагается разгуливать по этому залу. Не отходи от меня.

— Покажи мне пульт управления.

Она усмехнулась.

— Наши инженеры в отличие от вас не любили сложных устройств. Вот он, перед тобой.

Она нажала маленькую, почти незаметную кнопку, и в стене куба открылась узкая ниша. Там было всего две кнопки — красная и голубая, две рукоятки с непонятными шкалами да еще посередине узкое граненое отверстие. Именно это отверстие и хотел увидеть Ротанов. Сейчас он мысленно сравнил его размеры с размерами рубинового камня. Совпадали и размеры и форма. Это была скважина для ключа. Ротанов расстегнул воротник, достал камень и осторожно разогнул оправу кулона. Сейчас камень лежал у него на ладони, холодный и совершенно бесцветный, словно никогда раньше не прятал в своей глубине игру таинственных огней. Он подбросил камень на ладони, словно прощаясь с ним, и протянул его Эльне.

— Зачем он мне?

— Не любоваться же этим кубом мы сюда пришли. Попробуй, кто знает, может быть, ключ все-таки работает. Возможно, запись биотоков не изменилась за это время.

— Пока цела кристаллическая решетка камня, будет цела и запись.

— А что случится, если Хронар включить чужим ключом?

— Этого я не знаю. Этого никогда и никто не пробовал. Возможно, сработает защита. Возможно, Хронар остановится...

— Вот и давай попробуем.

— Но если он действительно остановится, ты представляешь, что произойдет?

— Я думаю, энергия, необходимая для того, чтобы удержать звезду в полуколлапсирующем состоянии, на несколько порядков превосходит все, что может дать это устройство.

— Равновесие неустойчиво. Легкий толчок, незначительное изменение одного из факторов приведет к катастрофе.

— Скажи, правда, что ваши ученые могли предвидеть будущее?

— Среди нашего народа иногда рождались люди, наделенные особым даром проникать в информативное поле будущего. Это редкий природный дар, и наука здесь ни при чем.

— Видишь ли, мне кажется, я знал одного такого человека. Женщину, подарившую мне этот ключ...

— Ты хочешь сказать, что она могла предвидеть?.. Что она хотела именно этого, чтобы мы?..

— Мы должны попробовать, Элна. Мы должны попробовать остановить Хронар. Работа Хронара, нарушая естественное течение времени, противоречит неизвестным нам глубинным законам природы и почти всегда приводит к несчастью. Мы обязаны восстановить равновесие, хотя бы попытаться это сделать. Рано или поздно приходится исправлять ошибки...

С минуту она молча смотрела на него, и он понимал, что творилось у нее в душе. Гнев и горечь от того, что он, чужеземец, пытался несколькими словами перечеркнуть высшее достижение ее народа.

— Рано или поздно вы, люди, столкнетесь с теми

же проблемами, вам самим придется решать их, и тогда...

— Ты, конечно, права. Но я уверен — нельзя грубо вмешиваться в сложнейшие закономерности природы, не взвесив до конца все последствия... И потом, почему ты говоришь со мной так, словно сама все еще принадлежишь к цивилизации рэнитов? Тысячелетия пронеслись над вашей родной планетой, я был там после того, как последний рэнит ушел с нее навсегда. Разве ты сама не принадлежишь теперь к другому племени?

— О чем ты говоришь?! — Она почти кричала.

— Ты человек, Элна, и ты моя жена... — Он попытался найти ее руку, но она отстранилась.

— Это была лишь игра. Обряд чужого для нас обоих народа...

— Обряды имеют лишь тот смысл, какой вкладывают в него люди... Решайся, Элна. Я не знаю, сколько минут отпущено нам на раздумье. Вот тебе камень. Только ты одна можешь вложить его в Хронар. Только твою руку знают его защитные и исполнительные механизмы. Попробуй. Риск есть, конечно, но он не больше, чем был в тот момент, когда ты впервые включила здесь эту машину... Скорей всего искаженное разорванное время вернется в свое нормальное русло. В природе много здоровых сил, и она умеет залечивать раны.

Он сказал теперь все, почти насильно вложил в ее горячую сжатую ладонь ключ от Хронара и отвернулся, чтобы не мешать ей в эти секунды, когда человек должен остаться один. И только когда скрипнули механизмы на пульте, он повернулся к ней вновь. Обе ручки стояли теперь на нулях в крайнем нижнем положении.

— Ты знаешь, что случится с нами, если время вернется в исходную точку, в момент, когда впервые был включен Хронар? Ты окажешься на своей планете, дома, и никогда уже не вспомнишь обо мне. Да и некого

будет вспоминать. Вся моя жизнь — следствие большого, искаженного времени. — И, не дав ему ответить, лишь посмотрев прямо в его глаза, словно молча попрощавшись с ним, Элна разжала пальцы и опустила камень в отверстие.

Послышался глухой протяжный звук, похожий на стон. Звук нарастал, поднимался вверх, разрывая барабанные перепонки. Волна вибраций прошла по самому кубу, потом странная живая дрожь передалась полу и стенам. Казалось, некий вихрь пронесся по залу, сделав неустойчивыми, эфемерными каменные стены, весь окружающий мир. Но уже через минуту звук стал слабеть, переходить на нижние октавы и где-то там, в нижнем регистре, затерялся, исчез совсем. Элна стояла у пульта совершенно оглушенная, сжав виски руками.

Что-то неуловимо менялось в ее чертах, разгладились горькие складки губ внизу, у подбородка. Исчезли морщинки в уголках глаз, чуть посветлели волосы, чуть прозрачнее стали глаза, а может быть, только казалось ему все это. Но почему же вдруг до боли знакомым, родным стало для него это лицо? Почему странные картины прошлого заслонили от него этот зал? Почему видит он девушку, одиноко сидящую у костра в Синем лесу? Вот одним взмахом швыряет она в ползущую, смертельно опасную дрянь свою последнюю протонную гранату, спасая ему жизнь... Вот он несет ее на руках через Синий лес, а губы шепчут давно забытое простое имя Анна... Видела ли она то же самое? Вспомнила ли это имя? Кто знает. Она не тронулась с места. Не бросилась к нему. Справилась сама со своей болью и отвернулась. Тихо было в машинном зале, не вибрировали энерговоды, не качалась стрелка на единственном приборе, отмечавшем мощность поглощаемой энергии. Хронар остановился навсегда...

И тогда на шершавой каменной стене напротив них высветился голубой овал, и хищное, остроносое лицо Эсхина появилось в его глубине; он усмехался.

— Это был опасный эксперимент, а, девочка? Но ты справилась блестяще. Сорок тысяч гигаватт ежедневно. Неплохой подарок! Я направлю их на дезинтеграторы, на планетарную защиту. Ни один чужой корабль не сможет отныне появиться в небе Энны. Только ты могла это сделать, только он мог заставить тебя это сделать! Вы оба прекрасно справились с отведенными вам ролями.

— Как только ослабеет гравитация, как только распрямится Купол сжатого пространства, ничто уже не остановит наш флот! — угрожающе произнес Ротанов, невольно подавшись к этому светящемуся овалу.

— Гравитация не ослабеет. Пространство не раскроется, потому что время изменяется мгновенно или не изменяется никогда! Вы остановили Хронар, но планета осталась в той же самой точке пространства-времени.

Эсхин почти кричал, и такая злобная радость слышалась в его голосе, что Ротанов уже не сомневался в том, что их постигла неудача. Почти сразу же погас свет, и они остались одни.

— Может быть, остановка Хронара скажется не сразу? Может быть, Эсхин попросту солгал, надо подождать?

Элна отрицательно покачала головой.

— Эсхин сказал правду. Время изменяется сразу или не изменяется совсем. Видишь слой пыли на этих стенах? Если бы время вернулось в первоначальную точку в тот момент, когда был включен Хронар, этот зал выглядел бы иначе. Но все осталось по-прежнему... Этого я не ожидала. Мне казалось, все сейчас кончится, и планета в ничтожные доли мгновения рухнет в недра коллапсирующей звезды. Такой конец был самым вероятным, но этого не произошло. Это странно... С того самого мгновения, когда здесь был включен Хронар, чья-то чужая воля все время вмешивается в наши действия. Не грубо, иногда почти незаметно. Но силы, ко-

торыми управляет этот неведомый нам разум, настолько могущественны, что мы не можем даже представить масштаб их воздействия на окружающий мир.

— Мне тоже все время казалось, что на этой планете действуют не стихийные силы природы, а чья-то враждебная воля. И все время я искал ее источник у бореев, у Эсхина. Может быть, озеро Забвения имеет к этому отношение?

— Озеро скорее всего только следствие, только часть того, что проникло к нам из соседней Вселенной. Кстати, этот разум не обязательно враждебен. Просто он чужд всему человеческому миру. Чужд нашей Вселенной. И потому непонятен для нас.

— Неплохо бы с ним познакомиться.

— Мы для них муравьи, быть может... Впрочем, попытки были. Один из наших пытался. Его звали Лонгом. Он пошел к озеру Забвения и не вернулся... Никто от туда не возвращается. Но с Лонгом произошло что-то странное. Уже после того, как он исчез, его видели несколько раз. Не саму фигуру, но голос, какой-то светящийся силуэт... Заметив, что люди пугаются его, он стал появляться в скафандре с закрытым шлемом. Нечасто, лишь в те моменты, когда назревали события, способные изменить весь ход времени. Говорили, что он может предсказывать будущее... Не знаю, я смутно помню, что однажды говорила с ним уже после того, как он ушел к «озеру».

— Возможно, разгадка лежит в самом «озере»... Что касается Лонга, кажется, я тоже встречался с ним, но в то время я не знал всего, что знаю сейчас, и мало пользы было от нашей встречи.

— Теперь у Эсхина развязаны руки. Мы не нужны ему больше, мы сделали все, что он от нас ожидал. Хронар остановлен... Правда, пока я нахожусь в этом зале, он ничего не сможет сделать. Охранные механизмы настроены только на меня, и всякий, кто попытается...

Он ее не дослушал, он не принял ее неловкой попытки увести разговор в сторону.

— Послушай, Анна...

— Как ты меня назвал?

— Извини, я оговорился.

— Но мне кажется, это имя... Мне кажется, так меня когда-то уже звали, очень давно, в каком-то ином времени, как странно все это...

Он не слушал ее, поглощенный своими мыслями.

— Понимаешь, Элна, я должен увидеть это «озеро». Мне кажется, времени осталось совсем немного, что-то изменилось после того, как мы отключили Хронар.

— Я не знала, что этим кончится! Что ты захочешь пойти туда! Это невозможно, нет, я не пушу тебя, слышишь?!

— Мне надо, Элна. Ты же понимаешь, не в Эсхине здесь дело и даже не в Хронаре. Все гораздо серьезней. Кто-то замахнулся на границы Земной Федерации, кто-то бросил нам вызов... Всему нашему миру и во все его времена, в рэнитском прошлом и в нашем, человеческом, будущем... Я должен знать, кто это, что ему нужно от нас. Возможно, эксперименты рэнитов со временем открыли кому-то лазейку в наш мир. Может быть, сейчас еще не поздно что-то изменить, что-то исправить. Но главное, мы должны знать. Так уж устроены люди, и ничего тут не изменишь.

— Я не пушу тебя, не пушу! Оттуда никто не возвращался, слышишь, никто!

— Я вернусь. Обещаю тебе. Я знал одну земную девушку, очень сильно похожую на тебя... Она жила в суровом и яростном мире, не знала другого и не задумываясь бросила ему вызов, когда пришло ее время... Теперь мы должны сделать то же самое; если нас постигнет неудача, придет еще кто-то, рано или поздно люди справятся с прорвавшейся к ним бедой. Но мне вспоминается, что там, в башне храма, некая жрица, ставшая моей женой, не согласилась поменять

свою судьбу, отдать свой нелегкий жребий кому-то другому. Зачем же ты меня об этом просишь? Дай-ка мне свой интегратор. Сколько там у нас осталось энергии? Вижу. Немного. На двоих не хватит. Не выходи из этого зала. Жди меня здесь.

13

Человек в космическом скафандре высшей защиты сидел напротив Эсхина в глубоком кресле. Поза его казалась напряженной и неестественной, но Эсхин знал, что ему безразлична любая поза. Лица за серебристым светофильтром шлема не было видно, и труднее всего воспринималась мысль о том, что за пластиком шлема нет ничего. Физическая сущность собеседника оставалась для Эсхина загадочной, и, пожалуй, он не стремился к разгадке. Его вполне устраивало то, что визиты странного гостя до сих пор были не слишком часты, и им почти всегда удавалось прийти к соглашению.

— Как ты думаешь, что произойдет, если землянин найдет дорогу к «озеру»?

— Ты спрашиваешь об этом меня, Лонг? Тебе же открыто будущее, не мне. Я всего лишь простой управляющий этого острова.

— Не паясничай, Эсхин. — В голосе Лонга слышалась усталость, почти горечь. Не всякое будущее можно предвидеть. Когда шансы дальнейшего развития равны, получаются две расходящиеся линии, вилка. И никто не знает, на какую из двух дорог свернет время. Я лишь частица скрытого в «озере» разума. Небольшая изолированная частица, мне неподвластны ни его воля, ни его решения. Большая часть этого разума вообще закрыта для моего понимания, слишком велики различия... Но не об этом я пришел говорить с тобой. Мне кажется, ты опять начал недостойную игру и нарушил наш договор. Почему остановился Хронар?

— Откуда мне знать! Я сразу же предложил изба-

виться от землян. Их надо было уничтожить! Едва лишь они появились.

— Тебе бы только все уничтожать, но ты плохо их знаешь. Они пришли бы сюда снова. И не они виноваты в том, что ты никогда не слушал моих предостережений. Разве я не говорил, что Хронар рано или поздно остановится, если ты не прекратишь своих безумных экспериментов? Разве я не говорил тебе, что чужая боль, чужая беда рано или поздно обернется собственной? Разве можно превращать космос в источник угрозы человечеству?

— Не я остановил Хронар! И не мне он нужен! Какое отношение имеет все это ко мне? Почему ты мне задаешь эти вопросы?

— Вот видишь, ты даже не слышишь меня, даже не пытаешься понять... А Хронар уже остановлен. И в обоих рукавах будущего твоего острова попросту нет, тебя тоже там нет, что скажешь?

— Какое мне дело до твоего будущего? Оно не наступит. Завтра вообще не может наступить до тех пор, пока не кончился сегодняшний день. И я знаю, что нужно делать для того, чтобы он длился бесконечно. Хронар остановлен, но вместе с ним остановлено и время. Разве ты сам не говорил, что с остановкой Хронара время замедлится еще больше? Разве это не так? Я перехитрил вас всех.

— Безумец! Что может быть страшней никогда не проходящего дня? Но тебе грозит совсем другое, слышишь шаги? Слышишь топот за дверью? Это твоя судьба.

— Топот? Это меняют караул охранные роботы. — Эсхин встал, тяжело подошел к стоявшему посреди зала тренажеру со стеклянным шаром и нажал кнопку у его основания. Шар осветился и растаял, оставив вместо себя изображение пустого коридора.

— Странно... Куда девалась охрана?

— Ее больше нет и не будет. Не думай о пустяках,

у тебя осталось слишком мало времени. Скажи, ты разве не жалеешь, что так нелепо прожил жизнь? Дал ли тебе счастье тот странный дар, который ты предпочел?

— Меня обманули. Подло обманули. Этот несчастный остров, свихнувшиеся роботы, разве о такой власти шла речь? Разве этого я просил?

— Власть всегда власть. В большом или в малом — какая разница! Ты познал ощущения, доступные лишь цезарям и императорам. Ты повелевал и управлял, решал судьбы людей. Ты получил сполна все, что просил.

— Обман! Один обман! Даже на этом жалком острове я не знал ни минуты покоя! Мне все время казалось, что эти каменные стены рухнут, что роботы рано или поздно предадут меня, а те, кого я превратил в роботов, потребуют возмездия!

— Такова цена. Ее платили все тираны, все, кто избрал твой путь.

Кабины остановились, и толпа биороботов хлынула в наружную галерею. Олег отстал, никто не обращал на него внимания, никто не отдавал никаких приказов или команд, каждый действовал согласно вложенной в него программе.

Внешняя галерея представляла собой невысокий каменный козырек, опоясывавший, очевидно, весь остров. За козырьком расположился карниз, на котором через равные промежутки стояли хорошо смазанные и ухоженные установки энергетических разрядников. То там, то тут с их длинных спаренных антенн, вытянутых вперед и вниз, срывались ослепительные синие сполохи разрядов, и грохот сотрясал скалы.

Каждый из вновь прибывших роботов занял свое место у орудий, и Олег понял, что теперь все резервные, бездействовавшие ранее установки открыли огонь. Безразрывное огненное кольцо опоясало остров, и вода внизу, казалось, кипела. Непосредственной цели не

было. Но, очевидно, тревога объявлена не зря, цель должна появиться.

Вдалеке, у самого поворота, маячила неподвижная фигура охранника. Возможно, с такого расстояния он принимал Олега за такого же, как он, охранного робота, но текли драгоценные секунды, и Олег чувствовал, как все меньше остается минут, дающих ему возможность подумать; охватить взглядом всю обстановку, найти выход. Броситься на охранного робота с голыми руками? Героически погибнуть у всех на глазах? Его не поддержат, даже не поймут. Скорей всего никто не увидит этого бессмысленного поступка. «Должно же хоть что-то вас разбудить! Есть же какое-то средство...»

И в эту минуту, когда он был близок к отчаянию, высоко над пустым белесым горизонтом Энны появилась блестящая точка, быстро увеличивающаяся в размерах. По хвосту раскаленных газов, по тому, что точка вскоре превратилась в светящуюся чечевицу, он понял, что это шлюпка. Значит, они нашли топливо... Или, быть может, не нашли и летят сюда на последних резервах; потому что не могли больше ждать, потому что точно так же поступил бы он сам, оказавшись на их месте... Он словно увидел их всех сразу: сосредоточенное хмурое лицо Фролова, склонившегося над рычагами управления, тонкое нервное лицо Элсона, задумчивое, испещренное грубыми морщинами лицо Дуброва... Все они неслись к острову Рин с невиданной здесь скоростью... Но шлюпку уже поджидали. Жала орудий дрогнули, выбрасывая бесчисленную череду огненных стрел. И тут же он понял, что защитное поле на шлюпке выключено; она заложила крутой вираж над островом, стремясь уйти из зоны обстрела... Если бы у них была энергия, Фролов не стал бы маневрировать. Одно попадание этих рокочущих, ни на минуту не умолкающих огненных водопадов будет достаточно, чтобы покончить со шлюпкой. Неожиданно он понял, что

нужно делать... Те, кто наводил орудия в его друзей, действовали не по своей злой воле, а лишь повинаясь приказу, не выполнить который они не могли. Нужно было искать совершенно новый, непривычный для него путь...

А шлюпка тем временем, уходя от очередного каскада разрядов, круто нырнула вниз, к самой поверхности океана, почти задела ее, потом, внезапно выровнявшись, снова резко взмыла вверх. И тогда Олег шагнул к орудию. Отодвинув плечом заряжающего, встал в общий строй, превратился в одного из тех, кто наводил на его друзей эту летающую смерть, взвалил на свои плечи часть их страшной работы. И, сделав это, он понял, что под серым пеплом внешнего безразличия бьются живые человеческие сердца, тлеет огонь, неугасимый и грозный. Тогда он постарался передать им свою боль, свое отчаяние и ощутил что он на правильном пути, он уже знал, что делать дальше... Самым важным и самым трудным теперь было не упустить ощущение этого общего внутреннего ритма, раскатать его, усилить, провести сквозь глухую пелену запрета и боли, как это он уже проделал однажды со своим собственным сознанием... Ему казалось, что он не выдержит, что разорвется сердце от чудовищного, почти непосильного напряжения... Пот градом катился с его лица, он чувствовал, что задыхается, сознание медленно и неумолимо покидало его... И тут он увидел перед собой живые и осмысленные человеческие глаза... Кто-то встал в строй с ним рядом, кто-то взял на себя часть тяжести, кто-то еще пытался помочь, и вон там, чуть дальше, вспыхнул и заискрился мыслью еще один взгляд, и еще... словно живые нити потянулись к нему со всех сторон, и одновременно с этим слабели, отклонялись в сторону несущие смерть огненные стрелы, летевшие навстречу его друзьям. Завеса уже не была сплошной. В ней появились разрывы, сначала редкие, а затем вдруг почти одновременно умолкли все орудия

северной стороны... И Фролов сейчас же воспользовался этим, бросил шлюпку в образовавшийся разрыв, в считанные секунды проскочив линию огня. Шлюпка пошла на посадку и прилепилась к крохотному, ровному пятачку в нескольких метрах позади Олега.

— Ты помнишь ночь, когда впервые пришло к нам озеро Забвения?

— Я ничего не помню. Ничего! — Эсхин отвернулся, чтобы не видеть блестящей безликой поверхности, заменявшей лицо его собеседника. Ему все время казалось, что там, под металлической пленкой, невидимо блестят живые человеческие глаза, и оттого, что он знал совершенно определенно, что в шлеме не было ничего, кроме пустоты, иллюзия становилась еще сильнее.

— Мы оба были тогда так молоды, Эсхин! Живые соки жизни бродили в нас, и ты не выдержал искушения... Кто-то из нас двоих должен был стать жертвой — ты выбрал меня, и вот теперь я здесь для того, чтобы наблюдать и анализировать твои последние мгновения.

— Довольно! Уходи! У меня больше нет сил, возьми обратно все свои дары, оставь мне лишь покой!

— Ну нет, ты сполна воспользовался нашими дарами. Пришел час расплаты, ты слышишь крики в коридоре?

— Там нет никого! Экран пуст!

— Откуда же эти крики? Где твои охранные роботы, Эсхин? Что это за толпа разгневанных людей появилась в конце коридора, ты видишь? Некому преградить им путь. Некому защитить тебя в эту минуту. Теперь я ухожу, чтобы оставить тебя один на один со своей судьбой. Я запомнил твои глаза. Мы в расчете, больше ты мне уже ничего не должен.

И в то мгновение, когда под натиском нападавших затрещали двери, никого уже не было в кресле напро-

тив Эскина. Фигура человека в скафандре сделалась прозрачной и за секунду до того, как рухнули двери, исчезла совсем.

14

Прежде чем Анна успела возразить, прежде чем успела что-то сделать, Ротанов перевел рычаг прибора на максимальную мощность, направил раструб себе под ноги и нажал кнопку. Пол лопнул, как туго натянутая резиновая мембрана. Сверху еще сыпались куски штукатурки, еще не исчезло фосфоресцирующее свечение в том месте, где интегратор разорвал молекулярные связи, а он уже стоял на ногах. Падение с высоты трех метров слегка оглушило его, зато теперь он находился в нижнем ярусе.

Несколько секунд Ротанов не двигался, привыкал к тусклому освещению. Он все еще боялся, что Анна последует за ним, найдет способ догнать его, остановить самым своим присутствием. Но все было тихо. Он находился в огромном пустом помещении, стены и потолок которого терялись в полумраке, свет из запыленных потолочных панелей едва струился. Все же он понял, куда попал. Здесь находился машинный зал, способный когда-то развивать мощности, необходимые для того, чтобы останавливать и изменять само время.

В машинном зале, растянувшемся на целые километры, было несколько этажей. Ротанов все время старался спуститься ниже, понимая, что только в самом низу должен быть путь в глубины острова, к его сердцу, порождавшему «черные корабли»... Озеро Забвения? Странное название, странное и поэтичное, как все, что исходило от племени бореев. Он вспомнил обряд в храме Юстары, вспомнил Элну и улыбнулся, словно увидел в глубинах этого зала живой огонек костра. Существует ли вообще выход к этому мифическому «озеру». Он бродил среди мертвых механизмов второй час, все еще на-

деясь найти выход или хотя бы ответ на свои сомнения, но лишь запутывался все больше в лабиринте загадок, в металлических развалинах прошлого, в собственных сомнениях. Наконец усталость окончательно сломила его волю. Сегодня был очень трудный день, слишком трудный даже для его могучего организма. Сильно хотелось пить, кругом была гнилая, отравленная остаточной радиацией вода, и ее присутствие лишь усиливало жажду. На стенах кое-где светились фосфорическим светом гигантские слизняки, местами светились и сами стены. Несмотря на прошедшую бездну лет, зал все еще таил в себе смерть и опасность. Надо было поскорей выбираться отсюда, но теперь он уже не смог бы найти направления, откуда пришел. Груды искоруженного мертвого металла и пластика преграждали ему путь. Здесь был ядовит и сам воздух, индикатор отмечал наличие неизвестных частиц, голову сдавливали железные тиски. Они мешали думать, действовать.

Все же он пересек этот многокилометровый зал, набитый радиоактивным металлом, наполненный зловонием тяжелых испарений. Постепенно начали уже проявляться первые симптомы радиоактивного поражения. Симптомы были какими-то необычными, слишком уж быстрыми для простой радиации. Жажда становилась невыносимой. Изменилось ощущение времени. Он поминутно вынужден был поглядывать на свои часы, чтобы не потерять чувства реальности. В приглушенном сознании человека рождались странные искаженные картины и звуки... Тик-так, тик-так... словно тихо и настойчиво у самого уха тикал будильник. Он заметил его не сразу. Может быть, потому, что существо больше всего походило на игрушечного механического цыпленка и слишком уж не вязалось с обстановкой мертвого радиоактивного зала.

Такие игрушки ему покупали в детстве. Треугольное тельце, узкое внизу и широкое сверху, покачивалось на тонких цыплячьих ножках, а огромные глаза-плошки не

мигая уставились на Ротанова. Каждый раз, когда цыпленок перебирал ножками, слышалось это «тик-так».

— Привет, — сказал цыпленок. — Ты почему здесь ходишь?

— Говорящих цыплят не бывает.

— Я не цыпленок.

— Кто же ты?

— Я робот-информатор.

— Ну и чего тебе от меня надо?

— А меня за тобой послали, чтобы найти и проинформировать.

Робот развернулся и важно прошелся туда-сюда по выступу, заложив за спину крохотные тонкие ручки, точь-в-точь как университетский преподаватель перед аудиторией. И по тому, что робот воспринимался им без всякого удивления, как нечто само собой разумеющееся, Ротанов понял, что с сознанием у него не все в порядке. Радиация ощущалась почти физически, она давила, мешала дышать, мешала думать. Пора было уходить.

— Покажешь дорогу?

— А куда тебе надо?

— Я ищу озеро Забвения. Знаешь, как пройти к нему?

— Вообще-то это плохое место, но если тебе очень надо...

— Ты кого-нибудь уже провожал туда?

— О да, многих. Иногда тех, кого превратили в роботов, охватывает странная тоска, и они уходят к озеру...

— Зачем?

— Озеро дает энергию, взамен оно берет тех, кто хочет забыться. Оттуда еще никто не возвращался. Это непростое озеро. Оно не убивает, вернее, убивает не совсем... Ты не будешь чувствовать омерзения, жажды, даже боли. Озеро даст тебе покой и оставит сознание.

— Хорошо. Покажи мне его.

Робот запрыгал перед ним маленьким серым мячиком, и с каждым его крохотным шагом слышалось уютное, успокаивающее «тик-так».

Шли они недолго, минут двадцать, и радиация начала слабеть, разжимать свои чугунные лапы...

Наконец робот остановился перед гранитной стеной. Первой естественной каменной стеной в этом железном лабиринте. Глубоко в нише виднелась крышка круглого люка с мощными стальными запорами, словно здесь был кессон или переходный шлюз корабля.

— Что там снаружи? — хрипло спросил Ротанов, но робот ему не ответил, словно знал, что этот вопрос не нуждается в ответе. Молча он подошел к люку, нажал какие-то кнопки, и невидимые механизмы пришли в работу. Затворы лязгнули, приоткрывая свои пасти, крышка люка медленно, будто во сне, подалась назад и в сторону, обнажив метровую толщу брони. Из круглого прохода за люком пахло холодом и сыростью. Темнота, густая и плотная снаружи, мешала что-нибудь рассмотреть. Ротанов сделал шаг вперед и остановился. Что-то его удержало. Что-то подсознательное, он совершенно определенно почувствовал: если сделает сейчас еще один шаг, обратно уже не вернется. В нем проснулась воспитанная годами осторожность, он медлил, хотя знал, что теперь уже все равно не отступит, все равно сделает этот последний шаг... Он обернулся. Робота не было. Секунду назад он стоял сбоку, у люка, и вот теперь его не было. Исчез, растворился — проводник сделал свое дело. Дальше все зависело от него самого.

Ротанов вернулся в зал, нашел обломок толстой металлической балки, прочной и надежной, с трудом подтащил ее к люку и, заклинив его намертво, сделал наконец шаг наружу. Несколько секунд он неподвижно стоял в белесом тумане, ничего не видя, прижавшись спиной к шершавой и холодной поверхности камня. По-

степенно глаза привыкли к рассеянному наружному освещению, и медленно со всех сторон стали появляться нечеткие контуры предметов. Он стоял на узком каменном карнизе, шага два отделяли его от отвесного обрыва, впрочем, не очень глубокого: где-то внизу, совсем близко, тихо плескалась черная вода... Впрочем, это была не вода. То, что лежало у его ног, словно темный водоем, замкнутый в кольцо гор, не было озером. Ледяным холодом тянуло снизу от этого распластанного неподвижного мрака. Поверхность, разделявшая границу двух сред, слабо светилась, и видны были мельчайшие детали... Вот только чего? То, что лежало внизу, не было плотной массой, не было жидкостью, но не было и паром или туманом. Нечто еще более легкое, более эфемерное, чем пар.

Он видел только, что поверхность под ним волнуется — не так как вода, а иначе, легче. Тоньше были движения отдельных струй, идущих из глубин этого феномена, и каждое движение вызывало на границе раздела целый фейерверк световых всплесков. Странная волна звуков в такт с этим эфемерным движением световых полотен, мелькавших на поверхности мрака, приглушенно доносилась до его слуха. Звуки сплетались всего из двух-трех нот, то протяжных и печальных, то резких и грубых, как вой ветра. Казалось, огромный орган внизу пробует свои силы. Постепенно отдельные движения темной массы внизу стали упорядочиваться, выстраиваться в некий странный хоровод. Темная пустота под световой пленкой начала медленно вращаться, вспучиваясь и поднимаясь в центре, словно там рождался некий гигантский круговорот. Вдруг от центра образования к окружающим скалам метнулись ветвистые лапы электрических разрядов, и гром, зарокотавший внутри каменной чаши, усиленный и отраженный ее стенами, оглушил Ротанова. Но это было только началом. Через минуту черный столб в центре озера стал расти, вытягиваться все выше и раздуваться, как гигант-

ский аэростат, втягивая внутрь себя находившуюся под ним поверхность озера. Самым необъяснимым Ротанову казались мелодичные звуки, сопровождавшие рождение шара. В них определенно был какой-то музыкальный рисунок, ритм, они совсем не походили на случайный набор звуков. И все грандиозней, все величественней становилось зрелище по мере того, как рос шар. Он занимал теперь в поперечнике не меньше двухсот метров и продолжал вращаться. Поверхность озера, следуя тактам странной музыки, едва заметно вибрировала, и вместе с нею, казалось, вибрировали окружающие скалы. Внешняя граница шара была уже совсем близко от человека, каких-то несколько метров отделяло их друг от друга.

Ротанов понял, наконец, что происходит перед ним. Он присутствовал при рождении «черного пузыря», одного из тех, чье нападение заставило земных колонистов покинуть Дзету. Впрочем, было ли то нападением? Были ли атакой встречи в космосе, закончившиеся столь трагически для многих земных кораблей?

Перед ним вращался и пульсировал радужный снаружи, черный и холодный внутри гигантский сгусток чужого мира, «выброс антипространства», «черная дыра», «гравитационный коллапс». Мы любим придумывать звучные названия необъяснимому, нам кажется, что, прикрыв этим словесным покровом грани неведомого, мы сделаем его уютней и проще. «Черная дыра» — о ней теперь знает каждый школьник, и каждый школьник верит, что если он сам и не понимает, что это такое, то зато мудрые бородатые дяди, придумавшие название, наверняка во всем хорошо разобрались и за словесной абракадаброй, за математической шелухой спрятали простую и ясную истину, известную, правда, лишь посвященным.

Ротанов, став одним из таких посвященных, давно уже понял, как часто суть подменяется формой, не содержащей в себе даже крупницы смысла.

«Так вот откуда стартуют «черные корабли»! Теперь он знал хотя бы это.

— Мы заткнем твою жадную глотку, слышишь, ты! — крикнул он безликой черной поверхности, и слова потонули в ней без ответа. Тогда он нагнулся, нашел камень, размахнулся и швырнул его вниз, в озеро. Не было ни всплеска, ни вспышки. Камень просто беззвучно растворился, исчез, не оставив после себя ничего. Только что он был, и вот уже его не осталось в этом мире...

«Мы для них муравьи», — сказала Элна. И, вспомнив ее слова, он вдруг почувствовал гнев на безликое чудовище, рождавшееся у него на глазах, готовящее в себе смерть живому человеческому миру.

У него была еще батарея... Он взглянул на индикатор заряда. Энергии накопилось достаточно, вполне достаточно для того, что он задумал. Возможно, взрыв будет слишком силен, возможно, он уже не уйдет отсюда, потому что никто не смог бы предсказать того, что последует за этим взрывом. Он останется без защиты, и ему не пройти без костюма через зал, лежащий за его спиной, но он знал, что не может позволить безнаказанно родиться еще одному смертоносному шару... «Индикатор на максимум, надо выдернуть предохранитель, разбить крышку, замкнуть контакты, дать хорошенько прогреться распределительному блоку и затем бросить...» Руки делали нужную работу сами собой, и он усмехнулся, подумав, что уж теперь он наверняка заставит себя заметить... Бросок надо было рассчитать так, чтобы взрыв произошел где-то на границе двух сред, он понимал, что не сможет отбросить батарею слишком далеко и не успеет даже отскочить, взрывная волна прежде всего ударит по нему самому. Но он представил, как все его четыре тысячи гигаватт разорвут и разметают в клочья оболочку «черного пузыря». Он видел эту картину и старался не думать ни о чем постороннем.

Руки быстро закончили работу, и не останавливаясь, не давая себе ни секунды на колебание, он размахнулся и швырнул начавшую раскаляться батарею высоко вверх и в сторону по касательной к поверхности «пузыря». Маленький квадратик мелькнул в воздухе, почти коснулся поверхности шара и взорвался в каком-то десятке метров от Ротанова... Станный это был взрыв. Раскаленная, сверкающая плазма, брызнув во все стороны, вдруг замедлила свой стремительный бег... Ротанов видел, как огненные завихрения, несущиеся к нему, тормозятся, меняют форму, закручиваются, протуберанцами взлетают вверх, отклоняются в стороны, словно чья-то огромная невидимая ладонь прикрыла стоявшего на скале человека. Затем шар издал чавкающий звук, выбросил в сторону взрыва черную непрозрачную кляксу и погасил его вовсе... После этого поверхность шара вспыхнула ослепительным радужным сиянием, он замедлил свое вращение, остановился, раскачиваясь, и медленно потянулся к человеку, словно желая рассмотреть его поближе... Но основание шара вдруг сократилось, рвануло его вниз, к озеру, и почти сразу же шар начал наливаться малиновым светом и оседать, уменьшаться в объеме. Все повторялось в обратном порядке, утолщалось основание «пузыря», волновалась и тянулась к нему поверхность озера, словно всасывая в себя недавно извергнутую наружу массу. Наконец «пузырь» исчез вовсе, сгладился, слился с поверхностью озера. Не осталось ничего, даже выступа, напоминавшего о его недавнем рождении. И тогда озеро сначала медленно, а затем все стремительней начало наступать на берега, повышать свой уровень, сокращая те немногие метры, что отделяли его поверхность от стоявшего на карнизе человека. Ротанов услышал шум. Вначале это был просто пронзительный свист, словно сверху на него налетел ветер. Впечатление усиливалось странным давлением на плечи и голову, точно кто-то гнул его книзу со всевозрастающей силой. Казалось,

озеро возмутилось дерзким поведением человека, казалось, оно хотело возразить ему... В глубинах темной массы озера возникли тонкие сверкающие линии.

Вместе с тем свист перешел в мелодичную гамму звуков, она притягивала к себе внимание человека, парализовала волю. Наверное, так пели сирены в древнегреческом легендарном море. Ротанов сделал шаг вперед, еще один. Теперь всего несколько сантиметров отделяло его от края обрыва. Он стоял и смотрел, не двигаясь и ничего уже не опасаясь, потому что все время помнил о руке, прикрывшей его от взрыва,

И тогда он услышал голос, печальный и в то же время ласковый, словно с ним говорила женщина, говорила так, как говорят с человеком лишь один раз в жизни...

— Разве ты не устал от борьбы, от каменистых дорог?

— Нет.

— Как странно, ведь многие так ценят покой... Но не только покой я могла бы подарить тебе. Мои возможности неограниченны в вашем мире, хочешь власти? Этот напиток любит твое племя, я знаю, хочешь власти такой, какой не знал ни один человек?

Твои соплеменники преклонятся перед тобой, обожествят твое имя, ты будешь единолично управлять и распоряжаться судьбами миллиардов, подумай об этом...

— Я думаю. Слишком тяжела расплата. Многие из тех, кто стремился к власти, кто отдал за нее свою жизнь, так и не перенесли последнего своего часа, они ушли с горьким и слишком поздним сожалением о содеянном.

— О какой расплате ты говоришь?

— О бесцельно растратченных годах, об искусственной жизни вокруг, о фальшивых улыбках, о притворном покорстве, о рабской лести, о последнем часе, наконец,

когда груз становится невыносим, когда совесть спросит, что же ты сотворил с собой и с теми прекрасными мгновениями, что были подарены тебе под жарким солнцем? Где твои друзья, человек? Где вершины, которые ты покорил, где женщина, которую ты любил? Что я отвечу? Разве власть не убивает все это? Разве не требует она на свой алтарь непрерывных и страшных жертв?

— Тогда, быть может, ты хочешь безмерного богатства, хочешь, все ценности мира будут принадлежать тебе?

— Ты опоздала со своим предложением на добрую тысячу лет. Но и в далеком прошлом богатство было лишь средством к той же власти, а чаще не дарило и этого. Жадность ослепляла, заставляла безумца кружиться по замкнутому кругу, навсегда делала человека рабом самого себя. Те времена прошли. Теперь даже власти нельзя купить за все сокровища мира. А то немного, что нужно человеку для удовлетворения его собственных нужд, дарится ему природой и обществом бесплатно, как солнечный свет, как воздух, так зачем мне оно, твое богатство?

— Тогда, быть может, ты хочешь молодости, вечной жизни?

— От вечной жизни человек устанет, что же касается долгой и здоровой жизни, каждый человек хотел бы этого. Но ты потребуешь за свой дар слишком высокую цену.

— Ты упрям, человек, упрям и неразумен. — Голос перешел в протяжный свист, и вновь страшная тяжесть обрушилась на плечи Ротанова. Станные картины рождались на поверхности радужной пленки. Он видел там свое детство и молодость, видел чужие миры, которые покорил, видел образы родных и близких ему людей, словно зеркало собственных мыслей лежало перед ним. Словно озеро жадно ловило каждый отблеск его мысли, стараясь понять, разобраться в глубинной

сущности его поступков. Что-то грустное появилось в мелодии, прорывавшейся сквозь свист, тяжесть чуть ослабела, и Ротанов медленно, с трудом передвинув ноги, сделал шаг назад, еще один, еще... Спина уперлась в камень. Он нашарил рукой отверстие, пригнулся и отпрыгнул в люк. Задыхаясь, выхватил балку и защелкнул стальные запоры. Он подпирал люк балкой, когда вновь услышал голос.

— Я могла бы растворить эти стены в одну минуту. Ты слышишь меня, человек?

— Я слышу. Чего же ты медлишь? Я обещаю, что, если ты отпустишь меня сейчас, я уничтожу тебя.

— Ты уже сделал все, что нужно, остановив Хронар. Я лишь ждала нашей встречи, чтобы не совершить ошибки, а теперь уйду навсегда. Мир, в котором разум осознал свое назначение, священен. Прощай.

Обессиленный, он прислонился к стене; капли пота сбегали по его лицу. За метровыми стенами из брони и камня он не мог видеть, как стремительно начало метель озеро, сжимаясь и откатываясь назад. Как медленно оторвался от планеты невидимый извне черный рукав, соединявший ее с коллапсирующей звездой, и, неуклонно сокращаясь, стал уходить в сторону Эпсилона, словно огромный осьминог втягивал в себя свое гигантское щупальце.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Гости из бездны	5
Часть вторая. Планета белых ночей . . .	163

ИБ № 4194

Евгений Яковлевич Гуляковский

ДОЛГИЙ ВОСХОД НА ЭННЕ

Редактор **О. Завьялова**

Рецензент **С. Павлов**

Художник **И. Айдаров**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **Н. Самойлова, И. Тарасова**

Сдано в набор 13.05.85. Подписано в печать 30.10.85. А13707. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 15,05. Учетно-изд. л. 15,6. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена 1 р. 10 к. Заказ 683.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

1 р. 10 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

